

2021, № 1 (39)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

МЕТАФИЗИКА

В этом номере:

- Ментальность в гуманитарных науках
- Российская ментальность в философии
- Российская ментальность в естественных науках
- Проблемы творческого мышления

2021, № 1 (39)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021, № 1 (39)

Основан в 2011 г.

Выходит 4 раза в год

Журнал «Метафизика» является периодическим рецензируемым научным изданием в области математики, физики, философских наук, входящим в *список журналов ВАК РФ*

Цель журнала – анализ оснований фундаментальной науки, философии и других разделов мировой культуры, научный обмен и сотрудничество между российскими и зарубежными учеными, публикация результатов научных исследований по широкому кругу актуальных проблем метафизики

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки

Индекс журнала в каталоге подписных изданий Агентства «Роспечать» – 80317

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–45948 от 27.07.2011 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

• **МЕНТАЛЬНОСТЬ
В ГУМАНИТАРНЫХ
НАУКАХ**

• **РОССИЙСКАЯ
МЕНТАЛЬНОСТЬ
В ФИЛОСОФИИ**

• **РОССИЙСКАЯ
МЕНТАЛЬНОСТЬ
В ЕСТЕСТВЕННЫХ
НАУКАХ**

• **ПРОБЛЕМЫ
ТВОРЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ**

Адрес редакционной коллегии:
Российский университет
дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6,
Москва, Россия, 117198
Сайт: <http://lib.rudn.ru/35>

Подписано в печать 15.02.2021 г.
Дата выхода в свет 31.03.2021 г.

Формат 70×108/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,1.
Тираж 500 экз. Заказ 23.
Отпечатано
в Издательско-полиграфическом
комплексе РУДН
115419, г. Москва,
ул. Орджоникидзе, д. 3
Цена свободная

METAFIZIKA

SCIENTIFIC JOURNAL

(Metaphysics)

No. 1 (39), 2021

Founder:
Peoples' Friendship University of Russia

Established in 2011
Appears 4 times a year

Editor-in-Chief:

Yu.S. Vladimirov, D.Sc. (Physics and Mathematics), Professor
at the Faculty of Physics of Lomonosov Moscow State University,
Professor at the Academic-Research Institute of Gravitation and Cosmology
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Editorial Board:

S.A. Vekshenov, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Russian Academy of Education

P.P. Gaidenko, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

A.P. Yefremov, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

V.N. Katasonov, D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Theology), Professor,
Head of the Philosophy Department of Sts Cyril and Methodius'
Church Post-Graduate and Doctoral School

Archpriest Kirill Kopeikin, Ph.D. (Physics and Mathematics),
Candidate of Theology, Director of the Scientific-Theological Center
of Interdisciplinary Studies at St. Petersburg State University,
lecturer at the St. Petersburg Orthodox Theological Academy

V.A. Pancheluga, Ph.D. (Physics and Mathematics), Senior researcher,
Institute of Theoretical and Experimental Biophysics of the Russian Academy of Sciences

V.I. Postovalova, D.Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate
of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Institute
of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

A.Yu. Sevalnikov, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Logic
at Moscow State Linguistic University

V.I. Belov (Yurtaev), D.Sc. (History), Professor at the Peoples' Friendship University
of Russia (Executive Secretary)

S.V. Bolokhov, Ph.D. (Physics and Mathematics), Associate Professor
at the Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary
of the Russian Gravitational Society (Secretary of the Editorial Board)

ISSN 2224-7580

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1

МЕТАФИЗИКА НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021, № 1 (39)

Учредитель:
Российский университет дружбы народов

Основан в 2011 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор –

Ю.С. Владимиров – доктор физико-математических наук,
профессор физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор Института гравитации и космологии
Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

Редакционная коллегия:

С.А. Векишев – доктор физико-математических наук,
профессор Российской академии образования

П.П. Гайдено – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, член-корреспондент РАН

А.П. Ефремов – доктор физико-математических наук,
профессор Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

В.Н. Катасонов – доктор философских наук, доктор богословия, профессор,
заведующий кафедрой философии Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Протоиерей Кирилл Конейкин – кандидат физико-математических наук, кандидат
богословия, директор Научно-богословского центра
междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского
государственного университета,
преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии

В.А. Панчелюга – кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник Института теоретической
и экспериментальной биофизики РАН

В.И. Постовалова – доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела теоретического
и прикладного языкознания Института языкознания РАН

А.Ю. Севальников – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, профессор кафедры логики
Московского государственного лингвистического университета

В.И. Белов (Юртаев) – доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов (ответственный секретарь)

С.В. Болотов – кандидат физико-математических наук,
доцент Российского университета дружбы народов,
ученый секретарь Российского гравитационного общества
(секретарь редакционной коллегии)

ISSN 2224-7580

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1

CONTENTS

EDITORIAL NOTE (<i>Vladimirov Yu.S.</i>)	6
MENTALITY IN THE HUMANITIES	
<i>Postovalova V.I.</i> Mentality as an underlying anthropological reality and ways of its comprehension in the humanities (Experience of epistemological consideration)	8
<i>Neklessa A.I.</i> Metamorphosis of civilizational transit. Evolutional Marathon and Social Mentality	31
<i>Vladimirova T.E.</i> About Russian mentality in language, speech and scientific discourse	41
<i>Odintsova I.V.</i> Russian language mentality in the aspect of linguodidactics	56
<i>Tarlanov Z.K.</i> Mentality and language research practice	65
<i>Maslova V.A.</i> Metaphysics of language as a teaching about deep knowledge about the world and man	79
<i>Zakharov V.D.</i> Ethnology L.N. Gumilev in the light of Christianity	88
THE RUSSIAN MENTALITY IN PHILOSOPHY	
<i>Amelina E.M., Roldugin O.Yu.</i> Domestic philosophical thought about national mentality	100
<i>Yakovlev V.A.</i> Mentality of the technocratic culture	109
RUSSIAN MENTALITY IN THE NATURAL SCIENCES	
<i>Gryaznov A.Yu.</i> Physics and Russia	119
<i>Vladimirov Yu.S.</i> Russian thinkers about the bases of physical reality	140
CREATIVE THINKING PROBLEMS	
Perfect Maths for Imperfect Minds: A Neuroscience Insight. Interview with <i>Anna Sverdlik</i> / Interviewed by A.A. Sidorova-Biryukova.....	151
<i>Vekshenov S.A.</i> The world of multiplies as a mirror of the key worldvision paradigms	161
<i>Bakhtiyarov K.I.</i> Metalogic: the revival of logic.....	176
OUR AUTHORS	183

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ (Владимиров Ю.С.)	6
МЕНТАЛЬНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	
<i>Постовалова В.И.</i> Ментальность как глубинная антропологическая реальность и пути ее постижения в гуманитарном познании (опыт эпистемологического рассмотрения)	8
<i>Неклесса А.И.</i> Метаморфозы цивилизационного транзита. Эволюционный марафон и социальная ментальность	31
<i>Владимирова Т.Е.</i> О русской ментальности в языке, речи и научном дискурсе ..	41
<i>Одинцова И.В.</i> Русская языковая ментальность в аспекте лингводидактики	56
<i>Тарланов З.К.</i> Ментальность и языковедческая исследовательская практика	65
<i>Маслова В.А.</i> Метафизика языка как учение о глубинных знаниях о мире и человеке	79
<i>Захаров В.Д.</i> Этнология Л.Н. Гумилёва в свете христианства	88
РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ	
<i>Амелина Е.М., Ролдугина О.Ю.</i> Отечественная философская мысль о национальном менталитете	100
<i>Яковлев В.А.</i> Ментальность технократической культуры	109
РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ	
<i>Грязнов А.Ю.</i> Физика и Россия	119
<i>Владимиров Ю.С.</i> Отечественные мыслители об основаниях физической реальности	140
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	
Почему математика невероятно точна: взгляд с позиций нейронауки. Интервью с <i>А.Г. Свердлик</i> / интервью провела А.А. Сидорова-Бирюкова	151
<i>Векишенов С.А.</i> Мир множеств как зеркало ключевых мировоззренческих парадигм	161
<i>Бахтияров К.И.</i> Металогика: пробуждение логики	176
НАШИ АВТОРЫ	183

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-6-7

Данный выпуск нашего журнала посвящен обсуждению вопросов менталитета, его роли в творчестве и, главное, прояснению содержания отечественного менталитета и его роли в решении назревших научных проблем. В настоящее время этот вопрос чрезвычайно важен в связи с часто встречающейся недооценкой важности сложившихся в нашем отечестве особенностей мышления, наших представлений о приоритетах и тенденциях в научном творчестве.

Предлагаемый читателю выпуск журнала состоит из четырех частей. В статьях первой части «Ментальность в гуманитарных науках» показана история осознания самого понятия ментальности и охарактеризована его суть. В статье В.И. Постоваловой ментальность предстает как «многомерное и многоплановое образование, содержащее множество различных слоев – от самого глубинного духовного уровня коллективного и индивидуального сознания, входящего в состав сокровенного “внутреннего” человека, до проявлений этого глубокого начала в разных формах бытия человека, изучаемых в разных гуманитарных дисциплинах в различных своих осмыслениях – культурологическом, культурно-историческом, психологическом, социологическом, социально-философском и многих других». Как отмечает А.И. Неклесса, мир находится в состоянии комплексного цивилизационного транзита, когда возрастает роль геокультуры и повышается значение геоантропологии, «фиксирующей изменения в картографии человеческих активов, их потенциал, генетическое и прочее разнообразие, становление новых идентичностей, пути и динамику антропотоков, перераспределяющих население планеты». В статьях этой части особое внимание уделено проявлениям отечественной ментальности в языке, культуре, нравах.

Во второй части «Ментальность в философии» изложены мысли о сути российской ментальности выдающихся отечественных философов: В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Н. Булгакова и др. Так, Е.М. Амелина и О.Ю. Ролдугина, опираясь на взгляды российских мыслителей и особенно Н.А. Бердяева, отмечают сверхнациональную направленность отечественного народного духа. Авторы пишут: «Россия имеет великую миссию. Она призвана быть освободительницей других народов, защитницей слабых. И если европейское самосознание страдает узостью, мешанством (французский дух), замкнутостью и самовлюбленностью (дух германизма),

то русскому духу свойственны бытовая свобода и христианский универсализм. Он любит, ценит и признает в мире творческие таланты всех народов, что позволяет ему соединить Восток и Запад. При этом в нем «есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомые западным народам» (Н.А. Бердяев)».

Кроме того, в этой части обсуждены проблемы формирования общечеловеческой ментальности в свете кардинальных технократических преобразований.

В третьей части «Ментальность в естественных науках» предпринята попытка показать влияние отечественного менталитета на развитие в нашей стране физики. Обращено внимание на то, что в течение ряда веков в Западной цивилизации доминирующим был редуционистский подход к физической реальности, тогда как на Востоке (в частности в Китае) доминировал холизм. Современные исследования в области фундаментальной физики нацелены на построение единой теории физической реальности («теории всего»), что означает сближение с принципами, доминирующими на Востоке. Поскольку Россия занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, есть основания полагать, что холистическая доминанта в отечественном менталитете положительно скажется на развитии фундаментальной физики в нашей стране. Имеются и другие особенности отечественного менталитета, которые уже много раз приводили к выдающимся достижениям наших ученых.

Наконец, в последней части «Проблемы творческого мышления» рассмотрены проблемы научного творчества с разных позиций – нейрофизиолога, математика и философа.

Вопросы, затронутые в данном выпуске, нуждаются в дальнейшей разработке. К ним предполагается вернуться в будущих номерах нашего журнала.

Ю.С. Владимиров

МЕНТАЛЬНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-8-30

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ГЛУБИННАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПУТИ ЕЕ ПОСТИЖЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ (ОПЫТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ)

В.И. Постовалова

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1

Аннотация. Работа посвящена эпистемологическому анализу становления идеи ментальности в современном гуманитарном познании. Рассматриваются истоки, подходы и основные направления в осмыслении ментальности в науке XX–XXI вв. Развивается мысль о том, что динамический путь учения о ментальности в современной культуре может быть представлен как восхождение от полидисциплинарности в изучении ментальности к созданию ментологии как интегративной дисциплины. Подчеркнута мысль о том, что для понимания процессов становления идеи ментальности в гуманитарном познании необходимо учитывать, помимо имманентного ракурса представления данной темы в составе отдельных дисциплин, также общий контекст формирования гуманитарного знания. Обсуждается вопрос об эвристической ценности идей и принципов учений о целостности для разработки интегративных концепций ментальности. Выдвигается предположение о том, что в качестве онтологического основания для разработки ментологии может быть избрана «антропология цельности», а в качестве методологического инструментария для конструирования данной дисциплины – «философия цельности» в ее различных вариантах, основывающихся на принципах холизма и в особенности всеединства.

Ключевые слова: гуманитарное познание, полидисциплинарность, интегративная дисциплина, менталистика и ментология, ментальность, категория, концепт, картина мира, цельность, принцип холизма, всеединство.

Душу человеческую можно уподобить океану. Мы в состоянии исследовать и измерить ее только у берегов, т.е. на ее перифериях – в области т[ак] наз[ываемой] психофизической жизни. Но чем более мы отходим отсюда к ее сокровенным глубинам, тем труднее подходить к ней с какой-либо определенной мерой и числом. Творческая жизнь <...> не может быть взвешена на весах точной науки. Здесь исследователь должен невольно положить печать на уста свои <...> ибо ограниченное здесь соприкасается уже с Абсолютным. Напрасно мы хотим проникнуть в духовную утробу человека и видеть, как зарождается и зреет здесь великая мысль. Эта тайна <...> которая также мало понятна нам, как и самому творцу. Последний является загадкой для самого себя. Как земледелец, он <...> не знает, как растет в нем великое зерно, заложенное высшею Творческою рукою.

Митрополит Анастасий (Грибановский).

Беседы с собственным сердцем

Вступительные замечания

Характерную черту современного гуманитарного познания составляет тенденция к созданию новых интегративных областей знания, посвященных изучению человека в его целостности или единстве всех сторон его бытия – мирозерцания, познания, культуры и духовной жизни. К числу таких новых областей знания, формирующихся в наше время в русле гуманитарного познания, относится направление, посвященное изучению так называемой ментальности человека (от лат. *mens* – ‘ум’, ‘мышление’, ‘образ мыслей’, ‘душевный склад’), изучаемой в разное время и в разных ракурсах своего представления во множестве дисциплин и сфер познания – эпистемологии, культурной и социальной антропологии, этнологии, этнопсихологии, социальной и исторической психологии, философии творчества, литературоведении, социолингвистике, лингвокультурологии, политологии, педагогике, лингвострановедении, когнитологии и др.

В различных учениях, разрабатываемых в составе этих дисциплин, тот аспект универсальной антропологической реальности, который стали именовать ментальностью или менталитетом, называется по-разному: как душевный склад и духовный облик народа, духовный стиль и духовная настроенность, национальный дух и национальный характер, национальное мышление и умонастроение, «склад ума» и стилистика мышления, психическая «оснастка» и умственный инструментарий, позволяющий человеку осознавать свое окружение и самого себя, мировидение и миропонимание человека и как ряд других подобных именовании, передающих идею целостности в понимании человека и его отношения к миру.

Комплексную сферу гуманитарного знания и деятельности, занимающуюся проблемами ментальности в самых разных ракурсах – теоретико-методологическом, эмпирическом и жизненно-практическом, в наши дни именуют иногда «менталистикой» (см., напр.: [30]). Саму же формирующуюся интегративную научную дисциплину в ее составе будем называть в данной работе «ментологией», а направление, посвященное изучению ментальности в гуманитарном познании, – «ментологическим». Опираясь на данное терминологическое разграничение, динамический путь учения о ментальности в современной культуре можно представить как путь восхождения от менталистики к ментологии.

1. Концепция ментальности: истоки, подходы, направления

История появления термина «ментальность» и близкого по значению термина «менталитет» в научно-философской мировой и европейской мысли в наше время достаточно хорошо изучена. Исследователи отмечают, что термин «ментальность» встречается уже у американского философа и поэта Р. Эмерсона (1856), пытавшегося «связать воедино метафизические и психологические проблемы общественных настроений» [38]. Еще ранее этот термин использовался французским политиком и историком А. де Токвилем, который в своей книге «Демократия в Америке» (1835) пытался отыскать первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в американском обществе, что и составляет, в его представлении, национальный характер [17. С. 272].

В начале двадцатого века термин «менталитет» использовался в работе этнолога и социантрополога Л. Леви-Брюля в его сопоставительном описании мышления первобытного человека и мышления современного цивилизованного человека. В своем исследовании «*La mentalité primitive*» («Первобытное мышление») 1922 г. Леви-Брюль говорил о несоизмеримости пралогического (дологического) мышления австралийских и африканских племен с его «законом сопричастия», или партиципации (*loi de participation*), и логического (рационального) мышления в современной европейской традиции, основанной на логическом законе противоречия. В эти же годы термин «менталитет» был привнесен в область психологии Ш. Блонделем (1926) и А. Валлоном (1928).

Известно, что французский писатель Марсель Пруст, впечатленный смысловой новизной слова «ментальность», вводит данный неологизм на страницы одного из своих произведений. Как рассказывает об этом А.Я. Гуревич: «*Mentalité*, по словам одного из персонажей романа “У Германтов”, означает в точности то же самое, что и “образ мыслей”, но “никто не знает, что этим желают сказать”: “это нечто самоновейшее... Другой собеседник отвечает: “*Mentalité* мне нравится. Есть вот такие новые слова, которые пускают в оборот, но они не прививаются”» [14. С. 60]. Однако, продолжает Гуревич: «Слово “ментальность”, вопреки предположению героя романа, привилось. В исторической науке его ожидала большая судьба» [Там же].

Широкое распространение в разных сферах культуры и общественной жизни термины «ментальность» и «менталитет» получили благодаря деятельности французской исторической школы «Анналов», поставившей перед собой задачу разработки глобальной («тотальной») истории, рассматриваемой в ее целостности и глубинных, сущностных взаимосвязях. Главным признаком новой исторической науки стало использование ее основоположниками понятия ментальности, соотносимого с антропологией, психологией и культурой, а также разработка отдельного направления, названного ими «историей ментальности», предметом изучения которой стала «реконструкция способов поведения, выражения и умолчания», передающих общественное миропонимание и мирочувствование [38].

Под влиянием деятельности школы «Анналов» идея ментальности перешагнула границы французской исторической науки и распространилась на другие сферы гуманитарного познания. Ментальность стала рассматриваться в них как «интегральная характеристика духовной жизни индивида (социума)» [51]. А также как «духовный феномен, сопряженный в своей динамике с коллективным, социальным бессознательным и общественным сознанием» и «определяющий национально-культурную уникальность и идентификацию субъекта исторического процесса» [48. С. 41].

Согласно такому пониманию, мир ментальности, интерсубъективный по своей природе, соединяет воедино высокорационализированные и развитые формы сознания – науку, философию, религию, идеологию – с бессознательными структурами, неосознаваемыми культурными кодами, а также с полусознаваемыми «культурными шифрами», определяя тем самым образ жизни человека в ее целостности [5. С. 525; 17. С. 271].

Представители разных наук увидели в ментальности универсальное понятие, с помощью которого стало возможным единообразно и наиболее полно описывать широкий круг антропологических феноменов, изучаемых в данных дисциплинах. В силу многовекторности ментальности круг изучаемых предметов в современном ментологическом представлении чрезвычайно широк. Он содержит: 1) когнитивную сферу сознания, включая знания, воззрения, верования и чувствования, которыми обладает определенная общность людей, 2) иерархию ценностей, 3) доминирующие потребности, 4) архетипы коллективного бессознательного, а также 5) стереотипы мышления и поведения людей, определяющие реакции на окружающий мир индивидов и общностей различных эпох, географической и социальной среды [2. С. 477]. В новой исторической науке в этот круг предметов включают также «социально психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [12. С. 75].

В современном гуманитарном познании ментальность (менталитет) в ее самом общем истолковании понимается как «некое неповторимое содержание, хранящееся в таинственных глубинах духа, – часто неявное, подсознательное, выражающее себя в повседневных поведенческих структурах, но также и в литературе, искусстве, музыке и других произведениях культурного

творчества» [50. С. 4]. Список таких проявлений ментальности (менталитета), выделяемых в разных ментологических концепциях, не является постоянным и может значительно варьировать в зависимости от избираемого ракурса рассмотрения ментальности, метаязыка описания, а также экспланаторного диапазона применяемой реконструкции.

При осмыслении идей новой исторической школы исследователи столкнулись с практической непереводаемостью французского слова «*mentalité*» на другие языки. Как пишет об этом А.Я. Гуревич в своей работе, посвященной школе «Анналов», французское слово «*mentalité*» оказалось трудно перевести однозначно на другие языки, хотя во многих из них имеются слова, этимологически сходные с французским «*mentalité*». Таковы английское *mentality* и немецкое *Mentalität*.

Французское «*mentalité*» с учетом его концептуального осмысления можно было бы перевести и как «умонастроение», и «мыслительные установки», и «коллективные представления», и «воображение», и «склад ума». Точнее же всего тот смысл, который основатели школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр вкладывали в термин «*mentalité*», согласно Гуревичу, передает выражение «видение мира», или «мировидение» [14. С. 58]. По мнению же других авторов, французское слово «*mentalité*» наиболее адекватно передают два других термина, дополняющие друг друга, – «мировосприятие» и «самосознание» [9].

В современной гуманитарной науке закрепилось два термина, связанных с идеей «*mentalité*», – это «ментальность» («ментальности») и «менталитет», которые в разных научных концепциях могут либо выступать как синонимы, либо содержательно различаться. Кроме того, встречается термин «ментальный», широко применяемый для выражения мыслительной реальности. Так, А.Я. Гуревич, развивавший в отечественной науке идеи исторической школы «Анналов», говорит о ментальном универсуме как предмете изучения истории: «На историке лежит колоссальная ответственность: он берется “возродить” ментальный универсум тех, кто давно и безвозвратно канул в прошлое, и его долг, научный и нравственный, заключается в том, чтобы восстановить этот универсум в его истинности, по возможности не приписывая не свойственных ему признаков» [13. С. 8–9].

О ментальном, или «воображаемом», мире речь идет в современной логике с ее понятием «возможных миров», в науках об искусстве, изучающих художественное творчество, а также в дискурсологии, где под дискурсом понимается особый ментальный мир, запечатленный в текстах. Как характеризует феномен дискурса в этом ракурсе Ю.С. Степанов: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир”» [41. С. 44].

Исследователи обращают внимание на известную неопределенность и расплывчатость толкований как ментальности, так и менталитета, притом что

число дефиниций их продолжает неуклонно возрастать. Такую нестрогость понятия «*mentalité*» пытаются объяснять не только тем, что данное понятие было недостаточно прояснено историками. Такая неясность, в их представлении, имеет свои онтологические основания. Она связана с универсальным характером самого этого феномена. По выражению А.Я. Гуревича, исследуемый предмет «не очерчен четко в самой ткани истории, он присутствует в ней повсюду» [14. С. 67–68]. А это означает, что во всех проявлениях ментальности может быть обнаружено содержание сознания, которое не выражено эксплицитно и «намеренно», но «коренится в потаенных глубинах социальной и индивидуальной психики» [Там же. С. 68].

Хотя в своем опыте изучения ментальности исследователи имеют дело с категориями мышления, нормами поведения и сферой чувств, сама ментальность как таковая находится глубже этих форм как нечто неоформленное. Об этой особенности ментальности говорит У. Раульф: «Ментальность нечто еще не структурированное, некоторая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом, область возможного для него. Это “нечто” проявляется, только проецируясь на экран различных социальных практик, материализуется в мышлении, чувствах и действиях» [18. С. 12].

Ментальность стала пониматься в гуманитарных дисциплинах как «глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [45], как «порождающее начало» и «трудно определимый исток культурно-исторической динамики» [5. С. 525]. В самой же ментальности все многообразные антропологические оппозиции, характеризующие бытие человека – природное и культурное, рациональное и иррациональное, эмоциональное и рассудочное, индивидуальное и общественное, «растворяются» в ее структурах [Там же].

Сокровенный характер, неосознаваемость, нерелефлируемость и логическая невыевляемость относятся к числу инвариантных свойств ментальности и ее неизменных констант. В число таких свойств ментальности входят также консерватизм и инерционность, сопротивляемость воздействию со стороны социальных образований. Общей характерной чертой ментальности, отличающей ее от законченных и продуманных концептуальных доктрин и идеологических конструкций, является также открытость, незавершенность, диффузность, континуальность, «разлитость» в культуре и обыденном сознании [12. С. 75; 38].

Рассматривая становление терминологии, связанной с ментальностью и менталитетом, В.Н. Мильцин, ссылаясь на данные французского толкового словаря «*Le Petit Robert*» (2000), датирующего появление данного термина 1877-м г., и на некоторые другие издания, приходит к выводу, что в современных гуманитарных науках, занимающихся осмыслением менталитета и ментальности, речь может идти скорее не о новизне терминологической, а о «новизне понятия» [31]. Такая новизна, очевидно, проистекает из множества оснований. И, прежде всего, она определяется спецификой

постановки выдвигаемых проблем и избранием теоретико-методологических путей их разрешения.

По выражению А.Я. Гуревича, отличительную черту школы «Анналов» составляет «смелая постановка новых проблем», которые до них в исторической науке обычно не ставились [14. С. 269]. К таким проблемам он относит: 1) проблемы человеческого самосознания, 2) аспекты истории меняющегося человеческого восприятия мира, 3) ориентации индивида и группы, а также 4) системы ценностей [Там же. С. 270].

Самой главной проблемой этой школы с самого начала ее формирования стала проблема синтеза в истории, поиск того «“узла”, где смыкаются все движения социальной жизни» [Там же. С. 20]. И проблема – весьма актуальная, ибо в историческом мышлении был «утрачен целостный взгляд на историю» [Там же. С. 282]. К числу новейших тем изучения в данной школе, ставших предметом пристального изучения, Гуревич относит также изучение личности. «В конечном итоге, – замечает он, – все аспекты изучения истории ментальностей, сколь ни гетерогенны они и ни разбросанны, стягиваются к единому центру – к личности, которая – структурируется в зависимости от типа культуры» [Там же. С. 287].

Тема ментальности получила впоследствии самое широкое развитие в гуманитарном познании. К числу достаточно разработанных областей изучения ментальности можно относить ментологическую компаративистику, направленную на сопоставительный анализ самых разных образов мира и его отдельных фрагментов, представленных в разных языках и культурах (см., напр.: [8; 23]).

К числу разработанных разделов ментологического направления относится типология ментальностей и менталитетов, а также ментологическая характеристология, направленная на описание отдельных типов мышления в национальных школах, и типов мышления, существующих в отдельных направлениях культуры. Отдельную страницу в изучении ментальности составляет изучение языковой ментальности (см., напр.: [36]). Описание русской ментальности в категориях языка представлено в работах В.В. Колесова, понимающего под ментальностью «тип национальной речемысли» [19. С. 334; 20].

2. Концепция ментальности в становлении гуманитарного знания XX–XXI вв.: созвучия и параллели

Согласно основному принципу современной эпистемологии, формирование новой сферы знания неотделимо от общего контекста познания. Поэтому для понимания процессов становления идеи ментальности в гуманитарном познании необходимо учитывать, помимо имманентного ракурса представления данной темы, также самый широкий контекст становления гуманитарного познания в целом.

Рассмотрим некоторые моменты логического развития идеи ментальности в общем русле становления гуманитарной мысли. Уже самые первые эпистемологические наблюдения показывают, что зародившаяся в русле

французской исторической школы и получившая распространение в других гуманитарных сферах познания идея ментальности оказалась глубоко созвучной важнейшим течениям в области гуманитарного познания XX–XXI вв.

К таким моментам относится, прежде всего, выдвинутый новыми историками принцип «изучения человека как субъекта в его социокультурной обусловленности» [16. С. 534]. Подобное акцентирование внимания на аспекте субъектности не является специфической особенностью стилистики мышления только исторической школы «Анналов», но составляет характерную черту гуманитарного мышления нашего времени. Философы и культурологи говорят об антропологическом повороте в культуре и познании. Лингвисты – о необходимости изучения «человеческого фактора» в языке. И даже историографы стали использовать метаязык антропологического подхода, утверждая, например, что для начального этапа деятельности школы «Анналов» был характерен «повышенный интерес к истории ментальности, к “человеческому фактору” в истории» [Там же. С. 533–534].

Комментируя идею антропологического поворота в новой истории, исследователи отмечают известную парадоксальность самой этой идеи для гуманитарной науки, призванной по самому своему назначению заниматься изучением человека и его мира. Действительно, основной лозунг данного подхода – антропологизм, или установка на «человечность», применительно к исторической науке без специального пояснения представляется если и не конца парадоксальным, то, по крайней мере, тавтологичным. В интерпретации ряда авторов, такую установку на «человечность истории» антропологически ориентированные историки и стали усматривать в изучении ментальной сферы. Ментальность явилась для них тем «окуляром», через посредство которого они стали рассматривать историческую реальность [18. С. 7].

Философы и культурологи связывают возникновение школы «Анналов» в XX в. с реакцией историков на европейский кризис понимания разума и его роли в познании. Они полагают, что понятие *mentalite* утвердилось в интеллектуальной жизни Запада как своего рода «поправка» XX в. к характерному для классического рационализма XIX в. отождествлению сознания со сферой разума, – отождествлению, идущему еще от эпохи Просвещения [5. С. 52; 545].

В такой своей реакции историки оказались созвучными общим тенденциям становления научного познания. Современная неклассическая наука смягчила претензии классической науки на полное исключение субъекта исследования из отображаемой ею картины реальности и поставила в центр внимания внутринаучной рефлексии вопрос о значимости субъекта познания при формировании научного знания. Этот момент получил свое осмысление и в науке о ментальности. Вот как эксплицитно выражает свое осознание этого момента Г.Д. Гачев, приступая к изложению своего культурно-экзистенциального подхода к изучению ментальности: «В экспериментальной физике XX в. столкнулись с тем, что прибор влияет на получаемые данные опыта: потоки элементарных частиц, пролетая в поле прибора, испытывают из-за него отклонения, и надо делать поправку на вторжение прибора в опыт. Ну а в гуманитарной науке что прибор? А вот я <...> человек, подверженный

страстям, комплексам и настроениям, которые гнут мысль сегодня в этом направлении, а завтра <...> в ином. На все это и надо делать поправку» [7. С. 13].

Вводя в научное познание представление о *mentalité* как глубинной антропологической реальности и целостном духовном феномене, новые историки индуктивным путем подошли к вопросу о выразимости в гуманитарном познании уникального, личностного начала в человеке, на что ранее притязало только религиозно-философское и богословское мышление, а также в известной степени искусство и художественное творчество в целом. Перед научным познанием во всей своей неотложности возник вопрос о том, возможно ли, оставаясь в рамках научного гуманитарного мышления, направленного на рационально-теоретическое осмысление постигаемой реальности, передавать уникальное, личностно-неповторимое начало в человеке. И если это возможно, то каковы будут пределы такой возможности.

Как подчеркивает С.С. Неретина, новые историки, задаваясь вопросом о том, как соединить индивидуальное и коллективное начала в истории при изучении ментальности, подошли к постановке такого вопроса, разрешение которого возможно осуществлять лишь философско-логическим путем. По словам Неретиной, в средневековой логике данный вопрос звучал как вопрос об универсалиях. А именно, как вопрос о том, «каким образом существует субстанция как род – до, в или после индивидуальной вещи?» [32]. В итоге, резюмирует Неретина: «Налицо не просто размышления историков, но историков, хотя и не желающих того, но явно выходящих за рамки своей науки, озадаченных вопросом: что такое история, вопросом, на который ответить можно (при учете представленных рассуждений) только философско-логическими средствами» [Там же].

Таким образом в гуманитарной науке возникла парадоксальная ситуация. Усилиями новых историков для научного мышления открылась новая антропологическая реальность, для которой нашлось и специальное именование – «ментальность» (менталитет). Была осознана необходимость постижения таковой реальности. Но оказалось, что на языке существующей науки суть этой реальности как неповторимо уникального феномена невозможно выразить концептуальным образом ввиду ее целостного характера. Ведь предельное, к которому относится ментальность, плохо поддается рационализации.

Какой же выход в этой ситуации открывался для научной мысли? С позиций эпистемологии для нее предоставлялось несколько возможностей для разрешения этой ситуации.

Первый путь, который могло избрать для себя гуманитарное мышление, заключается в том, чтобы обратиться к опыту тех сфер познания, которые издавна имеют дело с целостными образованиями. Таковыми являются философия и религия с их персоналистическими учениями и искусство, где индивидуальное передается, в частности, с помощью портрета. На этом пути для представления ментальности как целостного образования возможно было бы объединять разные стили и типы мышления. Например, соединять научный, художественный и даже религиозный типы мышления.

По этому пути пошел Г.Д. Гачев при разработке своего культурно-экзистенциального подхода при изучении ментальностей. Поставив перед собой задачу воссоздавать национальные образы мира, или национальные ментальности, Гачев, подобно художнику, стремился с помощью концептуально-художественных средств создавать «портреты» национальных миров – греческого, итальянского, французского и многих других. «Я портретирую нации – как личности», – замечал он [7. С. 33].

Г.Д. Гачев так пояснял основную установку своей экзистенциальной культурологии: «Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления: какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его глазами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки» [Там же. С. 16]. Этот «особый “поворот”, в котором предстает бытие данному народу, и составляет национальный образ мира», в видении Гачева [Там же]. А в «упрощенном выражении – модель мира» [Там же. С. 19]. Ту же сетку координат, с помощью которой народ «улавливает» мир и который он изображает в своем художественном творчестве, Гачев именует национальной художественной логикой, национальной логикой, или просто – Логосом.

Объектом художественно-интеллектуальных реконструкций Г.Д. Гачева стало национальное Целое. Гачев хотел описать национальный мир и ум как «инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества» и таким образом «продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли» [Там же. С. 5]. Причем он стремился представить национальное видение как «особый талант зрения», в силу которого ученый или художник, другими словами, всякий человек из данного народа «склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции – иные» [Там же].

Искомую национальную целостность Гачев определяет как «Космо-Психо-Логос», понимаемый как особый национально-исторический организм. По мысли Гачева, подобно тому как каждое существо представляет собой троичное единство тела, души и духа, так и «всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос)» [Там же. С. 34]. В Космо-Психо-Логосе Гачева все три элемента (уровня) национальной целостности пребывают, по его словам, в отношении соответствия (тождества друг другу) и взаимной дополнительности (противоположности и уравнивания).

Второй путь для научного мышления в его поисках путей выражения ментальности как уникального и целостного антропологического феномена состоял в том, чтобы, оставаясь в русле исторической науки, расширять при этом пределы научного концептуального пространства рассмотрения данного феномена за счет выхода в смежные области научного знания, которые могли бы предоставлять свои понятия для осуществления операциональных действий при осмыслении ментальности. Таковыми дисциплинами для истории

могли стать социология, психология и культурология, каждая из которых на своем языке пытается описывать феномен ментальности.

Подобный путь экстенсификации при изучении ментальностей приводит научную мысль к необходимости одновременного выхода и в общую антропологию. Именно такое направление избрала для себя школа «Анналов», для которой междисциплинарность или, как предпочитает выражаться А.Я. Гуревич, полидисциплинарность, стала «средством для построения всеобъемлющей науки о человеке, которая охватывала бы самые различные аспекты его социальной жизнедеятельности – от отношения к природе до высот интеллектуального творчества» [14. С. 63]. «В эпоху Эйнштейна, – утверждает Гуревич, – историческая наука неизбежно должна была приобрести иной облик» [Там же. С. 32]. Развивая антропологический подход, историческое исследование ментальностей «преобразуется в антропологически ориентированное изучение социальной истории» [Там же. С. 287].

С позиций такого подхода, как полагает Гуревич, «изолированное изучение истории ментальностей едва ли правомерно» [Там же]. Ведь ментальности, утверждает он, – существенная и неотъемлемая сторона социальной системы. Они – «тот “эфир”, в котором определяются ведомость и значимость человеческих действий и поступков» [Там же]. Но они образуют этот эфир не сами по себе, а лишь в своей целостности. В силу универсального характера ментальности при антропологически ориентированном изучении социальной истории любой исторический феномен, следовательно, «надлежит рассматривать как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи» [15].

Обращаясь к изучению ментальности как целостного образования, современная гуманитарная наука встает перед вопросом о возможности выражения предельных начал в антропологической реальности. При разрешении подобной ситуации в богословской мысли для постижения Богочеловекокосмической реальности были выработаны два подхода – апофатический, или путь отрицания прямого выражения предельного, и катафатический, или путь утверждения возможности выражения предельного.

В философии языка апофатическому подходу богословской мысли пытаются следовать Ю.С. Степанов. Замечая, что Вера есть внутреннее состояние каждого отдельного человека, Степанов задается вопросом: «Как же описать это состояние?» И отвечает: «Никак. Здесь предел научного познания и описания концепта» [42. С. 76]. И такая позиция, утверждает Степанов, «в точности совпадает с положением православной теологии об апофатизме, – отказе от словесных определений» [Там же]. Точно такой же предел обнаруживается и при попытках осмысления таких духовных реалий, как Любовь, Правда, Истина. И «чтобы то ни было еще, – замечает Степанов, – всюду мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается» [Там же].

По мысли некоторых философов, предельные начала нельзя определять, но их, тем не менее, можно описывать. Таким путем следует фактически и

А.Я. Гуревич, развивая идеи антропологически ориентированного изучения социальной истории. В своем интервью, данном Е. Матусевич, Гуревич так выражает мысль об универсальности менталитета и его предельности для познания: «“Что находится за пределами менталитета?” – задает себе вопрос Гуревич и отвечает: «Все менталитет!». И далее: «Что находится за пределами культуры?» – «Все культура!» [29. С. 12]. Ссылаясь на эти слова Гуревича, С.С. Неретина замечает: «Предельный род, как известно, не определяется. Но это не значит – не описывается. Вот А.Я. Гуревич и описал! Причем описал так, что его книгами зачитывается гуманитарный мир на разнообразных языках» [32].

Для подобного описания предельного необходимо было найти некоторые антропологические аналоги для ментальности, рационализацию которых уже возможно было бы осуществлять средствами научного мышления. В качестве духовной реалии и соответствующего ей понятия, позволяющего концептуализировать природу ментальности, Гуревич избирает «картину мира», способную средствами научного мышления достаточно адекватно передавать идею целостности в мировидении человека. Понятие картины мира, переживающего свой пик популярности в XX в., не является в глазах Гуревича таким неясным, как ментальность. Картина мира представляется ему «более сложным и комплексным, более всеобъемлющим образованием, нежели ментальность» [14. С. 287]. Удобство понятия картины мира для Гуревича заключается еще и в том, что данное понятие можно использовать как в «расширительном», так и «ограничивающем» смысле [Там же. С. 289].

Говоря о тенденции перехода в школе «Анналов» от истории металностей к культурно-антропологически ориентированной истории (или «исторической культур-антропологии»), понимаемой как история картин мира, А.Я. Гуревич выдвигает перед исторической наукой в качестве специальной задачи «реконструкцию обобщенных и многосторонних картин мира», которые, будучи неотъемлемой частью социально-культурной системы, налагают «свой отпечаток на образ мыслей и характер поведения человека в обществе, поведения групп, образывавших это общество» [14. С. 28, 292]. В наше время понятие картины мира стало входить в различные дефиниции ментальности в качестве их важнейшего смыслового компонента. Так, ментальность стала пониматься как «относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [17. С. 271].

В своей исследовательской практике А.Я. Гуревич избирает в качестве эпистемологической единицы для описания исторической ментальности единицу, называемую им «категорией». Одна из его книг так и называется: «Категории средневековой культуры» [11]. С чисто философской точки зрения, как на это обращает внимание С.С. Неретина, такое именование не является точным. В своих исторических реконструкциях А.Я. Гуревич в качестве категорий представляет фактически не категории, а некие «квази-категории» – время, богатство, труд, право. Назвав категориями то, что фактически ими не является, замечает Неретина, Гуревич «оснастил» их при этом

подлинно средневековым содержанием [32]. Категориями у него оказались, таким образом, «вещи, близкие и важные для любого человека (средневековья ли, современности), выявившие экзистенциальные и ментальные основания истории» [Там же].

Позже в отечественной гуманитарной науке единица описания, названная в работах А.Я. Гуревича категорией, получит название «концепта». «По согласованному мнению исследователей, – утверждает В.В. Колесов, – основной единицей ментальности признается концепт» [21. С. 5]. В современной концептологии под базисными концептами понимают минимальные смысловые кванты, запечатлевающие в себе в свернутом виде важнейшие воззрения человека на бытие и его положение в мире. По некоторым своим характеристикам наиболее общие базисные концепты близки философским категориям. Подобно категориям концепты относятся к предельным смысловым образованиям. Однако, в отличие от чистого смысла как абстрактной, внекоммуникативной сущности, в качестве каковой категории и выступают в философском дискурсе, концепты как элементы мирозерцания человека лично окрашены. Они несут в себе черты подлинно живого, человеческого мироотношения (познание, переживание, оценка и др.). В отличие от собственно категорий концепты, следовательно, не только интеллектуально созерцаются, но и эмоционально переживаются как ценностно-значимые образования и личностные смыслы.

А характерную черту ментальности для Гуревича как раз и составляет соединение мышления с эмоцией. По его словам, ментальность есть «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [14. С. 58]. Позже Б.В. Марков, занимаясь историей и теорией менталитета, назовет такое объединение ума и эмоций в ментальности двуединым святоотеческим термином «разум и сердце», считая ошибочным встречающееся в обыденном представлении разделение человеческого духа на «разумное» и «сердечное» [28].

В отличие от категорий, передающих начало всеобщего, в концепте подчеркивается его способность передавать уникальное. В некоторых направлениях лингвистической концептологии концепт рассматривается как единица индивидуального и надиндивидуального (национального) сознания. По одной из интерпретирующих дефиниций, концепт есть «национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления» [35. С. 14-16].

В современной концептологии концепты, как и ментальность в новой истории, рассматриваются в качестве универсальных единиц для представления антропологической реальности. Подобно тому как историк А.Я. Гуревич «во всем» видел ментальности, так филолог и культуролог Ю.С. Степанов во всех сферах бытия человека и мира видит концепты, несущие в себе «нечто глубинное» [42. С. 192: вклейка]. По собственному признанию Степанова, чем бы он ни занимался, «все принимает у него форму “Концептов”» [43. С. 34].

Еще одно несомненное созвучие новоисторической мысли основным течениям современной гуманитарной мысли при изучении ментальности касается рассмотрения оппозиции свободы и необходимости в мире человека. Эта оппозиция в прошлом веке стала предметом осмысления в концепции лингвистической относительности, или «гипотезы Сепира–Уорфа», выдвинутой в 30-х гг. XX в. США в рамках этнолингвистики (американской ветви неогумбольдтианства) в работах выдающегося лингвиста и антрополога Эдуарда Сепира и его ученика Бенджамена Ли Уорфа.

Согласно гипотезе лингвистической относительности, мировосприятие, мышление, культура и поведение человека находятся под влиянием языка, оказывающего на них свое воздействие. В этой идее зависимости познания мира человеком от используемого языка Уорф стал усматривать новый принцип относительности, действующий в мире антропологической реальности, подобно тому как в мире физической реальности действует принцип относительности А. Эйнштейна. В своих философских истоках принцип лингвистической относительности Сепира–Уорфа восходит к позиции гносеологического релятивизма (от лат. *relativus* – ‘относительный’), заключающейся в абсолютизации момента относительности, условности и субъективности познания.

Многочисленные экспериментальные данные, полученные в ходе эмпирического обоснования гипотезы Сепира–Уорфа в современной науке, поставили под сомнение сильную версию данной гипотезы, развивающую идею о существовании прямого параллелизма между явлениями языка и культуры. В настоящее время наиболее обоснованным считается слабый вариант гипотезы лингвистической относительности, согласно которому язык может лишь predispose человека к выбору определенного способа мышления или поведения. Однако такое predisposition не содержит в себе момента принудительности.

Идею строго регулятивного характера менталитета и его активной роли в жизнедеятельности человека разделял А.П. Огурцов, понимая под ментальностью «систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функция которых – быть регулятором их поведения в мире» [34. С. 51]. «Менталитет потому и менталитет, что он определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп», – утверждает Огурцов, склоняясь, скорее, к сильной версии концепции лингвистической (в данном случае антропологической) относительности [Там же. С. 52].

Что же касается создателей исторической школы «Анналов», и в особенности Л. Февра, они не были склонны занимать жестко-детерминистскую позицию в отношении регулятивной силы *mentalité* человека, а говорили, скорее, только о «тех “возможностях”, которые цивилизация открывает перед человеком» [14. С. 50]. Идея predisposition к определенным действиям, характерная для слабой версии лингвистической (антропологической) относительности, подчеркивается во многих концепциях ментальности.

Так, Г.-В. Гетц определяет ментальность как «эмоциональную и дологическую предрасположенность, бессознательные и неотрефлексированные способы поведения и реакций» [40. С. 59].

К сходному пониманию приходит и А.Я. Гуревич, который, разрабатывая свой вариант антропологической относительности, говорит об известной несвободе, характерной для ментальности. По его словам, любой писатель, художник и мыслитель подвергается своего рода «культурному принуждению», поскольку он в той или иной мере «пленен» системой представлений, господствующей в его среде [14. С. 62]. Ведь, даже будучи оригинальным автором того или иного послания, он «не может не выразить его в “коде” заранее заданной ему языковой системы и культурной традиции, которая ставит ему определенные границы» [Там же]. Хотя, правда, люди, пребывая внутри данной ментальной и культурной сферы, и «не осознают и не ощущают этих ограничений» [Там же. С. 51].

Всякая культура, по словам Гуревича, «образует некую невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие к ней люди не в состоянии выйти» [Там же]. Но подчинение культурным и языковым стереотипам не носит тотального и абсолютного характера, утверждает Гуревич, ибо, даже оставаясь в пределах культурной сферы, человек, тем не менее, постепенно и «как бы исподволь» может изменять свою ментальность и свое поведение [Там же].

Эти размышления А.Я. Гуревича удивительным образом напоминают известную максиму Вильгельма фон Гумбольдта, согласно которой языковая деятельность индивида протекает в очерченном круге, выйти за пределы которого можно, только вступив в другой круг. Как утверждает Гумбольдт: «...каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [10. С. 80].

Свою связь с гипотезой лингвистической относительности, как, впрочем, и свое отличие от нее, подчеркивал и Г.Д. Гачев. Излагая основные установки своей экзистенциальной культурологии, он так поясняет ее суть: «Эта концепция напоминает гипотезу Сепира–Уорфа. Действительно, они (сторонники этой гипотезы. – *В.П.*), как и многие другие лингвисты в XX в., сопоставляя структуры, грамматику и лексику различных языков, описали много характеристических особенностей национального мышления. Но их анализ исходит только из языка, тогда как сам язык вплетен в целостную ткань национального Космо-Психо-Логоса и отражает его жизнь» [7. С. 34].

Специфику гуманитарного познания и общения нашего времени составляет концептуальное многоязычие и разномыслие субъектов разных сфер познания в символической Вселенной человека (наука, философия, религия, искусство), живущих фактически в разных мирах, как это находит свое обоснование в концепциях лингвистической и антропологической относительности. Ситуация многоязычия требует специального исследования как одной из важнейших задач гуманитарного познания и общения, определяющих направление духовно-интеллектуальных исканий нашего времени,

преодоление отчужденности духовных сфер друг от друга в современном мире и достижение утрачиваемого взаимопонимания.

Одним из первых этапов на пути достижения необходимого взаимопонимания является разрешение проблемы самоидентификации, и в частности национального самоопределения, заключающегося в «отнесении себя к той или иной национальности или общности» [2. С. 477]. Это означает, что, для того чтобы понять другого, нужно сначала понять себя, или, говоря словами Г.Д. Гачева, ответить для себя на вопрос: «Так кто же я такой? Какова моя “национальная идентичность”?» Для самого Гачева найти ответ на эти вопросы стало одним из главных стимулов, побудивших его заниматься изучением национальных образов мира [7. С. 10].

По словам Гачева, чтобы взаимопонимание максимально приближалось к действительному, необходимо осуществлять поправку на специфику национально-исторической системы понятий и ценностей другого, то есть «учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я» [Там же. С. 17]. Но как? – задается вопросом Гачев. – «Что видит он в мире такого, чего я не вижу? И от чего это зависит?» [Там же]. И отвечает: «Если удалось бы как-то прояснить этот вопрос, в наше распоряжение поступил бы словно некоторый “коэффициент”, который облегчал бы контакты между народами и культурами» [Там же]. Сам Гачев усматривал разрешение вопроса о достижении взаимопонимания на путях изучения национальных образов мира. «Возлюбленная непохожесть», – так определяет Г.Д. Гачев основной пафос своей книги «Ментальности народов мира», призванной содействовать взаимопониманию между народами и культурами [Там же. С. 15].

Учитывать национально-историческую специфику понятий и ценностей другого народа означало для Гачева, таким образом, изучать национальные картины мира («модели мира») других народов. Каждая из таких картин мира содержит, в его представлении, структуру общих для всех народов ценностей и базисных представлений о мире, понимаемых при этом в каждом национальном мире по-разному и распределяющихся в таких мирах в разном соотношении. Так, характерной особенностью картины мира кочевых народов является, в реконструкции Г.Д. Гачева, превалирование пространства над понятием времени. Гачев изображает киргизский образ пространства как «от-кос». «Ширь» здесь, по его словам, не горизонтальна, а «слегка скошена вниз» [6. С. 77].

3. Концепция ментальности и некоторые возможности ее дальнейшего углубления

С позиции философской рефлексии в современном гуманитарном познании наметились два подхода изучения ментальности и менталитета: онтологический и гносеологический. При онтологическом подходе менталитет осмысливается как реальный, объективно существующий феномен. При гносеологическом подходе ментальность предстает как «теоретический

конструкт, инструмент исследователя, смоделированный с целью более полного объяснения сложного общественного комплекса» [24. С. 134; см. также: 22]. В этом случае менталитету придается «функция интерпретационной модели, выражающей одну из сторон бытия социальных общностей [Там же].

В современном гуманитарном познании при изучении феномена ментальности наиболее распространен онтологический подход, в русле которого не прекращаются попытки толкования природы ментальности и поиски путей раскрытия ее содержания. Наиболее часто ментальность определяют в самом общем виде как «общую духовную настроенность» [17. С. 271], а также «подсознание» культуры. Считая теоретически плодотворным последнее толкование ментальности, некоторые авторы полагают, тем не менее, что подобное определение лишь «указывает на место ментальности в духовной культуре, но не проясняет ни ее природы, ни содержания» [45. С. 95].

В своих опытах прояснения природы ментальности исследователи пытаются опираться на такие авторитетные течения мысли в мировой и европейской культуре, как неопрецидизм (психоаналитика), неокантианство, эволюционизм, социологический рационализм, структурализм и постструктурализм, историческая психология, семиотика, философия культуры, аксиология, дискурсология и феноменология. Так, по мысли М.А. Шиминой, «расшифровку феномена ментальности» можно было бы приблизить, используя разработанное Э. Гуссерлем в его феноменологии понятие «ноэсиса» [50]. Ведь, как поясняет Шиминова, понятие ноэсиса «описывает поток переживаний вне контекста отношения к самим переживаниям» [Там же]. То есть, другими словами, здесь речь идет о жизненном опыте человека, не подвергнутому еще рефлексии. А менталитет, утверждает М.А. Шиминова, как раз и попадает в «структуру неотрефлексированного человеческого опыта, существуя как один из смыслообразующих факторов опыта» [Там же]. На связь ментологического подхода с феноменологией Э. Гуссерля, а также с герменевтикой Г. Гадамера обращает внимание О.В. Колесова, называя свое интегральное видение ментальности «историческим априори любой человеческой деятельности» [22].

Л.Н. Пушкарев говорит об известной парадоксальности ситуации, связанной с освоением в отечественной науке термина «менталитет». И вот парадокс, — замечает он, — чем шире этот термин начал употребляться, тем «разнообразнее становилось его толкование» [37. С. 158]. С каждым новым таким толкованием открываются все новые и новые грани и измерения, углубляющие понимание феномена ментальности. К таковым относятся, например, такие измерения, как семиологическое, аксиологическое, нейропсихологическое, биосоциальное, экологическое, а также «онто-этнологическое» [4] и «трансцендентально-герменевтическое» [3].

Центральную задачу современного этапа в осмыслении ментальности составляет разработка интегративной концепции ментальности на основе объединения (синтеза) в единой концептуальной конструкции различных характеристик ментальности, выделяемых в разных гуманитарных дисциплинах при изучении ментальности (ментальностей) и менталитета —

интегративной концепции, способной преодолеть две распространенные крайности в понимании ментальности.

Первая крайность выражается в тенденции к одномерности и абсолютизации толкований ментальности, что часто встречается при имманентном рассмотрении ментальности изнутри определенной дисциплины. Так, некоторые авторы утверждают, в частности, что ментальность есть «сама психология», поставленная в контекст социальных условий [40. С. 59].

Вторая крайность заключается в склонности к чрезмерной многозначности, смысловой перегруженности и неопределенности в понимании ментальности, характерной для дискурсов (медийный, рекламный и др.), где наблюдается «детерминологизация» популярных терминов, вышедших за пределы специализированной научной области [39].

В современном гуманитарном познании ментальность изучается в трех основных своих ракурсах рассмотрения, таких как миропостижение, взаимопонимание, самосознание. При этом часто в исследованиях, посвящаемых осмыслению ментальности и менталитета, акцентируется внимание лишь на одном из таких ракурсов. И одна из ближайших эпистемологических задач, стоящих перед ментологией как новой формирующейся интегративной дисциплиной, состоит в том, чтобы научиться теоретически представлять эти ракурсы в их взаимосвязанности, в едином гомогенном концептуальном пространстве рассмотрения ментальности.

В итоге теоретико-методологической процедуры эпистемологической интеграции ментальность предстанет как многомерное и многоплановое концептуальное образование, содержащее множество различных слоев – от самого глубинного духовного уровня коллективного и индивидуального сознания, входящего в состав сокровенного «внутреннего» человека, до проявлений этого глубинного начала в разных формах бытия человека, изучаемых в разных гуманитарных дисциплинах в разных своих осмыслениях – культурологическом, культурно-историческом, психологическом, социологическом, социально-философском и многих других.

Важную эвристическую роль при разработке такой интегративной концепции ментальности может сыграть адаптация опыта построения интегральных концепций реальности в русле учений о целостности, разработанных в разных сферах культуры.

К таким учениям может быть отнесено несколько направлений.

Во-первых, «антропология цельности», развивающая библейское представление об онтологическом единстве человеческой природы и бытийной целостности человека в Богопознании и познании. Согласно позиции антропологии цельности человек рассматривается как «первичная и неразложимая онтологическая величина, “онтологическая точка”, не допускающая в себе подразделений» [48. С. 295].

Во-вторых, к числу учений, изучающих целостность в разных ее аспектах, может быть отнесена также «философия целостности», исходящая из холистического (др.-греч. ὅλος, – 'целый', 'весь') принципа «качественного своеобразия целого по отношению к его частям» [33. С. 299]. В составе науки,

где холизм получает свою «новую, более глубокую разработку», относится общая теория систем [Там же. С. 300]. Свою разработку в русле системного подхода получает синергетическое понятие «эмерджентности» (от англ. emergence – ‘возникающий’, ‘неожиданно появляющийся’), с помощью которого в теории систем стали обозначать несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов.

А именно так, в духе общей теории систем, по мысли некоторых авторов, воспринимается ментальность в гуманитарном познании. В частности, М.А. Шими́на, утверждая, что границы ментальности «едва уловимы в пространстве между индивидом и коллективом, между бессознательным и сознательным», полагает, что в этом случае речь идет о «холистических свойствах», которые нельзя разложить на «атомы-признаки», так что «любой такой признак может и не относиться к ментальности» [50]. По мысли Шиминой, «для обнаружения холистических структур ментальности необходимо погрузиться в пучину повседневности и обратиться к арсеналу понимающей социологии» [Там же. С.115].

Наконец, к числу учений, изучающих целостность в ее полноте, может быть отнесено учение о всеединстве, редукцией которого и выступает в наши дни системный подход. По одной из философских дефиниций, всеединство есть «категория онтологии, обозначающая принцип внутренней формы совершенного единства множества» [47. С. 33]. Согласно этому принципу, «все элементы такого множества тождественны между собою и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое и сплошное единство, а образуют особый полифонический строй» [Там же]. Такой строй С.С. Хоружий, вслед за С.Л. Франком, понимает как «трансрациональное единство раздельности и взаимопроникнутости» [47. С. 336].

Интуиция всеединства, или изначального мистического восприятия действительности как единого целого, лежит в основе философской системы А.Ф. Лосева, развиваемой им на основе учения о цельном знании в отечественной школе Всеединства. Лосев разделял радикальный вариант цельного знания, исходящий из представления о существовании тесных взаимосвязей между всеми важнейшими сторонами и сферами бытия, жизни и культуры в их диалектическом развитии – от апофатического истока до самого последнего возможного для философской мысли приближения к культурно-исторической реальности и жизни.

Наиболее эксплицитно такой подход проявляется в учении Лосева о культурно-исторических типах, которые, в его видении, выступают как своеобразные формы самосознания соответствующих культур, доводимые до своих самых глубинных начал и своих самых отдаленных последствий. Согласно Лосеву, каждая культура может быть представлена как единый типологический лик и неповторимая историческая реальность. А каждый культурно-исторический тип – как порождающийся из некоторых исходных первопринципов и интуиций, так чтобы стало понятным, например, как «греки могли приходить к своему искусству, религии, философии, равно как и к теории этих областей человеческого творчества» [26. С. 8].

Такие первичные интуиции организма мысли и жизни, по Лосеву, коренятся в мифологическом сознании культуры, в основе которой лежат определенные мифы, «разработкой и проведением которых в жизнь и является каждая данная культура» [25. С. 772]. Миф выступает, в видении Лосева, таким образом, как предельное основание культуры. Если А.Я. Гуревич в качестве универсального начала в антропологической реальности (ее «эфира») рассматривал ментальность, а Ю.С. Степанов – концепты, то для Лосева в качестве универсального основания реальности выступает миф. Как описывает такое мировидение Лосева, осуществляемое через посредство категории мифа, В.М. Лосева-Соколова: «В “Диалектике мифа”... вся жизнь, все бытие, весь мир превращены в мифологию. Так прямо и утверждается: все телесное, все эмпирическое, все повседневное есть стихия мифа» [27. С. 7].

Ментальности, концепты и мифологемы, рассматриваемые в разных учениях о целостности как предельные основания культуры и жизнотворчества, выступают в этих учениях как функциональные эквиваленты. В ментологии же соотношение этих эпистемологических образований иерархично. Концепты и мифологемы предстают здесь как теоретические конкретизации ментальности. Если вернуться к вопросу об эвристической ценности идей и принципов учений о целостности для разработки интегративных концепций ментальности, то, очевидно, что в качестве онтологического основания здесь может быть избрана «антропология цельности». В качестве же методологического инструментария – «философия цельности» в ее различных вариантах, основанных на принципах холизма и, в особенности, всеединства.

* * *

В своей книге «Беседы с собственным сердцем» митрополит Анастасий (Грибановский), размышления которого о сокровенности духовного начала в человеке, послужили эпиграфом к нашей работе, приводит слова Томаса Карлейля о границах научного познания из его книги «Герои и героическое в истории». «Наука много сделала для нас, но жалка та наука, которая захотела бы скрыть от нас всю громаду, глубину, святость нескончаемого знания, куда мы никогда не сможем проникнуть, – утверждает Карлейль. – Этот мир, несмотря на все наше знание и все наши науки, остается до сих пор чудом, удивительным, неисповедимым волшебством для всякого, кто задумывается над ним» [1. С. 141].

Таков и парадоксальный мир ментальности – интуитивно ясный и одновременно сокровенный в своих глубинах для гуманитарной мысли. Этот мир ментальности продолжает вдохновлять все новых и новых исследователей направлять свои усилия на осмысление его природы, не останавливаясь ни перед какими внутренними ограничениями, стоящими на этом пути, – ни перед парадоксальностью этого мира, ни перед неясностью его границ и очертаний. Ибо, как утверждал А.Я. Гуревич на основе своего опыта постижения исторической реальности: «В то время, как неопределенность недопустима в математике, физике, химии, гуманитарное знание, имеющее качественно иную природу, не должно бояться неясностей и парадоксов» [29].

Литература

1. *Анастасий (Грибановский), митр.* Беседы с собственным сердцем. СПб.: Библиополис, 2002. 320 с.
2. *Андреанов В.М.* Менталитет // Современный философский словарь / под общ. ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1988. С. 477–478.
3. *Бетильмерзаева М.М.* Этническая ментальность в системе культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2005. 25 с. URL: search.rsl.ru/ru/record/01002972348 (дата обращения: 16.11.2020).
4. *Васильева К.К.* Менталитет: онто-этнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). М.: Русский мир, 2002. 200 с.
5. *Визгин В.В.* Ментальность (менталитет) // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. С. 525–526.
6. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
7. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
8. *Головановская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
9. *Горский А.А.* Предисловие / А.А. Горский, Л.Н. Пушкарев // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рос. истории. М.: ИРИ, 1994. 206 с.
10. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
11. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 285 с.
12. *Гуревич А.Я.* Проблемы ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы: [Сб. ст.] Вып. 1. М.: Наука, 1989. 213 с.
13. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
14. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
15. *Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу / А.Я. Гуревич // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. С. 19–36. URL: <https://studfile.net/preview/2690025/> (дата обращения: 17.11.2020).
16. *Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э.* Школа «Анналов» // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 533–534.
17. *Гуревич П.С., Шульман О.И.* Ментальность, менталитет // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 271–273.
18. *История ментальностей, историческая антропология: Зарубеж. исслед. в обзорах и реф.* / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Б. и., 1996. 254 с.
19. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
20. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 237 с. (Slavica Petrolitana).
21. *Колесов В.В.* Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 148. Кн. 2. Гуманитарные науки. 2006. С. 5–13.
22. *Колесова О.В.* Ментальность как философская категория: дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2017. 390 с.
23. *Курчакова Е.В.* Понимание пространства в русской ментальности (в сравнении с немецким языком и культурой) // Живодействующая связь языка и культуры: в 2 т. Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. М.; Тула, 2010. С. 167–171.
24. *Кусов В.Г.* Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 132–135.

25. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 959 с.
26. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с.
27. Лосева В.М. Предисловие // Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. С. 5–16.
28. Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. 229 с.
29. Матусевич Е. Интервью с А.Я. Гуревичем // Vox. 2007. № 2. URL: intelros.ru/readroom/vox/v2-2007/ (дата обращения: 16.11.2020).
30. Менталистика: проблемы, решения, перспективы исследований (ментальность поволжского социума в научных проектах). Самара: СГПУ, 2001. 64 с.
31. Мильцин В.Н. Менталитет как понятие философии, психологии и культурологии. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4172 (дата обращения: 26. 10. 2020).
32. Неретина С.С. Арон Яковлевич Гуревич и безмолвие // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. Вып. 2. С. 231–246. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/534448-1-aron-yakovlevich-gurevich-bezmolvie-svetlana-neretina-zvezda-glyadela-cherez-porog-edinstvennim-sredi-nih-kto-mog-zn.php> (дата обращения: 16.11.2020).
33. Никифоров А.Л. Холизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 299–300.
34. Огурцов А.П. Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 50–53.
35. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 14–16.
36. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
37. Пушкикарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
38. Пушкикарев Л., Пушкикарева Н. Ментальности (менталитет) // Энциклопедия «Кругосвет». URL: krugosvet.ru/enc...nauki... mentalnosti_mentalitet.html (дата обращения: 26.10.2020).
39. Радбиль Т.Б., Жуковская Л.И. Детерминологизация лексем «менталитет» и «ментальность» в быденном языковом употреблении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10 (часть 2). С. 383–386. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7506> (дата обращения: 17.11.2020).
40. Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 208 с.
41. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.
42. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
43. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 247 с.
44. Степанов Ю.[С.]. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 168 с.
45. Стрельник О.Н. Ментальность как предмет философского анализа // Проблемы дидактики и содержания: материалы Всерос. научно-практич. конф. Калуга, 2000. 153 с.
46. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
47. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 181–559.

48. *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 447 с.
49. *Храпов С.* Концептуализация понятий «социальное бессознательное» И «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) // *Власть*. 2010. Вып. 10. С. 39–41.
50. *Шимица М.А.* Менталитет как социологическая категория // *Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Сер.: Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 112–117.
51. *Щученко В.А.* Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа // *Русская культура: теоретические проблемы исторического генезиса: сборник статей / научный редактор В.А. Щученко*. СПб.: СПбГУКИ, 2004. С. 5–37. URL: <http://www.rculture.spb.ru/doc/sintez1.htm> (дата обращения: 14.11.2020).
52. *Южалина Н.С.* Менталитет как социокультурная целостность: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 185 с.

MENTALITY AS AN UNDERLYING ANTHROPOLOGICAL REALITY AND WAYS OF ITS COMPREHENSION IN THE HUMANITIES (EXPERIENCE OF EPISTEMOLOGICAL CONSIDERATION)

V.I. Postovalova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1, bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract. The work is devoted to the epistemological analysis of the formation of the idea of mentality in modern humanitarian knowledge. The sources, approaches and main directions in the understanding of mentality in the science of the 20-21st centuries are considered. The idea is being developed that the dynamic path of teaching about mentality in modern culture can be presented as an ascent from polydisciplinarity in the study of mentality to the creation of mentology as an integrative discipline. The idea is that in order to understand the processes of the formation of the idea of mentality in humanitarian knowledge, it is necessary to take into account, in addition to the immanent perspective of the presentation of this topic as part of individual disciplines, also the general context of the formation of humanitarian knowledge. The question of the heuristic value of ideas and principles of doctrines about integrity for the development of integrative concepts of mentality is discussed. It is suggested that the “anthropology of wholeness” can be chosen as an ontological basis for the development of mentology, and “philosophy of wholeness” in its various versions, based on the principles of holism, and particularly – on the principle of all-encompassing unity, can be chosen as a methodological tool for constructing this discipline.

Keywords: humanitarian knowledge, polydisciplinarity, integrative discipline, mentalistics and mentology, mentality, category, concept, picture of the world, integrity, the principle of holism, all-encompassing unity.

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ МАРАФОН И СОЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

А.И. Неклесса¹

*Институт Африки РАН
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

Аннотация. Статья написана на основе доклада «Постсовременность как постколониальность: метаморфозы цивилизационного транзита» на пленарном заседании X Южно-российского политологического Конвента (Южный федеральный университет, 27–31.10.2020, Ростов-на-Дону). Цивилизация рассматривается как динамическая категория, а история как эволюционный процесс, отражающий трансформацию социальной ментальности. Усложнение социального космоса и обитающих в нем организмов – естественный результат исторического развития. Переживаемый сегодня комплексный цивилизационный транзит – это переход от современного уклада к постсовременному строю играющих все более важную роль слабоформализованных квазисуверенов. Постколониальность же как универсальная, обретающая все больший вес проблема, расценивается в статье как специфический извод постсовременности.

Ключевые слова: цивилизация, эволюция, транзит, глобальная трансформация, постсовременность, постколониальность, социальная ментальность.

Есть две достаточно разные, но сопряженные вселенные: физическая и антропологическая, объединенные единой «большой историей». Каждую из них можно подразделить на парные ипостаси: природный космос необъятных размеров и микромир с собственными законами. Так же и социальный космос состоит из миллиардов персональных, подчас весьма странных миров. Все эти аспекты бытия взаимосвязаны непростым образом, представляя единую комплексную систему. Человеческая вселенная, зародившись, перманентно расширяется – территориально, численно, виртуально, прокладывая маршрут истории.

Эволюционный марафон

Мир людей – Вселенная с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики.

¹ E-mail: neklessa@intelros.ru

В ту или иную эпоху, в том или ином регионе нас объединяет *организация сознания* (признанные координаты бытия) и *социальная ментальность* – «то общее, что есть у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Людовика Святого и крестьянина его домена, у Колумба и матроса на его каравеллах» (*Jacques Le Goff*) [1]. Но возникают исключения, зарождается социокультурная эксцентричность. Изменение ментальности, предопределяющей социальные нормы и политический порядок, предшествует модификации общества и смене мироустройства.

История – эволюционный марафон. Логика тут примерно такова: человечество – развивающийся антропологический космос, открытая система, реализующая «геном истории», эволюционный социокод с определенным набором сопряженных траекторий (предзаданное целеполагание социального организма и аутопоэзиса личности). Предполагается, что постижение гештальта (целостности образа) истории и познание логики ее маршрутизатора, вкупе с осмыслением фрактальной структурности событий позволяют с той или иной степенью успеха прогнозировать будущее русло истории, декодировать характер и последовательности грядущих перемен. Футур-история, таким образом, представляет не осуществленную в событиях действительность, но ее должный порядок, вероятную траекторию развития. Полнота жизни, умножение случайностей, спутанность и прерывание последовательностей привносят в сюжет временные искажения, прочие сюрпризы, влияя на точность прогнозов универсальной дорожной карты. Но даже при хаотизации организации история сохраняет заложенный в нее природой или Творцом код эволюции как тягу к воплощению взыскуемого идеала. Глобализация создала общую оболочку для расширения практики и персонализации коммуникаций, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует сумму анклавов, являющихся горнилами иной цивилизационной организации, отрицающей прежнее устройство антропологической Вселенной, повышая градус неопределенности в траекториях футур-истории.

Большой транзит цивилизации можно, с определенной мерой условности, свести к трем эстафетам: предшествующее (*ante*), современное (*mode*), грядущее (*post*), перемежающимся чересполосицей пробежек – «химерических средневековий». Развитие по-разному проявляется в различных ареалах, одни персонажи универсального театра действий стремятся завоевывать, другие обустроивать, третьи – преодолевать. Доминантой целеполагания политических субъектов даже в не столь уж отдаленном прошлом было *пространственное развитие*: строительство империй, морских или континентальных – им свойственны геополитические ориентиры. Современность предполагает исход из мира территориальных композиций, она скорее тяготеет к освоению и эксплуатации *времени*, колонизации нереализованных, но реализуемых с той или иной степенью вероятности состояний – борьбе за будущее. Пост-современность же представляется динамичным калейдоскопом: склонным к самоорганизации трансграничным сообществом – мозаичным миром с *мультиплицированной суверенностью*, упирающейся в и опирающейся на антропологическую сингулярность.

Социальная ментальность, однако же, инертна, она сопротивляется синкопам перемен. Ее генезис хорошо описывает история про обливаемых водой шимпанзе, пафос которой – демонстрация силы и цепкости ритуальной «вирусизации» сознания. История эта упомянута в изданной Гарвардской школой бизнеса книге Гари Хамеля и Коимбатори Кришны Праалада (*Gary Hamel, C.K. Prahalad*) «Состязание в погоне за будущим» [2]. Оставляя в стороне вопрос о нечеткой атрибуции эксперимента, его логика многое говорит о наследовании шаблонов поведения и установок ума, если и не в популяции обезьян, то в человеческом обществе.

Фабула описываемого эксперимента примерно такова. К потолку помещения, где находятся пять шимпанзе, привязывается связка бананов, рядом устанавливается лестница. Однако при попытке какой-либо из обезьян подобраться к бананам всех обливают ледяной водой. Ситуация повторяется, после чего, если кто-то из подопытных особей все же пытается достать банан, другие удерживают ее силой. Затем одну из обезьян заменяют на новую, которая естественно устремляется к лестнице, но остальные, следуя сложившейся практике, останавливают ее. При замене еще одной обезьяны, первая сухая, не имевшая негативного опыта с ледяной водой, тем не менее, действует совместно с коллективом. Новые особи быстро «стареют». В результате после замены всех мокрых на сухих обезьяны продолжают вести себя согласно стереотипу поведения, ставшему ритуалом, переходящим в традицию.

В людском общежитии прерывание безвременья носит взрывной характер. Инерция быта и блокада будущего нарушаются критическими событиями: приходящими извне спонтанными катаклизмами либо героическими усилиями «звезд в ночи». Для транзита – расширяющейся воронки перемен – характерны и естественны уход от ставшего привычным самоотчуждения, стохастическая суэта, хаотизация прежней и генезис новой организации. Эволюционный лифт приходит в движение.

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности: устанавливаем барьеры, и опрокидываем их. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Будущее как футур-история – антропологическая категория, связанная с переворотами и развитием, это путь претерпеваемых катастроф и преодолеваемых состояний. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная ослепительная утопия вносит в связь времен дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история всегда «беременна новизной».

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой и правовой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура

определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и напряжения воли, трансмутация собственной природы, модификация социокультурных констелляций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и эстафета власти. Реальность, время от времени разрушая представления о себе, отрицает текущее редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от ставших привычными форм самоотчуждения, отмирающих корпораций, искаженных институтов, общего истощения среды в пользу иного восприятия бытия. Традиционализм осознал мир как пространство, Современность колонизировала и осваивала время, Постсовременность учит и учится отделять живое от неживого. Это кесарево сечение, исход и устранение безбудущности – эволюционный транзит и путь становления личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватым скорее обрушением в изъяды прошлого, а появляется и проявляется в «своих напевах»: их сопряжении с деятельно постигаемой сутью, «геномом, истории», ее промысленным целеполаганием. Борьба за будущее, иную землю, иное небо стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества, если таковые имеются, в ментальном и культурном своеобразии, устраняя явные и скрытые изъяны, демонтируя обанкротившиеся конструкции и реализуя эволюционную синергию. Но продвижение в будущее – не только ажурная вязь вбираемых в плоть истории оригинальных проектов, слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, апробация версий соперничества и коэволюции. Это также, и главным образом, сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление сложившейся социальной ментальности, внутренних противоречий и персональная трансформация.

Двусмысленное достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита: не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, проживая, переживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Симптоматика разложения Модернити проявляется в нищете свойственных ее природе идеологий, замещаемой конфессиональной интервенцией и мимикрией, чреватой алогичными метаниями и разрушительной суггестией «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией [3]. Маршрутизация разнонаправленных переходов осложняется флюидами неорархаизации и сполохами деструкции – прямым отрицанием футур-истории, реанимируя инкапсулированных в плотных слоях прошлого гекатонхейров –

ограниченные объемом и формой древние стихии, замороженные цивилизацией, но сжигаемые внутренним огнем хаоса.

Когнитивные перемены аранжируют практику, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи Аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки². Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили, практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудейской и христианской концепций бытия и соответствующая данным идеалам социальная реорганизационная процедура [4]. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [5], его способности к выбору, самосозданию и обновлению, обусловило кардинальную реформацию институтов и модификацию истории, ее переосмысление, пройдя сквозь многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» (Макс Вебер [6]), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Поль Рикёр [7]). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер [8]) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений,

² Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, будучи сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику, ее постижение и усвоение, оказывается возможным в результате исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с предметностью, которая существует объективно, то есть независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами. И дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность, рассекая химеры, редуцируя фантазии, удерживая обретения и восполняя, таким образом, динамичную, полифоничную истинность. Гуманитарное знание – авторские путеводные нити для познания человеческого естества, рецептуры меняющихся взаимоотношений на путях исхода из лабиринта ментального синкретизиса. Они практичны, рациональны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но обнаруживаются закономерности (теоремы), обоснованные консенсусом когнитивной аксиоматики, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник, признанных констатаций, корпоративных договоренностей. Ознанные и осознанные концепты вопрошаемы, дискурсивны, протокол носит временный характер, он инициируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных объяснений и переписывания рецептов. Аналог процесса – судебное заседание и его вердикт (выносимый большинством заседателей), допускающий, однако, подачу апелляций и кассацию. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства произвольной практики.

«самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Эрих Фромм [9]). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкретизма, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Постсовременность как постколониальность

Последние президентские выборы в США – драматичная сценография на подмостках данного цивилизационного портала. Электоральные пертурбации сфокусировали, проявили и предъявили миру неочевидные аспекты универсальной постколониальности – грандиозного эксперимента по воздействию на социальную ментальность (включая всю мощь кинематографа³), сместив заодно акценты в историографии и политике прошлого столетия. XX в. – время перехода от многовекового пространственного развития (завершившегося глобализацией – «эффективной оккупацией» планеты современной цивилизацией) к краху имперских грез; затем на обломках имперских просторностей были пережиты апофеоз и кризис национальной идеи. Распад континентальных и морских империй, равно как этатистский *tour de force* политических инженеров (с тем или иным идеологическим наполнителем), сопровождался демонтажем сословных перегородок, гендерной эмансипацией, социальной демократизацией, либерализацией общественных норм, связей, торговли, контркультурным переворотом, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций... И далее – новым изданием «весны народов», но уже в иной социокультурной среде, обернувшись возвратной волной культур-демографической экспансии постколониального мира.

Прошлая колонизация земного универсума замещается версиями его мультикультурной реконфигурации. Картография антропологического

³ Ср., к примеру, ТВ-сериал «Уравнитель» 1985–1989 гг. и его текущий римейк 2021 г. А с 2024 г. претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо будет выполнять два из четырех условий (A, B, C, D): (A) соответствие первому из трех критериев: 1) главный / второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; 2) не менее 30% актеров из двух групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; 3) тема фильма связана с данными группами; (B) необходимо выполнить 1 из 3-х условий: 1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от двух членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой групп; 2) 6 других членов команды и технических должностей из недопредставленных групп; 3) по крайней мере 30% съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; (C) здесь обязательны оба условия: 1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; 2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; (D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

космоса все больше расходится с географической ее интерпретацией, опознавая и эксплицируя сложные связи – смесь символизма и случайностей, распаковывая диахронные, вероятностные конструкторы. Религиозная и идеологическая институционализация замещается пестротой конфессиональных и персональных установок. Человечество переживает социокультурный переворот, реализуя также динамичную формулу политических координат, полагая мир коэволюционной интеракцией людей и народов, а не властной комбинаторикой государств. Историческое преимущество оказывается у субъектов перемен и агентуры эволюции.

Сложный мир Постмодерна, опровергающий Современность с ее постулатами секулярности, социального гуманизма и организационной силой науки, истолкованной как прогресс – иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и факториал взаимоотношений. Превышение некой их суммы порождает цивилизационную трансгрессию, а прежнее мироустройство расплзается словно лоскутная химера. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это глобальное поле с перманентно генерируемыми и разбегающимися сюжетами.

Постсовременность может быть охарактеризована как своего рода вселенская постколониальность – транзитный коридор к самостийному обществу, реализующему потенциал самоорганизации систем и возможности сложноорганизованных индивидов.

Постколониальность же в постсовременном изводе прочитывается симпатизантами как устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный поиск, героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Нация мыслится как сообщество – симбиотический проект энтузиастов и провокаторов («синий сдвиг»), патриотизм же в трансграничной Вселенной воспринимается как некое подобие расизма (e.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), то есть как историческая близорукость, не замечающая своего «мене, текел, упарсим» – аналогий с участием сельской общины и трайбализма в эпоху Модернити.

Реорганизация строя, атакуемого с различных позиций, смещает социальный горизонт и расширяет политический кругозор. Постсовременное средневековье рождает протееобразных субъектов – смешение мирного и немирного сосуществования наследия эпох и экспериментальных организмов. Композиция взаимно контаминируемого мироустройства – конкурирующих концепций и воплощаемых моделей земного бытия – явно сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Присутствие в атласе постмодерна как колониальности, так и постколониальности, включая вкрапления парадоксов и притязаний контркультурной гегемонии, усложняет топографию гибридного мира, обнаруживая невидимые до поры препоны и проблемы.

«Камо грядеши?»

Мир расстается со своим цивилизационным статусом и привычными организационными формами: мы обитаем в ускоряющемся потоке перемен. Сегодня концепту глобализации как «финалу истории» – социальной и экономической связности современности – противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как системный кризис государственных, идео-партийных, административных институтов, прочих бюрократических механизмов. Власть ускользает от этатистских структур, складывается иное представление о политической субъектности, происходят замещение субординативности субсидиарностью и приватизация мировых связей.

Геополитика либо служит экономике и социокультурному развитию, либо закапывает национальные ресурсы в землю. Территориальная экспансия замещается освоением зыбких и многомерных пространств – «эффективной оккупацией будущего». Цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным владением земными территориями, их политическим, административным обустройством, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на инфраструктурное доминирование, организацию хозяйственной и контроль финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление маршрутами транспортировки и транзакций, правами доступа и благопритворствования, режимами преференций и санкций. А создание и свободное использование технологий оказывается важнее обладания произведенными продуктами. При этом интенсивность синергичных коммуникаций – результативное «деловое соседство», преобладает над непосредственной территориальной близостью.

Возрастет роль геокультуры, учитывающей зоны культурных разломов, удельный вес социокультурного капитала, влияние информации, генезис смысловых и ценностных неонаций (когда не границы диктуют идентичность, но идентичность определяет солидарность), выделяя центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные социальные языки, принципы, стиль, политические и этические стандарты. Сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и творческой деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими последствиями.

Повышается значение геоантропологии, фиксирующей изменения в картографии человеческих активов, их потенциал, генетическое и прочее разнообразие, становление новых идентичностей, пути и динамику антропоток, перераспределяющих население планеты. Сфера практики пронизывается вирulentной генерацией людей-предприятий (*menterprisers*), их экзотичными, радиантными и радикальными стартапами, образующими молекулярные ансамбли и блокчейновые цепочки, а также новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов, популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Привычные типы государственности, коммуницируя и конкурируя с этой полифоничной средой, преобразуются и поглощаются обществом. Перемены же, предопределенные множественной трансграничной суверенностью, высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления. Национальная государственность, испытывая кризис идентичности, утрачивает былые позиции и провоцирует собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация, финансы, компетенции – глобальны).

Углубляется кризис системы международных отношений, транснациональной бюрократии и сопряженных с нею институтов; формируется многоуровневый мир сетевых связей, включая присутствие антропосоциальных корпораций, других комплексных субъектов, влиятельных лоббистов и неформальных акторов. Предчувствуя и переживая институциональную хаотизацию, уходящие в прошлое политические организмы пробуждают встречный ветер национализма (ср. «красный мираж»). Столкновение шквала трансформаций и вихрей сопротивления потоку перемен преобразует привычный миропорядок в среду социальной турбулентности.

Отрицая прежнее мироустройство, постсовременность воспроизводит в планетарном масштабе черты и подобие постколониальной симуляции, что заставляет пристальнее взглянуть в проблематику стран, усвоивших криптографию самоопределения, обретая тяготы, призы и печали суверенности в различных версиях ее становления.

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
2. *Hamel G., Prahalad C.* Competing for the Future. Boston: Harvard Business School Press, 1994. 327 p.
3. *Неклесса А.И.* Культура смерти // Азия и Африка сегодня. 2006. № 2 (583). С. 3–11.
4. *Кокс Х.* Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 263 с.
5. Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма: избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44-271.
7. *Рикёр П.* История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с.
8. *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность М.: Прогресс, 1994. 344 с.
9. *Фромм Э.* Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

METAMORPHOSIS OF CIVILIZATIONAL TRANSIT. EVOLUTIONAL MARATHON AND SOCIAL MENTALITY

A.I. Neklessa

*Institute for African Studies
30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article is based on the report «Postmodernity as Postcoloniality: Metamorphosis of Civilizational Transit» at the 10th South-Russian Politological Convent in South Federal University 27–31.10.2020. Civilization is seen as a dynamic structure, and history as an evolutionary process, defined and manifested in the transformation of social mentality. The complexity of the current social environment and organisms living in it is a natural result of development. The transit experienced by the modern civilization to the postmodern order of multiple, loosely formalized sovereigns. Postcoloniality as a rapidly growing universal problem is regarded as a specific aspect of postmodernity.

Keywords: civilization, evolution, transit, postmodernity, postcoloniality, social mentality, global transformation.

О РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Т.Е. Владимирова

*Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35
Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию ментальных особенностей русской языковой личности. Особое внимание в работе уделяется синтетическому строю языка, нефиксированному порядку слов в предложении и категории безличности, которые в совокупности создают культурно-специфический ментальный контекст языка, речи и научного дискурса.

Ключевые слова: ментальность, русская языковая личность, картина мира, научный дискурс, категория безличности, индоевропейский.

Введение

«Своеобразие языка влияет на сущность нации», – писал Вильгельм фон Гумбольдт [1. С. 377], и сегодня особое внимание гуманитарных наук сосредоточено на языковой личности. Настоящая статья посвящена «ментальности как глубинному корню народной жизни» [2. С. 3] и ее отражению в языке, речевом поведении и научной деятельности. При этом мы будем исходить из положения, согласно которому своеобразные ментальные миры представляют собой итог целостного взаимодействия универсальных, то есть общих для всех или для большей части языков, и культурно-специфических особенностей национальных языковых личностей.

Так, например, к числу абсолютных универсалий относятся: 1) деление звуков на гласные и согласные; 2) членение слова на слоги в устной речи; 3) присутствие в языке имен собственных и местоимений; 4) противопоставление имени и глагола; 5) выделение в речи предложений; 6) наличие слов, передающих эмоции и команды и др. [3. С. 10]. В результате благодаря универсалиям обеспечивается потенциальная возможность взаимопонимания между носителями различных языков и культур.

Что касается культурно-специфических черт, то к их числу исследователи относят концепты «вера», «воля», «душа», «совесть», «судьба», «любовь», вобравшие в себя этнокультурный и религиозный опыт русской языковой личности [4]. Не имея эквивалентов в других языках, эти концепты при переводе утрачивают присущие им семантико-смысловые особенности и

коннотации и фактически превращаются в ментальные лакуны. Более того, ценность как ментальное образование может вызывать различные и даже противоречащие друг другу представления и ассоциации [5. С. 4]. К «индивидуальным свойствам русского языка» отнесем также категорию безличности, которая изначально присутствовала во всех индоевропейских языках, но затем была вытеснена субъектно-предикатной формой предложения [6. С. 807].

Таким образом, обращение к языковой и концептуальной картинам мира позволяет раскрыть сущностные черты языковой личности со свойственным ей способом бытия, а тем самым и ее ментальность.

1. Ментальность как отражение изоморфизма генетического и языкового кодов

В поисках путей, позволяющих расширить наши представления о ментальных истоках русского языка, обратим внимание на нередкое уподобление языка «интеллектуально-духовным генам, которые переходят из поколения в поколение» [7. С. 137], а генетический код – «азбуке возможных и невозможных комбинаций языковых типов как друг с другом, так и между собой» [8. С. 17]. Примечательным представляется и тот факт, что даже структуралист Л. Ельмслев не мог «удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением, тем семенем, из которого они выросли» [9. С. 264–265].

Исследовательский интерес к данной проблематике способствовал активизации работ, проводимых на стыке семиотики и молекулярной генетики. Важной вехой в этом направлении стала концепция Р.О. Якобсона, которая раскрыла изоморфизм генетического и языкового кодов и «оформление структур языкового механизма по модели генетического кода». При этом отмечалось, что «наложение лингвистического кода непосредственно на генетический и копирование его структурных принципов» осуществлялось в условиях «бессознательного владения живым организмом знанием характера и структуры последнего» [10. С. 6].

Концепция Р.О. Якобсона возвращает нас к эпохе первобытной ментальности, перешедшей от языка жестов к речи со свойственной ей «бинарностью», в которой проявлялась «функциональная асимметрия» головного мозга. А поскольку архаичное мышление было преимущественно образным (правополушарным), то язык «позднего каменного века», по всей вероятности, располагал крайне ограниченным запасом слов и еще не имел лингвистических способов словообразования и дифференцированных грамматических структур.

Вместе с тем по мере приспособления человека к непредсказуемому миру природы начальный образ мира вбирал в себя не только образные, но и логико-вербальные (левополушарные) представления и стратегии. Более того, возникавшие при этом слова-концепты включали установку на определенный сценарий поведения. В итоге сформировавшаяся языковая картина мира представляла собой набор противопоставлений, отражавших дуальную

ментальность первобытного социума. В подтверждение сошлемся на древнеславянскую модель мира, которая включала следующие оппозиции:

свой–чужой; жизнь–смерть; доля–недоля; мужской–женский; близкий–далекий; правый–левый; главный–неглавный; старший–младший; сакральный–профанный; небо–земля; солнце–луна; день–ночь; чет–нечет; дом–лес; посвященный–непосвященный; светлый–темный; предки–потомки; человеческий–звериный; правый–левый и др. [11].

Противопоставляя сакральное и профанное, благоприятное и неблагоприятное для коллектива, первобытные общности укореняли в сознании дуальный образ мира и правила должного поведения, которые предостерегали от нарушения действовавших ограничений и запретов. Вместе с тем возникавшая картина мира отражала синкретичное мировосприятие, которое складывалось на фундаменте целостного взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и сакральной составляющих сознания [12. С. 111]. Однако в архаичном образе мира человек чувствовал себя лишь малой частицей.

При этом в течение длительного времени первобытные общности вбирали в себя генетически не запрограммированные нравственные законы, которые выполняли функцию приспособления к окружающей реальности. Согласно Н.Н. Моисееву, «еще в эпоху палеолита, шла отбраковка индивидуумов, нарушавших те или иные табу. Такой отбор постепенно менял психику людей и в какой-то степени влиял на их морфологию. Кроме того, у человека возникали устойчивые характеристики генотипа, связанные с кооперативностью поведения» [13. С. 66].

В итоге, эволюционируя согласно биологическим законам, человек всё более следовал новым – языковым – генам, которые преобразовали его ментальный мир. Что касается идеи изоморфизма лингвистического и генетического кодов, то в середине прошлого века она получила подтверждение в открытии микробиологов. В частности, было доказано, что наследственность может быть представлена в виде химического «текста», где в качестве «алфавита» выступают «триплеты» из исходных четырех нуклеотидов. А собственно генетический «словарь» включает 64 «слова», из которых 3 триплета – «знаки препинания», выделяющие в цепочке нуклеиновых кислот начала и концы «фраз», а остальные соотносятся с одной из 20 аминокислот [10. С. 6]. Таким образом, молекулярная генетика при расшифровке генетического кода изначально опиралась на лингвистические понятия (см. об этом [14. С. 256–257]).

Выявленная закономерность обнаруживает прямую тождественность с древнекитайской «Книгой перемен» (*И Цзин*), в которой Единое *Ци* раздваивается на две силы *Ян* (мужской принцип, ритм и цикл жизни) и *Инь* (женский принцип, ритм и цикл жизни), а их группировка по три образует 64 троичные последовательности, соотносимые с генетическими «триплетными». При этом «ян» ассоциируется также со светом, движением, твердым, духовным, а

«инь» – с тьмой, покоем, мягким и телесным. Возникшее на этом фундаменте этноментальное пространство сформировало иероглифическое письмо, которое оперирует образами в отличие от европейского, основанного на логике буквенных знаков.

Таким образом, на базе языковых кодов, изоморфных унаследованным генетическим кодам, возникли самобытные этнические общности с характерным для них мировосприятием, способом бытия и смысложизненными ценностными представлениями.

2. Русский язык и ментальность на фоне индоевропейских языков

Приступая к рассмотрению русской языковой личности, попытаемся ответить на вопрос: *чем объясняется ментальное своеобразие носителей русского и западноевропейских языков, восходящих к общему праиндоевропейскому корню?*

Прежде всего, обратим внимание на следующий факт. Русский, некоторые славянские, а также старославянский, древнегреческий, латынь, готский и санскрит – это синтетические языки, в которых лексико-грамматические значения выражаются в самом слове. Поэтому восприятие русского слова базируется на синтезе входящих в него компонентов.

Так, например, понимание лексемы *стол* и производных от нее предполагает синтез всех элементов (ср. *столы, столик, столовая, столовка, столовый, столешница, столоначальник, столик, столицы, застолье, застольничал, настольное, престольный* и др.). А связь слов в предложении обеспечивается преимущественно падежными формами и в меньшей степени предложениями. В этой связи сразу же подчеркнем, что тенденция к синтезу характерна для праиндоевропейского языка и предшествовала аналитическим формам выражения грамматических значений.

В аналитических языках (английский, французский, испанский, итальянский, датский, новоперсидский и др.) грамматические значения выражаются с помощью служебных слов (предлогов, артиклей, вспомогательных глаголов и др.), фиксированного порядка слов и интонации.

Как следствие, синтетический русский язык располагает развитой системой склонения существительных, прилагательных, числительных, местоимений и причастий, которые имеют еще категорию рода и числа. Например, парадигма русского качественного прилагательного включает 101 флективную форму, поскольку эта парадигма объединяет 6 падежей трех родов ед. и мн. числа (всего 24); столько же форм сложной сравнительной степени, одну форму простой сравнительной степени; 48 форм простой и сложной превосходной степени и 4 краткие формы рода и числа [15. С. 329]. Тем самым место слова в предложении определяется самим адресантом, говорящим или пишущим.

Так, например, фраза *Олег сдал экзамен вчера* допускает 24 перестановки слов и может приобретать дополнительные «обертонны смысла» (Б.А. Ларин) благодаря ритмико-интонационным ресурсам русского языка. Например:

- 1) Олег сдал экзамен вчера;
- 2) Олег сдал вчера экзамен;
- 3) Олег вчера сдал экзамен;
- 4) Олег вчера экзамен сдал;
- 5) Сдал Олег экзамен вчера;
- 6) Сдал Олег вчера экзамен;
- 7) Сдал вчера Олег экзамен;
- 8) Сдал вчера экзамен Олег и т. д.

Нефиксированный порядок слов составляет одну из существенных черт русской ментальности, которая восходит к синкретической концептуализации мира и способу бытия первобытных общностей. В этой связи заметим, что М.К. Мамардашвили предложил «оперировать понятием единого континуума бытия-сознания» [16. С. 281], а М.М. Бахтин писал о русском «выразительном и говорящем бытии» [17. С. 8], в котором человек ощущает полноту самовыражения. Более того, унаследованный общинный способ бытия ориентировал на достижение в речевом взаимодействии взаимопонимания и искомым взаимоотношений.

В аналитических индоевропейских языках порядок слов в предложении строго регламентирован. Поэтому перевод приведенных выше русских фраз ограничивается лишь двумя вариантами и их ритмико-интонационными интерпретациями. Например:

- 1) *Oleg passed the exam yesterday;*
- 2) *Yesterday Oleg passed the exam yesterday* (англ.).

Анализ различных вариантов русской фразы и их возможных переводов на романо-германские языки делает очевидной принципиально иную природу русского ментального пространства. Действительно, возникающий замысел как бы свободно «проявляется» в самом течении мысли. Но подобная свобода в реализации интенции отсутствует у носителей аналитических языков с фиксированным порядком слов.

Разумеется, изучая русскую предложно-падежную систему, носители аналитических языков сталкиваются с серьезными трудностями. Вместе с тем относительно свободный порядок слов существенно облегчает им общение в русской языковой среде. В результате русское культурное пространство воспринимается иностранцами, владеющими аналитическими языками, с одной стороны, как возможность свободного самовыражения на русском языке, а с другой – как достаточно жесткая предложно-падежная система, ограничивающая эту свободу.

Вместе с тем в русском языке всё активнее проявляется аналитическая тенденция, которой свойственны морфологическая неизменяемость слов и использование сложных форм. Рассмотрению данной проблемы посвящена статья академика В.В. Виноградова, которая так и называлась «Об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка». И сегодня, изучая «переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому» [18. С. 37], исследователи отмечают целый ряд аналитических форм в русском языке. Здесь мы имеем в виду:

- усложнение системы формообразования: *интереснее > более интересно; поживем > будем жить; пойдём > давай пойдём;*

- изменение системы грамматических границ слова и его объёма: *отношения коллег > отношения между коллегами; письмо отца > письмо от отца; изменение распорядка > изменение в распорядке;*
- преобразование сочетания слов в одно слово: *заместитель директора > замдиректор; Третьяковская галерея > Третьяковка; зачетная книжка > зачетка;*
- рост фразеологизмов: *зарыть талант в землю; сказка про белого бычка; первый блин комом;*
- увеличение числа несклоняемых заимствований и существительных общего рода: *кофе, шоссе, меню, эксперт, космонавт, коллега* и др.

В этой связи заметим, что древнеболгарский язык был синтетическим, а современный болгарский приобрел заметные черты аналитизма. Что касается немецкого языка, то в нем на сегодняшний день больше синтетизма, чем в английском, но больше аналитизма, чем в русском языке [19. С. 297]. Таким образом, рассмотрение грамматического строя с позиций аналитизма – синтетизма, благодаря которому была выявлена такая особенность русской ментальности, как свобода самовыражения, должно быть дополнено другими ракурсами анализа. Ведь «сфера смысла» имеет огромное число «входов» [12. С. 287].

Если же мы выйдем за границы индоевропейских языков, то черты сходства русского языка нетрудно обнаружить и в типологически далеких языках. Так, например, русское ударение является средством различения омографов: *зАмок* и *замОк*, *мУка* и *мука*, *дУхи* и *духи*, *Атлас* и *атлас*, *бЕлки* и *белки*, *Ирис* и *ирис*, *гвоздИки* и *гвоздики*, *рУки* и *руки*, *стоИт* и *стоит*, *плаЧу* и *плачу* и др.

Аналогичным образом смыслоразличительную функцию выполняют тоны в аналитическом китайском языке, который входит в типологически далекую группу тибетско-китайских языков. Например, китайское односложное слово (в латинской транскрипции) *та* в зависимости от тона приобретает такие значения, как ‘мать’ (1-й тон), ‘конопля’ (2-й тон), ‘лошадь’ (3-й тон) и ‘ругать’ (4-й тон) [20. С. 119].

Тем не менее обратим внимание на любопытную аналогию Э. Сепира, которая, как представляется, непосредственно связана с размышлениями о ментальном своеобразии носителей различных языков: «Переходя от латинского языка к русскому, мы чувствуем, что приблизительно тот же горизонт ограничивает наши взоры, и это несмотря на то, что сменились ближайшие, знакомые нам придорожные вехи. Когда мы приходим к английскому языку, нам начинает казаться, что окрестные холмы стали несколько более плоскими, и всё же общий характер пейзажа мы узнаём. Но когда мы дошли до китайского языка, оказывается, что над нами сияет совершенно иное небо» [21. С. 117].

Данное наблюдение известного лингвиста, с одной стороны, возвращает нас к мысли об изоморфности языкового и генетического кодов, которая изначально предопределила разнообразие языков, языковых личностей и свойственных им ментальных миров. А с другой – к целесообразности

рассмотрения тех исторически сложившихся условий, которые способствовали становлению самобытной русской ментальности.

3. Русская ментальность в контексте эволюции индоевропейских языков

Продолжая рассмотрение предыстории европейских языков, зададимся вопросом: *какие изменения в языках, восходящих к праиндоевропейским корням, обусловили становление и устойчивое развитие собственно русской ментальности?*

В поисках ответа обратимся к эволюции праиндоевропейского языка, в ходе которой возникали сначала диалекты, а затем и самостоятельные языки с характерным для них способом концептуализации мира и бытия, а следовательно, и с ментальными особенностями их носителей. (О русском языковом сознании и ментальности см. [22. С. 89–96].)

Особый исследовательский интерес вызывает категория безличности как «органический, неизбежный, совершенно необходимый продукт первобытного мышления» [23. С. 405], который изначально присутствовал во всех индоевропейских языках. Однако в процессе их обособления безличность претерпела значительные изменения в силу этнопсихолингвистических, а также историко- и социокультурных особенностей наследников этих языков.

Так, в западноевропейском ареале, где утвердилась культура индивидуалистического типа, безличные конструкции постепенно приобрели субъектно-предикатную форму. При этом собственно безличность превратилась в угасающую грамматическую категорию со значением состояния природы, среды или человека, но и в этих предложениях появилось формальное подлежащее (*It, Il*). Например:

- *It was getting dark; It is cold; It is difficult for me to speak; It takes him ten minutes to get to school* (англ.);
- *Il faisait noir; Il m'est difficile de parler; Il lui faut dix minutes pour aller à l'école* (франц.) и др.

Что касается русских безличных конструкций, то они уходят корнями в первобытную эпоху, когда сформировавшиеся в синкретичном сознании ментальные структуры предостерегали от нарушения действовавших табу и тем самым обеспечивали выживание первобытных общностей. Особую когнитивную функцию выполняли мифы, которые объясняли мироустройство и служили своего рода моделью должного поведения. Так, одной из базовых составляющих первобытной картины мира стал унаследованный способ бытия, подчинявший себе человека, а за субъектом закрепились функция наблюдателя. Это, как представляется, и обусловило дальнейшее развитие категории безличности.

Крещение Руси постепенно преобразило личностное бытие своих исповедников, и концептуальный образ мира вообрал в себя глубинные интуиции о Боге, бытии и человеке. Так, в языковой картине мира возникла

вертикальная ось, объединившая слова, «ориентированные на духовную связь личности с абсолютным идеалом» (*совесть, соборность, судьба, образ, подвижник, супружество*). А на горизонтальной оси располагались слова, в которых отсутствовал религиозно-нравственный компонент (*честь, свобода, доля, закон, герой, брак*) [24. С. 120].

Возвращаясь к категории безличности, заметим, что стремление верующих согласовывать свои поступки с Божьей волей также способствовало ее актуализации. Как писал А.А. Потебня, это развитие происходит весьма своеобразно: «...по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных» [25. С. 322]. В качестве примера сошлемся на известные пословицы с безличными глаголами в значении констатации состояния безотносительно к субъекту действия и его возможной активности:

Стерпится, слюбится; И хочется, и колется; Не спится, не ложится, всё про милого грустится; Кому вынется, тому сбудется; Как аукнется, так и откликнется; Хочется – перехочется; Жизнь – мучиться, а умирать не хочется и др.

Чтобы проиллюстрировать разнообразие и возрастающую долю безличных конструкций, приведем следующие модели предложений с одним главным членом в значении состояния или действия.

Светает; Прохладно; Пахнет яблоками; На нас пахнуло сеном; Здесь дует; Затопило огород; В голове зашумело; Начало тошнить; До утра не спалось; Под сердцем давит; Занесло снегом; Слышно поезд; Пора обедать; Можно ехать; Придется подождать; Руками не трогать!; Опять не пишется; Тебе обязательно повезет; Ей нездоровится; С мужем не ладится; Хочется пить; Лучшие бы пойти в кино; Оставалось несколько минут; Как много вспомнилось тогда; Не хватило сил; Ничего не видно; В доме прибрано; О встрече было забыто; С работой проблема; Оказалось, что... и др.

Особое место в русском языке занимают безличные конструкции, в которых бездействие субъекта объясняется некими внешними обстоятельствами. В результате субъектность как бы растворяется в самом бытии, которое берет на себя функции деятеля.

Не было времени поговорить с братом; Его опять тянет в горы; Им не повезло; Придется попрощаться с мечтой; Так уж суждено; Очень хотелось, но не получилось; У них опять не сложилось; Ему не хватило смелости; Теперь не до праздника; Опыта не было и др.

Обращают на себя внимание и высокочастотные в устной речи фразеологизированные предложения, за которыми стоит субъект, признающий власть обстоятельств и / или выражающий свое отношение к ним:

Когда же мне читать!; До учебы ли ей!; Что ему наши советы!; Ей беда не беда!; Хоть меняй работу!; Где мне всё это запомнить!;

Нам ли огорчаться!; Как не помочь!; Саше ли не быть довольным!; Нет бы мне одеться потеплее!; Что для него друзья!; Как с этим не согласиться!; Не уезжать же домой! и др. [26. С. 126–127].

Примечательна также и свойственная молодым людям тенденция использовать жаргонизмы с общим значением оценки бытийной ситуации:

до лампочки, до фонаря; до фени; по фигу, по барабану; по хрену; фиолетово; параллельно; клёво; классно; круто; чумаво; прикольно; кульно; лампово; офигенно; улётно; влом; отпад; фигово; стрёмно; сто пудов; зашквар; ажур; гламурно; бьютифульно; лойс; изи и др.

Представленная совокупность разнообразных примеров подтверждает вывод З.К. Тарланова: «Богатейший синтаксис безличных предложений, которым характеризуется русский язык с конца средневековья, не может не рассматриваться как одно из ярких проявлений русской национальной ментальности с ее склонностью к абстрагированию от “проклятого быта”, приверженностью к идеализации отдельного, одухотворению, верой в будущее, культом авось и лояльностью по отношению к мистике» [27. С. 141].

В подтверждение уникальной содержательно-смысловой наполненности безличных конструкций обратимся к тем трудностям, которые встают при их переводе на романо-германские языки. С этой целью рассмотрим следующий фрагмент из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

Прежде всего, отметим, что семантико-грамматическая категория безличности позволила поэту выразить ту общность чувств, которые испытывают русские, подъезжая к Москве. При этом его личностное *Я* оказывается «растворенным» в самом пространственно-временном бытии-сознании. Но передать средствами аналитического языка, который располагает лишь субъектно-предикатной моделью предложения с активной и пассивной формами предиката, как представляется, невозможно. В качестве подтверждения сошлемся на английские переводы [28. С. 38, 42], не воссоздающие смысл пушкинских строк:

*Moscow!.. That holy word can start
A tumult in each Russian heart.*

*Moscow... how many strains are fusing
in that one sound, for Russian hearts!
What store of riches it imparts!*

Краткий экскурс в историко-культурный контекст, обусловивший концептуализацию мира и бытия, приближает к раскрытию ментальных истоков русской языковой личности. Ведь, как писал М. Хайдеггер: «Сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе» [29. С. 50].

При таком понимании русская семантико-грамматическая категория безличности заложила основы холистического мировосприятия, утверждая единство человека с пространственно-временным и ментальным контекстом его бытия.

4. Русская ментальность и научный дискурс

Рождение древнерусского языка, отличного от языков западных и южных славян, исследователи относят к X–XIII вв., хотя некоторые собственно русские черты фиксировались начиная с XII в. Вместе с тем сравнительно молодой русский язык сохраняет синтетический строй и категорию безличности, унаследованные от праязыка и создающие определенный ментальный контекст.

Возвращаясь к концепции «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), дополним его понятием «семиотической среды». Согласно Ю.М. Лотману, совокупность письменных и устных текстов может быть представлена как смысловое поле (семиосфера), которое не только отражает социальную действительность, но и формирует ее. Более того, «семиотическая среда» работает как «информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [30. С. 132, 147].

Близкое понимание деятельности (а следовательно, и деятельности речевой) мы находим у Г.П. Щедровицкого, который также сравнивает ее с «поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата. И уже непонятно, человек определяет деятельность, или деятельность “штампует” определенным образом человека» [31. С. 256].

Тем не менее, находясь внутри речевого потока и ощущая его стихийную природу, носители синтетического русского языка и коллективистских принципов бытия обладают значительно большим ментальным (смысловым) пространством, побуждающим к поиску решения, и большей свободой самовыражения. В этом, как представляется, заключены дополнительные ресурсы, которые активизируют мыслительную деятельность русской языковой личности.

Потенциал русского языка отмечал и М.В. Ломоносов. Владая 11 иностранными языками, он в предисловии к «Русской грамматике» писал: «Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [32. С. 392].

В этой связи немаловажным представляется и то обстоятельство, что принадлежность русского языка к синтетическим языкам, – и среди них к древнегреческому, латыни и церковнославянскому, – открывала доступ к классической науке и научной деятельности. Здесь мы имеем в виду античную холистическую методологию, в основу которой был положен, во-первых, триадный метод Платона, раскрывающий целостность человеческой природы

<ratio–emotio–intuitio>. А во-вторых, процессуальную триаду Аристотеля <dynamis–energeia–entelecheia>, согласно которой речевая интенция (dynamis) и собственно речевая деятельность (energeia) соотносятся с представлением об искомом совершенстве (entelecheia) (см. об этом [33. С. 29–34, 270–275].)

Вместе с тем параллельно существовала редукционистская методология, которая опиралась только на разум и использовала рациональный метод, ставший базовым в западноевропейской науке о языке. Правомерность подхода, расщепляющего изучаемый объект на составляющие его части, получила подтверждение в «Механике» Ньютона и картезианском учении, также исходившем из противопоставления мыслящей и природной сущности человека.

Что касается отечественной филологической традиции, то она развивалась в русле холистического подхода, используя синтетическую модель изучения исследуемого объекта. При этом русские ученые видели в языке не предмет, а средство – «средство воссоздания духовной жизни». Неудивительно, что им пришлось пересмотреть труды иностранных профессоров и «трансформировать аналитические разработки немецких коллег в чисто славянские синтетические построения» [34. С. 127]. Таким образом, русская филология и сложившиеся в ней научно-исследовательские подходы, школы и традиции изначально вбирали в себя самобытные черты русской языковой личности со свойственными ей ментальными особенностями.

Стремительное развитие средств массовой коммуникации и всеобщий глобализационный процесс привели к универсализации научной деятельности. Тем не менее неизбежно возникают следующие вопросы: ***можно ли в настоящее время говорить о национальной специфике научно-исследовательского дискурса? Какие особенности русской ментальности проявляются в деятельности российских ученых?***

Чтобы ответить на эти вопросы, воспользуемся результатами интегрального контрастивного изучения английских, немецких и русских текстов рецензии как одного из наиболее показательных научных жанров с целью выделения в них универсальных и культурно-специфических характеристик [35].

Прежде всего, кратко представим единые требования к научной рецензии, которая должна включать такие составляющие, как: 1) вводная часть (заголовок, библиографическое описание, введение); 2) основная часть (краткое содержание глав / разделов и их анализ; цель исследования; оценочный блок); 3) заключительная часть (выводы; практическая и теоретическая значимость; рекомендации читателям); 4) библиографический список; 5) справка или информация о рецензенте (Ф.И.О., должность, контактная информация).

Согласно полученным результатам, наибольший уровень соответствия требованиям к структуре был отмечен в научных рецензиях на немецком языке (92%), средний – на английском (88%) и низший – на русском (68%) [35. С. 12]. Так, несмотря на четкие рекомендации для авторов научных рецензий, носители русского языка проявляют значительно большую свободу в выборе и распределении материала, что соответствует потребности в самовыражении, унаследованной с русским речевым поведением.

В рецензиях на английском и немецком языках справка о рецензенте обязательна. Однако, в отличие от немецких и английских авторов, русские рецензенты нередко (32 %) игнорируют сообщение подобной информации. По-видимому, в этой культурно-специфической черте проявляется ценностное отношение к личной свободе и автономности. Вместе с тем отмечается некоторое смещение полюса общественного пространства в сторону индивидуального (в частности, принятие закона об охране авторских прав), что свидетельствует о проникновении индивидуалистической западной культуры в русскоязычную.

Принадлежность к разным культурным традициям и научно-исследовательским школам проявляется также в избираемых рецензентом способах аргументации. Так, для аналитической методологии характерны фактуальность, абстрактность, детализация и отстраненность, а для холистической – интуитивность, конкретность, целостность и вовлеченность.

Как известно, русская культура является высококонтекстуальной, поскольку для нее типичны межличностные отношения, основанные на традициях и исторически сложившихся правилах речевого взаимодействия. Поэтому в рецензии заметны проявления эмоционального отношения рецензента к автору и излагаемой им точке зрения. Более того, в оценке рецензируемого текста определенную функцию выполняет экспрессивная лексика, органичная для русской речевой культуры. Неудивительно, что в русскоязычных рецензиях большее место занимает отношение к автору рассматриваемой работы, его заслугам и профессионализму.

Подобные знаки внимания и расположения не характерны для английских и немецких рецензентов, принадлежащих к низкоконтекстуальным культурам, где не принято использовать эмоционально окрашенную лексику в научном стиле речи. Вместе с тем и в русскоязычных, и в немецкоязычных рецензиях присутствует так называемая «научная скромность», когда авторы, следуя нормам научного этикета, избегают резких суждения и оценок рассматриваемой работы. Этим они существенно отличаются от англоязычных рецензентов, которые стремятся подчеркнуть свою значимость.

Что касается объема рецензий, то в нем также проявляется определенная культурная специфика. Так, средняя длина рецензий на английском языке составляет 3–4 страницы, на русском – 4–5 страниц и на немецком – 2–3 страницы. А к числу отличительных особенностей последних относятся краткость, чёткость и сжатость анализируемого материала.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в английских научных рецензиях используется местоимение «I (я)», а в немецких – «Ich (я)». В отличие от индивидуалистических культур в русском научном дискурсе высоко оценивается авторское «мы». Тем не менее под влиянием западной культуры в русских рецензиях одного автора все чаще стало появляться местоимение «я» [35. С. 14].

Завершая краткое рассмотрение научного стиля речи, согласимся, что «репрезентативность нашего сознания и ментальные операции дают возможность <...> видеть его логику, распознавать и узнавать привычные нам

содержания» [36. С. 86]. Таким образом, при всех изменениях, вызванных глобализацией, в современном научно-исследовательском дискурсе сохраняются его самобытные черты. Поэтому рецензии и, шире, научно-исследовательская деятельность несут на себе печать стоящей за ними языковой личности со свойственными ей ментальными особенностями.

Подведем итоги.

Предпринятое обращение к индоевропейскому языку как истоку становления общеславянской, а позднее и русской языковой личности возвращает нас к мысли о «генной памяти» (В.В. Колесов), которая переходит от одного поколения к другому. При таком понимании так ли молод наш родной язык, если его «глубина памяти» достигает общеиндоевропейского периода?

Действительно, в отличие от носителей аналитических индоевропейских языков, русская языковая личность унаследовала не только ряд индоевропейских слов-первосмыслов (термины родства, названия животных, числительные и др.), но и коллективистский тип культуры.

А наш язык сохранил такие культурно-специфические особенности, как синтетический строй языка, развитая система словоизменения и словообразования, семантико-грамматическая категория безличности и нефиксированный порядок слов в предложении. Но целостность язык и созданная на его фундаменте культура обрели с принятием Православия, которое и поныне выполняет функцию духовного стержня русской языковой личности.

Таковы, как представляется, истоки самобытной ментальной пространственности, которая побуждает к достижению в общении искомого уровня взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений [33. С. 33–34], а в совместной исследовательской деятельности – к коллективному поиску решения сложных проблем.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / под ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 619 с.
3. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. 333 с.
4. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мировоззрении (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127–148.
5. Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 44 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
8. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы этногенеза слова. М.: Изд-во ЛКИ, 2019. 206 с.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1 / сост., ред. и вступит. статьи В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1960. С. 264–389.
10. Гамкрелидзе Т.В. Р. Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–9.

11. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
12. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 2010. 592 с.
13. *Моисеев Н.Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 52–66.
14. *Петухов С.В.* Матричная генетика, алгебры генетического кода, помехоустойчивость. М.: РХД, 2008. 316 с.
15. *Куликова И.С., Салмина Д.В.* Введение в языкознание: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 367 с.
16. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию / под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Издат. группа «Прогресс», «Культура», 1992. 416 с.
17. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
18. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
19. *Кодухов В. И.* Введение в языкознание: учебник для студентов пед. вузов. М.: Просвещение, 1979. 351 с.
20. *Даниленко В.П.* Синтетическая морфологизация в китайском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. 2013. С. 117–121.
21. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. 656 с.
22. *Пименова М.В.* Исследование ментальности русского народа / Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. 5-е изд. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2017. С. 73–130.
23. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
24. *Савельева Л.В.* Лингвоэкология: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 206 с.
25. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
26. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.
27. *Тарланов З.К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 208 с.
28. А.С. Пушкин о Москве. М.: Фонд И.Д. Сытина, 1997. 239 с.
29. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
30. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Таллинн: Александра, 1992. 480 с.
31. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.
32. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. М.–Л.: Наука, 1952. С. 389–578.
33. *Владимирова Т.Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации: экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2018. 320 с.
34. *Колесов В.В.* История русского языкознания. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 472 с.
35. *Кравцова Е.В.* Научный дискурс: универсальное и культурно-специфическое (на материале жанра научной рецензии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2016. 21 с.

36. *Одинцова И.В.* Когнитивная лингводидактика в ряду других когнитивных наук // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 80–86.

ABOUT RUSSIAN MENTALITY IN LANGUAGE, SPEECH AND SCIENTIFIC DISCOURSE

T.E. Vladimirova

*Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University
24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation
Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University
10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the disclosure of the mental characteristics of the Russian language personality. Particular attention is paid to the synthetic structure of the language, the non-fixed order of words in the sentence and the category of impersonality, which together create a culturally specific mental context of language, speech and scientific discourse.

Keywords: mentality, Russian linguistic personality, picture of the world, scientific discourse, category of impersonality, Indo-European.

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

И.В. Одинцова¹

*Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как грамматическая и фонетическая системы языка влияют на стратегию языкового мышления и формируют основу русской ментальности, идущей из глубины веков.

Ключевые слова: ментальность, синтетический язык, падеж, согласование, управление, фонетика, редукция, звучащая речь.

Обучая иностранному языку, мы не просто погружаем учащегося в иную языковую стихию, мы формируем у него иной взгляд на мир и на свое место в этом мире. «В каждом языке, – пишет Вильгельм фон Гумбольдт, – заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [1. С. 80]. «Освоение иностранного языка, – замечает ученый далее, – можно уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» [Там же]. Важно подчеркнуть в этих словах В. Гумбольдта, что в процессе усвоения иностранного языка человек лишь осваивает «новую позицию», которая опосредована «прежним видением мира», то есть, оставаясь верным духовности своего языка, иностранец обогащает свой взгляд на мир и мир становится богаче для него. «Тот, кто имеет язык, “имеет” мир», – пишет Х-Г. Гадамер [2. С. 269]. Путешествуя в страну иного языка, мы всегда «возвращаемся домой, обогащенные новым опытом. Эмигрируя, не возвращаясь домой, мы, тем не менее, никогда не забываем свой дом полностью» [Там же. С. 266]. Образ мира, который человек носит в себе, дополненный взглядом на него из мира другого языка, подобен голографической картинке. При легком смещении угла зрения эта картинка слегка поворачивается и, оставаясь верной самой себе, обнаруживает новые горизонты или в привычном мире позволяет увидеть новые грани².

¹ E-mail: odintsova.irina@gmail.com

² Активно используемое в современной методике понятие «вторичной» языковой личности, введенное в научный обиход И.И. Халесовой [3], которое выдвигается в качестве одной из центральных идей современной методике, вряд ли является удачным. И не только эстетическая непривлекательность данного термина тому причина. Полагаем, что и по содержанию этот термин не вполне отвечает сути явления. Овладевая чужим языком, вступая в мир другой духовности, мы не забываем о своей собственной. «Человек, изучающий иностранный язык,

Язык самым тесным образом связан с мышлением. Связь языка и мышления – предмет самых глубоких изысканий разных, не только гуманитарных, наук. Однако, независимо от того, считать ли язык средством «доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [4. С. 69] и тем самым разграничивать язык и мышление; или же рассматривать язык и мышление как «неразрывные части единого целого – человеческого организма как самоорганизующейся живой системы» [5. С. 2010], а языковую деятельность считать основой человеческой когниции, сущность языка как «артикулированное оглашение мысли» [6. С. 266] остается неизменным.

Коллективный носитель языка связан не только фактом общения на этом языке, но и мировоззренческими, ментальными, поведенческими характеристиками, обусловленными историей развития общества, религиозными представлениями нации. Невозможно освоить язык, не овладевая присущими языку особенностями означивания – обретения смысла с помощью знаков. «Язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [7. С. 8].

Ментальность, которая понимается как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [8. С. 15], изменяется очень медленно, она чрезвычайно устойчива и консервативна. Может быть, это и является основанием сохранности нации, ее непохожести на другие. И самое постоянное в ней – это язык. «Мы живем, – пишет Т.Б. Радбиль, – в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Не случайно выдающийся философ А. Хайдеггер назвал язык “домом бытия”, тогда как традиционный взгляд на вещи вроде бы предполагает обратное – “бытие есть дом языка”» [9. С. 20].

Именно ментальностью нации можно объяснить такие феномены русской культуры, как, например, архитектурный облик русского храма, в котором экстерьер резко контрастирует с интерьером. Снаружи русский храм, по словам Д.Л. Андреева, – проявление высшей гармонии будь то собор, «осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и

не изменяет своего отношения к миру, как изменило бы его водное животное, сделавшееся наземным, – но, сохраняя свое собственное отношение к миру, расширяет и обогащает его за счет другого языкового мира» [2. С. 269]. При усвоении иностранного языка не появляется иная, «вторичная», языковая личность, а происходит изменение и обогащение собственного сознания, в том числе и языкового. Речевая практика на другом языке не изолирует языковые личности (изоляция превратила бы общение в хаос), а усложняет сознание человека, делает его общение более осмысленным и комфортным.

столпообразной колокольной» [10. С. 36], устремленный ввысь, к небу, к Богу, или «пестрый теремообразный цветок, изгибающийся своими деревянными или каменными лепестками и будто пребывающий в вечном веселии» [Там же. С. 327], а внутри – другая гармония: «решетчатые оконца, узкие притворы, низкие своды, тяжелые устои, суровые лики, полумрак», иконы, звонкие краски на которых погашены копотью мерцающих свечей. Почему народы, живущие почти в одних географических условиях, в сходных общественных формациях, создали совершенно непохожие архитектурные символы? А литература? Разве можно представить, например, чтобы гений Ф.М. Достоевского появился во французской культуре, а Ги де Мопассана – в русской? Что ни возьми: литература, архитектура, музыка, живопись, фольклор... всё национально окрашено! Не грозят ли процессы глобализации, которые активно протекают сейчас в мире, потерей национальной идентичности?

Язык менее других знаковых систем подвержен изменениям. Свою особость он сохраняет потаенно, независимо и незримо от его носителей. Существует надежда, что ни процессы глобализации, ни реформы русского языка, о которых говорится постоянно в нашем обществе, не смогут разрушить его самобытность.

Так в чем же загадка языка? Что есть такое в языке, что формирует в русском человеке особое мировидение, особую «духовную реальность» [11], делает язык универсальной системой фиксации человеческих представлений, позволяет различным людям, не задумываясь, в каждодневной практике присваивать язык, считая его своим. Человек, «получая по праву рождения язык и выраженные в нем идеалы, ценностные установки и смысложизненные представления... наследует языковую, речеповеденческую, дискурсивную, концептуальную и другие картины мира, которые становятся своего рода матрицей его языкового бытия» [12. С. 1411].

В современной лингвистической литературе проблеме специфики русского менталитета посвящено огромное число работ. Первой, кто начал разрабатывать эту тему, считается А. Вежбицкая, назвавшая «душу», «судьбу» и «тоску» главными константами русской цивилизации. Однако задолго до А. Вежбицкой проблема русской ментальности волновала выдающихся русских ученых, филологов и философов. Еще К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, а затем Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др. пытались отыскать «основу формаций русской души» [13. С. 30].

Рассуждения о ментальности затрагивают прежде всего лексический уровень языка. И это понятно. «В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, то есть в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [14. С. 120]. Лексическое значение слова, представляя собой многокомпонентную структуру, способно не только отразить сигнификат и денотат, но и содержать культурные, стилистические, экспрессивные коннотации. Национально-специфическая информация, лежащая в основе языковой картины мира – образа мира, запечатленного в

семантике языка – аккумулируется прежде всего в лексике. А.Ф. Лосев утверждал: «...наименовать вещь – значит понять ее, ибо тот, кто именуется что-нибудь, должен и отличать себя от именуемого (вещественно) и отождествлять себя с ним (по смыслу), а это смысловое, умное отождествление себя с вещью, которая, как вещь, продолжает быть отличной, и есть понимание» [15]. Поскольку словом именуется не просто вещь, а возникающий в сознании человека концепт, стоящий за словом, именно лексика легла в основу стремительно развивающейся сегодня такой отрасли языкознания, как «концептология».

Грамматика в отличие от лексики не несет вещественной информации, в акте речи она не является предметом сообщения. Однако грамматика, так же как и лексика, представляет действительность и участвует в формировании связи между языком, сознанием и действительностью. «Культурологическая маркированность грамматики гораздо более тонкого свойства» [16. С. 30], чем маркированность лексическая. Грамматика не рефлексится носителями языка. Она служит когнитивным фоном, обеспечивающим континуальность языкового пространства. А ее экспликация подобна расшифровке культурного кода. Как замечает Р. Якобсон, грамматика, подобно геометрии, «налагает простые геометрические фигуры поверх живописного мира частных предметов и поверх конкретной лексической “утвари” словесного искусства» [17. С. 415]. Грамматика, по мнению Р. Мюнха, – «это страна без границ с обширными еще не изученными областями, всегда открытая для новых находок и исследований; эта наука обладает почтенным возрастом, благородным происхождением и сегодня еще достойна усердных трудов» (цит. по [18. С. 267]). Если словарь снабжает нас системой понятий, то «за синтаксисом закреплена система “конфигураций”, которые организуют эти понятия в коммуницируемые формы (Jackendoff)» [19. С. 306].

Грамматика, представляя собой когнитивный механизм построения предложения, имеет наивысшую степень обобщения. В ней отражены базисные пропозиции, которые организуют мысль, оформленную в опоре на национально обусловленные средства выражения. Трудности, с которыми сталкивается иностранный учащийся, а также их ошибки, могут в известной степени служить ориентиром в определении специфики отражения образа мира в языке. Отметим некоторые из них.

Падежная система вызывает трудности у всех без исключения иностранных учащихся. И это понятно. Многозначность падежей, многообразие флексий существительных, прилагательных, числительных, местоимений, связанных с категорией падежа, разнообразие чередований в основе существительных при их словоизменении, а также предложно-падежное управление представляют серьезную трудность для иностранцев.

Русский язык принадлежит к языкам синтетического строя. В нем грамматические отношения выражаются «в пределах одной словоформы (без помощи служебных слов, порядка слов и суперсегментных единиц)» [20. С. 532–533], что формирует высокую предсказуемость употребления форм как в письменной, так и в устной форме. Категория предсказуемости во

многим обуславливает согласованность и связанность русского синтаксиса. Еще до предложения можно определить семантическую роль, которую будет играть слово в предложении. Например, форма *книгу* свидетельствует о том, что это слово женского рода, единственного числа и стоит в винительном падеже. В предложении оно будет выступать в роли прямого дополнения: *Он читает книгу; Он покупает книгу*. В аналитических языках «грамматические отношения выражаются служебными словами, порядком слов, интонацией» [Там же. С. 530]. И до словосочетания или предложения нельзя сказать, какую функцию будет выполнять слово. Например, слово *round* может обозначать совершенно разные грамматические явления: *a round table* – круглый стол; *to make (the lips) round* – сделать (губы) круглыми; *a round of politicians* – круг политиков.

Русский падеж не является чисто морфологической категорией, потому что те роли, которые способна выполнять падежная форма в предложении, зависят не только от самой категории, но и от синтаксической позиции имени в предложении: *город моей мечты; это – город, где я родился; я еду в город; я вижу город*, а также от примененных служебных слов: *поехать лесом, поехать по лесу, поехать через лес, поехать вокруг леса*.

Как известно, падежная форма имени в предложении может как относиться к одному слову в предложении, так и распространять все предложение в целом. В присловной позиции главное и зависимое слово соединяются на основе согласования, управления и примыкания. При согласовании зависимое слово уподобляется главному в общих для них грамматических категориях (роде, числе, падеже): *веселый друг, веселого друга, веселому другу; веселая подруга, веселой подруги, веселой подруге* и т.д. При управлении формируется связь, при которой лексико-грамматические свойства главного слова предопределяют наличие зависимого имени в форме косвенного падежа: *писать другу, писать письмо, писать о брате; книга про войну, книга с иллюстрациями, книга без обложки*. Овладеть русским языком невозможно без усвоения синтаксической связи управления, прежде всего глагольного управления. Большую роль в предсказуемости управляемой формы зависимого члена играет глагольная префиксация. Приставка в глаголе способна не только менять его видовую семантику: *делать/сделать*, модифицировать его лексическое значение: *войти, выйти, подойти, отойти, зайти, обойти* и т.д., но и обуславливать характер сочетаемости глагола, предопределять форму зависимого слова: *войти в дом, выйти из дома, подойти к дому, отойти от дома, зайти за дом, обойти дом*. Кроме префиксации в формировании связанности форм в словосочетании активное участие принимают суффиксальные средства: *учить (учить русскому языку детей) – учиться (учиться музыке), учительница (учительница по английскому языку), учебник (учебник по химии)*, а также префиксально-суффиксальные способы: *писать (писать письмо другу) – записать (записать телефон в книжку), расписаться (расписаться в получении документа), подписать (поставить подпись под документом)* и т.д.

Наличие в языке различных способов выражения значения слов с помощью окончаний, префиксов, суффиксов обеспечивает формальную

избыточность создания смысла. «Плеоназм (избыточность выражения) – особенность русской речи» [21. С. 76]. Избыточность выражения смысла формирует высокую предсказуемость, стабильность и надежность организации русского предложения. Именно избыточностью средств выражения можно объяснить свободный порядок слов в русском языке (в отличие, например, от английского, аналитического, языка, где значение словоформы, ее функция и роль определяются позицией в предложении).

Благодаря синкретичному способу выражения грамматических значений в методике преподавания русского языка иностранцам основополагающим является функционально-коммуникативный метод: грамматические формы вводятся не изолированно, а на синтаксической основе, то есть в составе словосочетания и предложения (подробнее см. [22]). Подобный подход предполагает тесную взаимосвязь всех уровней языка: лексики, морфологии, синтаксиса, словообразования, фонетики.

Флективная «природа» русского языка, пишет А.А. Тихонов, «достигаемая с помощью богатства суффиксов, аффиксов, префиксов, а также лабильность грамматических форм и т.п. в достаточной мере показывает его открытый, пластичный, соборный и динамически меняющийся характер» [23. С. 170].

«Пластичный» характер русского языка отражается и в фонетике, в особенностях звучащей речи. Русское ударение создает уникальный звуковой образ слова. Гласный, на который падает ударение в слове, отличается от безударных большей длительностью, напряженностью и силой. На редуцированном гласном ослабляется сила произнесения звука и резко сокращается время его произнесения. В результате – ударный гласный становится акустически интенсивным, а безударные гласные подвергаются редукции, количественной и качественной: *гóрод, городовóй, зáгородного:* [гóрът], [гъръд^вóй], [зáгъръднъвъ]; *пятидесяти:* [п'ит'йд'ьс'ьт'ь]. Редукции гласных, ассимиляция согласных по глухости-звонкости, оглушение звонких согласных в конце слова, ассимиляция согласных по мягкости, выпадение согласных в консонантных сочетаниях – всё это формирует слитность произношения. Избыточность средств выражения смысла в синтетическом русском языке обуславливает, например, направление ассимиляции согласных звуков: для русского языка характерна регрессивная ассимиляция, когда последующий звук меняет качество предшествующего: *поезд* – [пóист]. В английском же, аналитическом, языке, напротив, – ведущей ассимиляцией является прогрессивная: предшествующий звук влияет на последующий. Для английского языка необходимо сохранить облик слова в потоке речи, не допустить размывания границ между морфемами. Синтетический же строй русского языка не предполагает тесной взаимосвязи между морфными и слоговыми границами, что обуславливает подвижность слоговой границы между морфемами в слове: *год*, но *го-до-вой*, в фонетическом слове: *перед обедом* – [п'ь-р'ь-д^л-б'э-дъм].

Слитность произношения характеризует и звучащее предложение – высказывание. С точки зрения ритмико-интонационной особенности русской

звучащей речи высказывание членится не на слова, а на синтагмы. В звучащей речи группы слов в синтагме произносятся слитно, непрерывным потоком, с одним интонационным центром. Паузы делаются только между синтагмами. Отличительной чертой русской звучащей речи является переразложение границ слогов на стыках слов в синтагмах: *вот опять окно* – [вó-т^/-п'á-т'^к-нó]. Подобно ударению в слове интонационный центр в синтагме (вместе с движением тона) организует предложение, создавая неповторимый облик русской звучащей речи.

Слитность звучащей речи в русском языке поддерживается характером артикуляционной базы русского языка – совокупности привычных движений и состояний органов речи, необходимых для произнесения звуков. Артикуляционная база «формируется на основе динамики – определенных артикуляций, свойственных русскому языку, и статики – артикуляционного уклада – установки артикуляторов, находящихся в положении, обеспечивающих экономное выполнение произносительных движений» [24. С. 22]. «Русский молчит по-русски» – это значит, что в состоянии молчания наши артикуляционные органы находятся в положении, удобном для произнесения русской речи. Для русского языка характерно следующее положение артикуляторов: губы несколько вытянуты вперед; кончик языка упирается в нижние зубы; передне-средняя часть языка чуть приподнята к небу. В английском языке, например, (особенно в его американском варианте) в состоянии покоя наблюдается совершенно другое положение органов речи: губы слегка растянуты и напряжены; кончик языка загнут к верхним зубам и слегка оттянут назад; средняя часть языка занимает ровное плоское положение в полости рта. Для русского языка характерна подготовка артикуляционного уклада на [и], для английского – на [э]. При общении с американцами складывается впечатление, что они люди веселые, потому что улыбка постоянно присутствует на их лицах. Русские же производят впечатление людей грустных, недовольных, даже хмурых. Улыбка, вернее, – положение губ, сопровождающих улыбку, не характерна для речи носителей русского языка. Улыбчивость и неулыбчивость связаны не только с характером американцев и русских. Скорее, дело в особенностях артикуляционного уклада носителей русского и английского языков. Отодвинутость основных артикуляций в глубь ротовой полости автоматически раздвигает губы. И напротив, сосредоточие артикуляций в передней части ротовой полости, у нижних зубов, продвинутость языка вперед препятствуют постоянному раздвижению губ в русском языке³.

Явления слитности, связанности, согласованности, подтвержденные грамматическими и фонетическими данными, не лежат на поверхности

³ «Все гласные в русском языке, зубные согласные [т], [д], [н], [с], [з], аффриката [ц], губно-губные [п], [б], [м] и губно-зубные [ф], [в] образуются при опущенном кончике языка; при образовании заднеязычных [к], [г], [х] и среднеязычного [ж] кончик языка также опущен к нижним зубам; и, наконец, почти все мягкие согласные образуются при опущенном к нижним зубам кончике языка. В английском же языке нет звуков, которые произносились бы при опущенном к нижним зубам кончике языка (за исключением согласных [s], [z], при артикуляции которых допускается положение кончика языка как у альвеол, так и у нижних зубов)» (подробнее см. [25]).

коммуникации. Они заложены глубоко в структуре языка. Эти явления свидетельствуют о своеобразном восприятии мира носителями языка. Будучи языковыми универсалиями, они отражают «закономерности, характеризующие свойственные данной ментальности особенности согласования: оно происходит за счет подстраивания под другого через изменение себя» [26. С. 61]. Особая лингвокогнитивная упорядоченность сознания русского человека, отраженная в языке, есть воплощение исторической реальности, которая унаследована этносом. Синтетизм, являющийся, по мнению многих исследователей, более архаичным явлением, чем аналитизм, – не просто системно-структурная черта русского языка; синкретизм – онтологическая основа русской ментальности, идущая из глубины веков.

Овладевая иностранным языком, учащийся приобретает к национальному миропониманию изучаемого языка. Методика же преподавания РКИ (русского языка как иностранного) на протяжении многих десятилетий выработала эффективный, лингвокогнитивный методический аппарат, который не только способствует обучению правильному произношению и корректному оформлению мыслей на языке, но и формирует у учащегося готовность к социокультурному взаимодействию с представителями изучаемого языка, развивает у него способность смотреть на мир глазами носителя языка.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Гадамер Х-Г. Истина и метод / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. Халева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. 4. С. 11–24.
5. Кравченко А.В. Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 12. С. 20–216.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993.
7. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Когнитивные аспекты языка // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 12–51.
8. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2013.
10. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной мир, 1992.
11. Постовалова В.И. Язык как духовная реальность: учение об имени и молитве в православной традиции (истоки, направления, концептуальное развитие). М.: Культурная революция, 2000.
12. Владимирова Т.Е. Экзистенциально-онтологическая парадигма обучения иностранных студентов русскому языку // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1411–1416.
13. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
14. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988.

15. Лосев А.Ф. Вещь и имя. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/vesch_im.php (дата обращения: 22.01.2021).
16. Бредихин С.Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне. Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. I. 2013. № 3 (21). С. 29-33.
17. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462-482.
18. Макерова С.Р. «Лингвистика» – «грамматика» – «лингвистика (грамматика) текста»: содержание и корреляция понятий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 267–271.
19. Фурс Л.А. Уровни категоризации в синтаксисе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
21. Пименова М.В. Ментальность и концептуальная система // Textus. 2010. № 13. С. 73-79.
22. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та., 2009.
23. Тихонов А.А. Открытость и соборность русского языка и менталитета // Поволжский педагогический. 2013. № 4 (6). С. 167-171.
24. Кулешов В.В., Мишин А.Б. Сопоставление артикуляционных баз английского и русского языков и фонетическая интерференция. М.: Изд-во МГУ, 1987.
25. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация: учебное пособие. 10-е изд. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2020.
26. Мельникова А.А. Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2011. № 21. С. 59–71.

RUSSIAN LANGUAGE MENTALITY IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS

I.V. Odintsova

*Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the question of how the grammatical and phonetic structure of the language determines the structure of the sentence and the features of the Russian sounding speech, influencing the strategy of linguistic thinking and forming the basis of the Russian mentality, coming from the depths of centuries.

Keywords: mentality, synthetic language, case, coordination, management, phonetics, reduction, sounding speech.

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

З.К. Тарланов

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Российская Федерация, 185005, Республика Карелия, г. Петрозаводск,
ул. Онежской флотилии, 51*

Аннотация. В статье на материале русского языкознания доказывается тезис об этноментальной обусловленности исследовательской деятельности по разным её составляющим: характеру, качеству, объёму фактического материала, подбору методов и путей исследования, по соблюдению принципа системности и историко-культурной локализации наблюдений и обобщений. Признаки научной этноментальности выявляются и рассматриваются на примере исследований ряда выдающихся деятелей русской науки.

Ключевые слова: менталитет, русский этноменталитет, русская филология, языкознание, счастье.

Конец советского периода в истории нашей страны совпал, в частности, с поразительной экспансией в русском языке слова *менталитет* с его производными в очень широком терминологическом применении. Этот факт делает необходимым обращение хотя бы в предварительном порядке к процессу его внедрения в отечественную речевую и исследовательскую культуру конца XX – начала XXI столетия, а также к его содержательной нагрузке, как бы востребованной временем.

Прежде всего заметим, что слово *менталитет* и его производные не зафиксированы ни в одном из толковых словарей в истории русского национального литературного языка, ни в двуязычных русско-иностранных словарях, включая даже авторитетный краткий латинско-русский словарь 1941 г., вобравший в себя 15 000 слов [1]. Исключение составляют французско-русские и итальянско-русские словари. Так, в кратком русско-французском и французско-русском словаре, третьим изданием вышедшем из печати в 1955 г. объёмом в 11 000 слов по каждому языку, во французской его части приводится и слово *mental*, значение которого раскрывается прилагательными-синонимами «мысленный, умственный» [2. С. 429]. В итальянско-русском словаре 1965 г. даётся слово-субстантив *mentalità*, которое поясняется словосочетаниями «склад ума, образ мыслей» [3. С. 230]. По свидетельству «Толкового словаря русского языка конца XX века», слово «менталитет» в русском языке – это заимствование из французского языка (*mentalité*), восходящее в свою очередь к латинскому *mentalis* «умственный, духовный»

[4. С. 382]. В том же словаре даются и другие однокоренные с ним слова *ментально* (наречие к *ментальный*), *ментальность* (существительное к *ментальный*: менталитет), *ментальный* (относящийся к сознанию, мышлению) [Там же. С. 383]. Значения слова *менталитет* раскрываются следующим образом: «1. Совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических, психологических, этических и т.п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом».

Значение иллюстрируется примерами не из классических художественных и общественно-политических или философских произведений, как это принято в русской классической лексикографии, а из газеты «Московские новости». При этом как-то неожиданно и без объяснений в качестве «носителя протестантской трудовой этики» приводится «Робинзон Крузо – герой Даниэля Дефо», который противопоставляется Остапу Бендеру как воплощению «советских представлений о предпринимателе». 2. Второе значение слова определяется как то, что говорится «о складе ума, характере мышления». Опять-таки пример из постсоветской журналистики, но относится к «менталитету наших экономистов»: «Ничего нигде нельзя, но если хорошо попросить или иметь хорошие отношения с начальством, то можно всё» (Эхо планеты).

Из примеров-иллюстраций с очевидностью следует, что слово «менталитет» по его смыслу и журналистской сфере употребления изначально предназначалось для характеристики со знаком минус именно советского человека и его непохожести на не советских людей. О том же свидетельствуют и не лишённые тенденциозности иллюстрации к толкованиям его значений. Тем самым в журналистском материале вне всякой связи и без всякой логики «трудовая этика» на примере Робинзона Крузо почему-то противопоставляется советским представлениям о предпринимательстве на примере Остапа Бендера, хотя это совершенно разные темы и разные сферы деятельности по своей сути и целевым установкам.

Поскольку непохожесть советского человека в журналистском восприятии была универсальной, то и слово «менталитет», обозначающее эту непохожесть, вошло в язык с чрезвычайно широким и неопределённым значением, хотя главным в его функциональном назначении для потребителей термина было прежде всего намерение подчеркнуть якобы имевшую место *заикленность, навязанную узость* жизненных представлений советского человека.

Тем не менее термин получил быстрое признание в постсоветской публицистике. Парадокс его триумфального утверждения в разного рода научных и околонучных дискурсах состоял в том, что он с приведённым шлейфом неопределённых значений занял своё отдельное, до того не существовавшее место в отечественной гуманитарной терминологической системе.

О менталитете стали говорить и писать почти все, не уточняя при этом его смысла. Вопреки всем законам терминообразования слово с изначально узкоограниченным значением «мысленный, умственный» в языках-источниках в заимствующем языке кратно расширило свое семантическое поле, которое стало охватывать и мысль, и вообще умственную деятельность,

и идеологию, и психологию, и религию, и эстетику, и этику, и традиции, связанные с определённым типом жизни.

Однако столь широкое понимание того, что называют менталитетом, едва ли приемлемо. Совершенно очевидно, например, что психология, не воплотившаяся в ценности культуры и отрешённая от традиций культуры, не может питать самобытность личности, социальной общности или этноса. Аналогично обстоит дело и с мировоззрением, которое может быть лишь одной из опор личностного или этнического менталитета.

Первейшим и наиболее полным выразителем менталитета как личности, так и этноса является язык. Об этом последовательно и убедительно писали В. Гумбольдт и его последователи в XIX–XX вв. Если обобщить используемые в русской речевой практике функциональные употребления слова «менталитет», то получится, что под *менталитетом* подразумевается самобытность восприятий и аксиологии конкретной личности и соответствующего народа. Способ восприятия внешнего мира, осмысление и оценка воспринимаемого и есть, по-видимому, то, что по сложившейся традиции называется менталитетом. Это результат направленного или стихийного воспитания и внушения, результат взаимодействия со средой, как с социальной, так и с природной. В этом смысле можно говорить о менталитете рабочего, крестьянина, студента, интеллигента, представителя того или иного этнического типа культуры и т.д.

Разноментальные люди не являются носителями несовместимых представлений. Это люди, которые смотрят на окружающий их мир с разных точек. Эти разные точки заданы их языком в узком и широком смыслах – в языковом потенциале личности и в этническом языке в его реализованном своеобразии. Возьмём в качестве примера русское слово «счастье», которое в литературном языке обозначает 1) «состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо», 2) «успех, удачу», а также 3) значение «хорошо, удачно» в роли сказуемого; оно же в русском просторечии, то есть в народном языке значит 4) «участь, доля, судьба» [5. С. 320]. У В.И. Даля со ссылкой на этимологию *со-часть* на первое место выдвигаются такие значения слова «счастье», как *доля, пай* [6. С. 371; 7. С. 816], которые далее ставятся в синонимический ряд лексем *рок, судьба, часть* и *участь, доля*. Собственно толкование слова в Словаре В.И. Даля сводится к двум значениям: 1) «случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчёту»; 2) «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство» [Там же].

Таким образом, основным значением слова «счастье» в русском народном языке является состояние высшей удовлетворённости жизнью, благоденствие. Вместе с тем оно употребляется и во всех других приведённых выше значениях, более свойственных не столько литературному языку, сколько языку народному.

Для выражения того же значения «счастье», например, в дагестанских и ближневосточных языках используется слово общевосточного лексического

фонда «бахт», которое лишено главного его семантического множителя в русском языке – выражения «состояния высшей удовлетворённости жизнью, благоденствия». В этих языках основное из прослеживаемых его значений – это значение «везение, удача, счастье, успех, шанс, судьба», ср.: Агульское и лезгинское **Бахт** «везение, счастье». Араб., перс. **بخت** бахт¹ «везение, успех, удача, счастье, шанс»; дари **بخت** бахт «судьба, счастье». Тюрк. (азерб.) бэхт, бэхти «везение, удача, доля, счастье». Турецк. багът «удача, счастье».

Хотя некоторые синонимы русского слова «счастье» и дагестанско-ближневосточного слова «бахт» совпадают, сами опорные лексемы в указанных языках далеко не соотносительны семантически. В слове «бахт» преобладающим является значение «везение, удача», несколько не перекликающееся с «состоянием высшей удовлетворённости жизнью». Это значит, что у носителей соответствующих сопоставляемых языков не может быть идентичного понимания рассматриваемых слов-терминов, опирающегося на перевод, ибо они в этих языках не совпадают по их семантическим составляющим. Ср. также, например, английское *happy* «счастливый» – «чувствующий удовольствие или дающий его; удовлетворённый тем, что что-либо прошло хорошо или правильно, не причиняя беспокойства; желающий делать что-либо с удовольствием или доброжелательностью; везучий; (о выборе слов) подходящий к определённой традиции»². Этот факт лишний раз подтверждает распространённый в языкознании тезис о том, что каждый язык по-своему членит объективно данную внеязыковую действительность. Поэтому картины мира, представляемые разными языками, предстают далеко не совпадающими, и это нашло свое убедительное выражение, в частности, в известной теории лингвистической относительности.

Подобных примеров можно привести много. Укажем, в частности, на опыт «моделирования небольшого фрагмента русского мыслительного пространства» по концептам *честь* и *совесть*, предложенный профессором В.В. Колесовым [8. С. 17 и далее], и анализ русской речевой культуры 90-х гг. XX в. в контексте этнической культуры, проведённый профессором Л.В. Савельевой [9], в начальный период исследований по ментальности в отечественной науке.

Первая научная конференция по общей проблеме «Язык и этнический менталитет» у нас в стране была организована кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета и прошла в статусе международной 1–5 июня 1994 г. Время было очень трудное во многих отношениях. Поэтому из ста заявленных докладов реально прочитано было двадцать два, которые были изданы в качестве сборника научных докладов в следующем, 1995-м г. [10].

Возвращаясь к теме статьи, считаю необходимым отметить, что слова «определение ментальности затруднительно по причине слабой

¹ Приблизительное звучание слова «счастье» в соответствующих языках для удобства отечественного читателя передаётся кириллическими буквами.

² Выражаю свою искреннюю благодарность профессору Е.З. Тарланову за предложенный им английский пример и семантический комментарий к нему.

разработанности самой проблемы», которыми проф. В.В. Колесов начинал свой доклад первого июня 1994 г., сохраняют свой смысл и по настоящее время. Ментальностью, менталитетом занимаются многие, но само понятие всё ещё не имеет научно мотивированного определения. Предполагается, что и без определения все понимают, о чём идёт речь.

Если иметь в виду общесодержательный план, то для автора этих строк *менталитет* – это своеобразие, неповторимость, особливость восприятия и оценки в широком смысле слова. Разные восприятия и оценки одного и того же лежат в основе разных культур, как словесных, так и всяких иных. Разнообразие культур обеспечивается разнообразием восприятий и оценок, которые и сами могут быть мотивируемы многими факторами социальной организации и природной среды. Традиции и есть воплощение оценок, определение нужности и важности того, что воздвигается в виде культурной ценности. Это, полагаем, справедливо по отношению ко всем сферам жизни, включая и научно-исследовательскую.

Для нас привычно говорить о традициях науки и исследовательской деятельности. Это в принципе естественно. В науке действительно есть свои традиции, в том числе и те, которые не замыкаются национально-культурными границами. Наука сама по себе надэтнична, наднациональна по своей сути, по своим результатам и возможностям познать непознанное и быть используемой, но не лишена национально-культурной мотивированности, в особенности наука гуманитарная. Разные гуманитарные науки, однако, различны по степени своей гуманитарности. Степень же их гуманитарности зависит от того, насколько они слиты или не слиты с национальной культурой. Чем «космополитичнее» наука, тем она дальше не только от национальной, но и от всякой иной культуры, кроме «процедурной» культуры самой этой науки. Среди гуманитарных наук языкознание наименее гуманитарная по своим методам, исследовательским технологиям, по результатам, хотя и занимается изучением языка, который, безусловно, является важнейшей формой национальной культуры, а также орудием этой культуры. Языкознание располагает богатейшим арсеналом исследовательских методов и приёмов, позволяющих объективно и адекватно анализировать язык в его статике и динамике, на всех его уровнях от фонетики и фонологии до синтаксиса и стилистики (см. например: [11; 12]). В этом отношении с языкознанием не может сравниться ни одна из гуманитарных наук.

Языкознание при всей своей «космополитичности» по методам и результатам остаётся областью, неотделимой от этноменталитета исследователя и национальных исследовательских традиций. Это значит, что лингвистические исследования, выполненные в рамках разных культур, разных исследовательских задач и видений, существенно отличаются друг от друга, кроме всего прочего, также по их содержательной полноте и достаточности, по глубине и широте охвата фактического материала. Исследовательский менталитет вообще – это стихийно направляющий фактор в практике научных поисков и описаний. Неотъемлемыми его элементами являются, по крайней мере, две вещи: это, во-первых, язык с его внешней и внутренней

структурой в качестве исследовательского орудия и, во-вторых, традиция видения соответствующего объекта науки, в данном случае языка как объекта исследования, подтверждённая предыдущим опытом. В языкознании, таким образом, язык – это и орудие исследования, и объект исследовательского анализа и изучения. На заре европейского языкознания как науки эти два аспекта ещё не разделены: язык характеризуется по показаниям того же языка без каких-либо сопоставлений с другими языками. Таковы лингвистические подходы древних греков с их звукобуквенным символизмом в толковании значений слов единственно изучаемого ими родного языка.

Что касается европейского языкознания в период его расцвета, охватывающий время с середины – начала второй половины XIX в., то здесь при всём кажущемся его эмпиризме, например даже у влиятельнейших младограмматиков, на деле ведущим в исследовательской практике оказывается дедуктивный принцип. Это безусловно верно применительно к разным научным школам и направлениям Европы и Америки XIX–XX столетий.

На этом фоне совершенно иными выглядят исследовательские подходы и принципы русской науки о языке. Трудно найти, например, в мировой научной практике исследование, которое по своей разновременной и разноязыковой фактологической насыщенности и по соответствующим тонким и глубочайшим исторически локализованным научным наблюдениям и обобщениям было бы сопоставимо со знаменитым четырёхтомным трудом харьковского профессора XIX в. Александра Афанасьевича Потебни с поразительно скромным названием «Из записок по русской грамматике»³ [13].

Если в принципе существует прослеживаемый этнокультурный исследовательский менталитет, а сомневаться в этом едва ли есть основания, то труд Потебни – это ярчайшее воплощение эталона этого менталитета по всем параметрам в русском его проявлении. Будучи индоевропеистом, А.А. Потебня свободно оперирует обильными показаниями многих древних и современных индоевропейских языков, синхронизируя их во времени и располагая по рядам, позволяющим формулировать убедительные закономерности в развитии этих языков. Ряды фактов даются не отдельными примерами, как это часто бывает, а целыми массивами, которые как бы сами подводят под формулировку закономерности, проявляющейся в виде межъязыковой или внутриязыковой тенденции. При этом ряды фактов паспортизируются по принципу отнесённости их к языку литературному, диалектному, фольклорному, жаргонному, профессиональному и т.д. Тем самым языковые факты ставятся в контекст истории культуры, устанавливаются теснейшие и неразрывные связи между этническим языком и этнической культурой, совместно формирующими то, что называется этническим менталитетом. Для Потебни индивидуальное и социальное неразрывны в языке и в мысли, на этом строится, в частности, его теория ближайших и дальнейших лексических значений. В языке всё изначально индивидуально и образно. Процесс развития языка

³ 2-е испр. и доп. изд. томов I–II было опубликовано в Харькове в 1889 г., переиздано в Москве в 1958 г.; том III издан тоже в Харькове в 1899 г. и переиздан в Москве в 1968 г.; том IV впервые опубликован в Ленинграде в 1941 г.

состоит в трансформации индивидуального в коллективное и образного в безобразное. Эстетический компонент – одно из важнейших составляющих при становлении содержания языкового знака. Скрупулёзно прослеживая жизнь языковых форм и категорий, их истоки и судьбы, учёный взыскательно опирается не только на свой опыт, опыт отечественной науки, но и на лучшие достижения европейской лингвистической мысли своего времени. Это тоже элемент его менталитета как русского учёного.

По логике и содержанию самых разных исследований А.А. Потебни очевидно, что важнейшая задача науки – двигаться от фактов, от множества фактов к обобщению. Сами исследования А.А. Потебни, их проблематика, методы решения проблем, универсализм и демократизм при подборе исходного материала для анализа и изучения, широта и глубина научных результатов, ясная научная методология, прозрачность и убедительность завершающих научных выводов – таковы некоторые черты его научного творчества, характеризующие его как представителя именно классической русской лингвистической мысли и русской исследовательской ментальности. А.А. Потебня считается представителем психологического направления в языкознании, но психологизм несколько не отрывает его от языковой материи и не уводит в область схематизма, чуждого для русского языкознания.

Универсализм, сочетающийся с исключительным вниманием к языковым фактам, их научный анализ, проводимый на необходимом социокультурном фоне, историзм, не приемлющий произвола в оценке языковых форм, – это принципиально общая черта ментальности представителей русского языкознания при всём его реально представленном разнообразии и многоголосье. Одной из замечательных иллюстраций верности такого вывода служит общеизвестная формальная школа в русском языкознании рубежа XIX–XX вв., связанная с именем её создателя Филиппа Фёдоровича Фортунатова и его последователей – А.А. Шахматова, А.М. Пешковского и других, – формальная школа, созданная крупнейшим компаративистом-индоевропеистом конца XIX – начала XX в. Косалма (около 25 км севернее от Петрозаводска), где находилась дача академика Ф.Ф. Фортунатова, на которой он отдыхал каждый год, и где был похоронен (1914 г.), при жизни учёного была местом паломничества европейских учёных: он принимал многих европейских компаративистов на научные консультации по сравнительно-историческому изучению индоевропейских языков. Оставаясь убеждённым, плодовитым, авторитетнейшим исследователем сравнительно-исторической фонетики и морфологии индоевропейских языков, он предложил в корне новый подход к описанию морфологии языка на основе оригинальной теории формы слова.

Фортунатовская теория формы слова коренным образом отличается от позже сложившихся в Европе и Америке формальных теорий, включая и структуралистские, тем, что она служит не процедуре, не технике описания языка, а представляет собой объективный и надёжный инструмент для изучения самих фактов, единиц языка. Эта теория гениально проста. Формой слова Ф.Ф. Фортунатов назвал его делимость на неравноценные величины. Этих

величин две, он называет их «принадлежностями»: вещественной и формальной, соответственно основой и аффиксом. Одно определимо через другое: «аффикс в слове – это та часть, которая видоизменяет значение другой части в слове, называемой по отношению к аффиксу основой». Основа же – «та часть в слове», «значение которой видоизменяется аффиксом» [14. С. 72–73]. Всякое слово имеет форму, которая может быть и «отрицательной», то есть невыраженной, вернее – выраженной нулевым формантом. Системно сформулированное положение об отрицательной, нулевой форме – это ещё одно из блестящих открытий Ф.Ф. Фортунатова (О фортунатовской теории формы слова подробнее см.: [15]), демонстрирующих логическую последовательность, ориентированность на доказательность и широту исследовательских подходов русской научной ментальности.

Одна из примечательных и в высшей степени плодотворных сторон русской научной ментальности – это не кабинетность, не даже камерность, а масштабная открытость обществу, которая служит для открытия ему его культуры и её пропаганды. Поэтому академик Фортунатов закономерно рассматривал высшую и среднюю школы в России неразрывными частями единого целого, что требовало принципиального соблюдения научности в преподавании языка и средней школе. В своём знаменитом докладе «О преподавании грамматики в средней школе», прочитанном для учителей в 1903 г., эту задачу он также считал заботой науки. Фортунатов в этом отношении не был исключением.

Это одно из общих проявлений в действии той же культурно-национальной ментальности русской науки и научной деятельности. Вспомним в этой же связи другого русского академика – Фёдора Ивановича Буслаева, работа которого «О преподавании отечественного языка» 1844 г. сыграла подлинно революционную роль в развитии русской школы и определении в ней места русского языка. О том же свидетельствует и научная деятельность советского академика Льва Владимировича Щербы, кроме всего прочего, прекрасного методиста и автора школьных учебников по русскому языку; советского профессора Александра Матвеевича Пешковского, «Русский синтаксис в научном освещении» которого, написанный как учебник для старших гимназистов и напечатанный в первом издании в 1914 г., стал классическим трудом по русскому синтаксису, не говоря о его блестящих методических работах и работах по анализу поэтических текстов, адресованных учителям. Подобных примеров можно привести много, ибо это, повторимся, одна из глубинных сторон русской научной ментальности в целом начиная с академика Михаила Васильевича Ломоносова.

В плане связи между наукой и обществом, оценки ментальных качеств учёной деятельности в России весьма показательно и следующее свидетельство из мемуаров государственного и политического деятеля дореволюционной России Павла Николаевича Милюкова о времени его студенчества в Московском университете: «Профессор Иванов читал Марциала и смаковал описания римских вин, уподобляя их современным. Этого рода гастрономия нам совсем не понравилась, и самый профессор, казалось нам, смахивал

на какого-то приказного старых времён. Это было, конечно, несправедливо, но оно характеризовало смену наших настроений. Для меня это был холодный душ, который сразу отбил у меня интерес продолжать свою гимназическую линию увлечения классиками. Зато внимание моё обратилось к тому новому, с чем мы встретились на первом же курсе филологического факультета. Вместо «филологии» – старый термин Вольфа – здесь мы услышали о новой науке «лингвистике» и «сравнительном языковедении». Ей предшествовала репутация «самой точной из наук после математики». В это при тогдашнем увлечении точными науками хотелось верить; этим как бы оправдывалось самое наше вступление на филологический, а не на естественный факультет. Преподавал тогда сравнительное языковедение Филипп Фёдорович Фортунатов – знаменитость, привлекавшая учеников из-за границы. Я очень добросовестно записал за ним его курс литовской фонетики: литовский язык тогда был признан древнейшим из сохранившихся и перенял эту славу у санскрита. Вместе с этим последним он открывал древнейшую страницу культурной истории индоевропейской семьи народов. Сопоставление звуков речи и их перемен вводило в историю языка, то есть орудия, которым человек пользовался с тех пор, как стал человеком. История звуков, которую своим глухим голосом нам раскрывал Фортунатов, была, конечно, очень поучительна; но она утомляла, и слушатель спешил перейти к живым выводам: от Боппа к Гейгеру, а немного позднее – к Шрадеру» [16. С. 102–103].

Точность, основанная на фактах, на обилии фактов, – вот ещё одна черта русской исследовательской ментальности, о которой пишет П.Н. Милюков, вспоминая свои студенческие поиски будущей профессии.

Обратимся ещё к двум фактам: к тому же «Русскому синтаксису в научном освещении» А.М. Пешковского начиная с третьего издания (1928 г.) и «Синтаксису русского языка» академика Алексея Александровича Шахматова (первое издание по частям – 1925, 1927 гг., второе издание – Ленинград, 1941 г.). Это научные труды-шедевры, эталоны синтаксической классики, энциклопедии синтаксиса национального русского литературного языка. Сопоставимых и таких же полных, подробных, блестяще исполненных трудов ни по одному европейскому языку, насколько нам известно, не существует. Подробность и тщательность воссоздания русской синтаксической системы в каждом случае – беспримерная. В них блестяще описывается синтаксис одного и того же языка, но совершенно по-разному, но в обоих случаях артистически красиво и изящно, последовательно, логично и просто, без какой бы то ни было терминологической суеты, обычно служащей прикрытием пустоты мысли. Каждый, кто вдруг заинтересуется каким-либо фактом русского синтаксиса или языковой иллюстрацией к этому факту, может с уверенностью обратиться к названным источникам, и он не будет разочарован: он найдёт то, что искал. Особенно – в «Синтаксисе» Шахматова. Энциклопедическая манера в подаче и анализе языковых фактов в согласии с их вписанностью в культуру – вот ещё одно из свойств русской исследовательской ментальности.

В том же ряду своё неповторимое место занимает и гениальный труд академика Виктора Владимировича Виноградова о морфологическом строе русского национального литературного языка «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [17], удостоенный Советом Московского университета первой премии имени Ломоносова 7 мая 1945 г. и Правительством СССР – Сталинской премии в 1948 г. Это своего рода энциклопедия морфологии русского языка, в которой освещены все её тончайшие вопросы и проблемы на всём материале русского национального литературного языка, включая уникальные и редчайшие факты. Более того, при освещении соответствующих вопросов используется не только вся научная литература на русском языке, но и научная литература на многих иностранных языках, если они содержат хоть какие-то сведения, способствующие (в сопоставлении) более полному научному осмыслению, пусть и по аналогии, форм и категорий русского языка. Русский научный менталитет, в лучших своих проявлениях непременно включающий в себя разумный универсализм, развёрнут в нём блистательно и щедро. Подобными исследованиями могут быть отмечены редкие из великих языков мира.

Устремлённость к универсальности научных описаний, сопровождающаяся объективными обобщениями языковых данных в качестве фактов народной словесной и иной связанной с ней культуры, – такова ещё одна из глубинных ментально обусловленных этнокультурных доминант русских исследовательских поисков.

Анализ изучаемого в его исторической протяжённости и системной соотносённости, завершающийся масштабным синтезом, – вот эвристический путь, культивируемый русской наукой о языке. Научные традиции русского языкознания практически не предусматривают противоположного пути, на котором преимущественно строится европейская исследовательская традиция и который предполагает в основном *порождение* научного текста в виде дедуктивного монолога, сопровождаемого единичными иллюстрациями. Именно аналитически, идя от речевых альтернатив к языковым обобщениям, к языковой типизации впервые в мировой науке сформулировал понятие о фонеме профессор Казанского университета И.А. Бодуэн де Куртене в конце 70-х гг. XIX в. Несколько позже тем же путём и с использованием показаний двухсот языков мира была создана знаменитая фонологическая теория русского профессора Н.С. Трубецкого, ставшая одной из движущих сил всего языкознания XX столетия [18]. При этом заметим мимоходом, что Трубецкой – создатель современной фонологии неотделим от Трубецкого – индоевропеиста и Трубецкого-теоретика и крупнейшего деятеля евразийства. Таких примеров можно привести много, и все они будут свидетельствовать о том, что русские (российские, включая и советские) традиции изучения языков составляют одну из вершин мировой лингвистической мысли. Научный лингвистический текст русской ментальности легко узнаваем, как, впрочем, и европейский: это два типа принципиально по-разному строящихся текстов.

Тот же российский этноменталитет в плане подробности, тщательности и последовательности от фактов идущего анализа к мотивированным

обобщениям вполне прослеживается и в исследованиях иностранных языков, выполненных российскими учёными. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться, например, к работам академика Льва Владимировича Щербы по французской фонетике, академика Виктора Максимовича Жирмунского по немецкому языку и немецкой диалектологии, профессора Владимира Григорьевича Адмони по немецкому синтаксису, профессора Михаила Ивановича Стеблина-Каменского по скандинавским языкам, академика Игнатия Юлиановича Крачковского по арабистике и многих других.

Русское языкознание и вообще русская филология развивались вместе с университетской образовательной системой в России и СССР, одновременно развивая и совершенствуя эту систему, которая выстраивалась между прочим на высокой оценке интеллектуальных возможностей студента, гимназиста и школьника. Напомним, в частности, что такие классические труды по русскому языкознанию, как «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского, «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» и «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградова, «Введение в языковедение» А.А. Реформатского были адресованы студентам. Определение содержания школьных программ по языку и литературе было делом авторитетных учёных, а не случайных околонаучных чиновников. Именно поэтому советское образование стало образцовым по своему содержанию и системности организации. В нынешнее время едва ли можно говорить об образовании как системно организованном деле в нашей стране. Школы и университеты, созданные с учётом в том числе и этнокультурной ментальности, а также потребностей страны, являющейся многонациональным государством, разрушены. Вместо возрождения выверенного опытом многих поколений качественного высшего и среднего образования иницируют какие-то «территории смыслов», которые соседствуют с чиновничьими конкурсами для людей разных возрастов. В современном российском обществе студент в качестве массового социального типа затерялся, как, впрочем, и рабочий. Нет сомнения, что настанет время, которое ответит на это отмщением.

Русская научная ментальность в её лучших проявлениях соприкасается с подвижничеством, абсолютно лишена конъюнктурности, карьерных устремлений и тяги к обеспеченной красивой жизни, тем более что наука никогда не была в нашей стране доходным местом. Владимир Иванович Даль, замечательный русский филолог, этнограф, фольклорист, работал над созданием своего знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» сорок девять лет (!) – с марта месяца 1819-го по 1864 г. Александр Фёдорович Гильфердинг, собиратель и издатель самой полной коллекции русских былин, подвижнически погиб в экспедиции по русским былинным местам в Вологодской области. Примером безусловного научного подвижничества является, например, упоминавшееся выше гениальное исследование В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», которое «представляет собой совершенно особое и уникальное явление: это единственный полный курс русской морфологии, в котором читатель находит

изложение новых идей, целостных оригинальных концепций по всем центральным проблемам русской грамматики. В этой книге поражает обилие свежего, живого материала, тонкость и полнота характеристик грамматической семантики слова» [19. С. 5]. Здесь в подтверждение сформулированного выше тезиса могут быть названы очень многие русские учёные XIX–XX вв.

В русской лингвистической науке грамматическое, лексическое или даже фонетическое исследование фактов языка в истории или в современном их состоянии, как правило, сопряжено с эстетическими оценками. Только такой подход обеспечивает полновесную характеристику слова, в природе которого социально предусмотрено не только то, *что* им обозначается, но и то, *как* это что-то обозначается. Поэтому русская исследовательская ментальность органично вбирает в себя и всё, что имеет отношение к функционально-стилистическим возможностям слова и грамматической формы. Уже в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755), в первой научной и нормативной грамматике русского языка, грамматические описания неотделимы от описаний стилистических, выполненных в противополжении высокого и низкого стилей. В российской лингвистической и филологической науке в разные периоды её истории создавались разные, но в любом случае вполне адекватно работающие и глубоко содержательные стилистические теории, начиная от Ломоносова и Карамзина и заканчивая Виноградовым, Щербой, Томашевским, Лихачёвым и многими другими. Была создана впервые в мире опирающаяся на стили теория литературного языка (Виноградов, Обнорский, Щерба, Якубинский и др.), теория художественной речи, восходящая к соответствующим научным идеям Потебни, теория языка художественной литературы [20], были созданы прекрасные исследования по стилистике и поэтике языка Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, писателей-декабристов, Чехова, Бунина и других гениев русской литературы. Очень многое из этого перечня было издано в советский период в истории страны и становилось эталоном общества, формируя прочный фундамент культуры. Всё это сделало Советский Союз величайшей державой филологической науки в мире.

СССР был не только самой читающей страной в мире, но и самой грамотной и образованной тоже. Столь разнообразно и плодотворно лингвистические исследования не проводились ни в одной стране. Лишь в некоторых случаях выполнялись в практике западных лингвистов близкие по исследовательской стратегии работы на материале европейских языков. В этом отношении, например, наиболее близки к некоторым русским языковедческим образцам работы Шарля Балли по стилистике и сопоставительно-стилистическому изучению немецкого и французского языков. В советское время (до 1985 г.) опубликовать свою научную статью в нашем академическом журнале «Вопросы языкознания» любой иностранный учёный считал честью для себя. В современной же России отечественные научные традиции и исследовательский менталитет унижены и обречены на исчезновение. Разве не парадоксально, что любую статью по русскому языку необходимо снабжать аннотацией на английском языке при том, что в странах английского языка

(в Англии и США) русский язык никогда не пользовался особым научным интересом? Более того, в этих странах научные лингвистические традиции никогда не были сколько-нибудь значительными и влиятельными. Для кого же российские исследователи русского языка пишут аннотации на английском языке? Для околонучных чиновников. В советское время людей воспитывали внимательными к чужим культурам и умеющими гордиться своей.

Как обстоят дела с наукой в современной России – это особая проблема, требующая особого же и отдельного обсуждения на самом высоком уровне. Если не предпринять кардинальных и срочных мер, она может тихо исчезнуть как вид деятельности.

Литература

1. Краткий латинско-русский словарь / под общ. ред. А.М. Малинина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1941.
2. Краткий русско-французский и французско-русский словарь / сост. О.Л. Долгополова, К.С. Выгодская. Изд. 3-е. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Итальянско-русский словарь. 7000 слов / сост. Ю.А. Добровольская. Изд. 3-е, стер. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965.
4. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / гл. ред. Г.Н. Складерская. СПб., 1998.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Издательство «Русский язык», 1984.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Издательство «Прогресс», 1971.
8. *Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // *Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов* / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995.
9. *Савельева Л.В.* Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // *Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов* / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. С. 25–44.
10. *Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов* / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. 163 с.
11. *Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995.
12. *Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Изд. 2-е. М.: Издательство «Юрайт», 2019.
13. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. 2-е изд., испр. и доп. М., 1958.
14. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение // *Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1.* М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
15. *Тарланов З.К.* Научный метод, историко-сравнительный и сравнительно-типологический аспекты теории формы слова Ф.Ф. Фортунатова (к 90-летию со дня смерти) // *Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова: сборник докладов Международной научно-практической конференции (13–16 сентября 2004 г.)* / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2004. С. 5–15.
16. *Милюков П.Н.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1990.

17. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
18. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича. М., 1960. Впервые опубликовано на немецком языке в 1939 г.
19. *Шведова Н.* Грамматические труды академика Виктора Владимировича Виноградова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
20. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.

MENTALITY AND LANGUAGE RESEARCH PRACTICE

Z.K. Tarlanov

*Northern Institute (branch), All-Russian State University of Justice
51 Onega Flotilla St., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005,
Russian Federation*

Abstract. Based on the material of Russian linguistics, the article proves the thesis about the ethnomental conditionality of research activity in terms of its various components: by the nature, quality, volume of factual material, selection of methods and ways of research, by observing the principle of consistency and historical and cultural localization of observations and generalizations. Signs of scientific ethno-mentality are identified and considered on the example of research by a number of prominent figures of Russian science.

Keywords: mentality, Russian ethno-mentality, Russian philology, linguistics, happiness.

МЕТАФИЗИКА ЯЗЫКА КАК УЧЕНИЕ О ГЛУБИННЫХ ЗНАНИЯХ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В.А. Маслова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, 33*

Аннотация. В лингвистике заложены традиции, идущие от В. фон Гумбольдта, видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности. В статье показано, насколько важно метафизическое учение о языке для выявления глубинных знаний о мире и человеке. Цель статьи – попытка исследовать глубинные и иррациональные аспекты языка, почти недоступные для рационального осмысления, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации. В результате проделанной работы выявлена принципиальная глубокая связь языка с религией и метафизикой.

Ключевые слова: метафизика языка, глубинные знания, духовность, иррациональность, дух

Язык – это среда, в которой
объединяются «Я» и мир.

Ханс Георг Гадамер

Мы понимаем метафизику как учение о трансцендентном знании об основах бытия. Лингвистика – одна из фундаментальных наук, которая изучает не только структуру языка и его внутренние свойства, но и то, как человек пользуется языком. Традиционно человек считал, что изучать мир будет легче, если раздробить его на отдельные области. Но в реальности мир един. В истории науки были времена, когда боролись за чистоту науки, тогда приговором была сентенция – «это не лингвистика». Этим была больна лингвистика весь XX в.: язык, вслед за Ф. де Соссюром, предлагалось изучать «в самом себе и для себя», то есть отделенным от всех остальных явлений и процессов, происходящих с языком в обществе. Хотя еще ранее В. фон Гумбольдт утверждал, что язык – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания. О языке, как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писал и Г. Шпет [1. С. 35]. Таким образом, в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности.

Цель работы – попытка исследовать глубинные и иррациональные аспекты языка, почти недоступные для рационального осмысления,

но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.

В.И. Постовалова отмечает: «Сам Гумбольдт считал непостижимой тайной, недоступной для аналитического мышления то, каким образом сливаются в единое целое язык и народный дух и как действуют в языке творческие первосилы человека и проявляются его глубинные возможности... В решении этих вопросов современная лингвистика, как и лингвистика В. фон Гумбольдта, остается на пороге непостижимого, не дерзая выходить за пределы собственно научного познания» [2. С. 78].

Думается, что современные интегративные науки, в основе которых лежит лингвистика (психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, нейролингвистика и др.), способны выйти за границы дозволенного – в трансцендентное.

На рубеже тысячелетий мы начинаем понимать, что дух нации не просто существует, но и в значительной степени основывается на исповедуемой народом религии. Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом. В связи с этим в современном языкознании всё больше внимания уделяется исследованию религиозно-конфессиональных элементов в языке: это работы В.И. Постоваловой, И.П. Черкасовой, М.Н. Бушаковой, С.С. Воронцовой, А.А. Бувевич и др.

В данной статье рассматриваются два подхода к проблеме трансцендентных смыслов в языке: 1) через духовность и дух и 2) через глубинные знания. Указанные подходы выделяются нами условно, чтобы было легче анализировать. В реальном языке они достаточно диффузны, часто пересекаются. Рассмотрим их подробнее с учетом того, что анализ названных подходов осуществляется с секулярных позиций, однако в значительной степени на нас влияет православно-христианское вероучение. Мы постоянно сверяем свое понимание с тем, как принято понимать и выражать это в православном конфессиональном вероучении.

В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю.С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного знания элементов авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления. Именно второе направление избрано в нашей работе, в которой акцентируется внимание в большей степени то на лингвистических, то на конфессионально-религиозных моментах.

1. Современный мир тонет не просто в фарисействе, а в пошлости масскультуры, злобе, вражде. По словам белорусского ученого и поэта И. Чароты, «к концу второго тысячелетия от Рождества Христова оказались мы во времени без памяти и Вечности, на земле без Неба, с просвещением без Света, образованием без Образа (Божьего – ВМ), духовностью без Духа Святаго...» [3. С. 6]. Выход из этой ситуации – в формировании духовного человека.

Человек же, как утверждают отцы церкви, – это образ Божий. Согласно учению великого философа и богослова П. Тейяра де Шардена, человек не может существовать независимо от своей души, душа возвышает человека: «Мы не должны забывать, что человеческая душа неотделима в своём рождении и созревании от Вселенной, в которой она появилась на свет. ...В каждой отдельной душе Бог любит и спасает целиком весь мир...» [4. С. 13]. Сделать душу человеческую чище, возвысить ее может вера, которая, по словам апостола Павла, есть уверенность в невидимом, непостижимом. Это свойство души, форма единения человека с Богом, которое может быть исследовано с помощью языка, например языка притч.

С человеческой душой говорит Господь на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф. 13, 34–35). Господь дает нам понять, что язык притчи более действенен. Царствие небесное подобно «сокровищу, скрытому в поле, которое, найдя, человек утаил» (Мф. 13, 44). Здесь возникает картина, несводимая к поверхностному логическому объяснению, в ней несколько смысловых уровней, которые создают особый возможный мир: мирская реальность (поле) и мир иллюзий – найденные сокровища, которые есть своего рода пропуск в Царствие Небесное. Поэтому человек в радости готов отдать всё, лишь бы приобрести это поле и, в конце концов, найти дорогу к Богу для жизни вечной. Притча не дает эксплицитного наставления, а заставляет размышлять. Строится притча по следующей модели: ситуация (человек, обрабатывающий поле, находит сокровища) – вариант разрешения ситуации (прячет сокровища и покупает поле) и последствия этого – возможность заслужить Царствие Небесное. Здесь возникает нравственно-этический ребус, который позволяет увидеть за иносказанием глубинный смысл.

Все евангельские события, все деяния Господа становятся в свете притч символами спасения. Язык притч освящен Иисусом Христом, он делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Получается, что притча – особый тип феномена сознания человека, она сопутствует человеку на всем его культурном пути, существуя параллельно с логическим, рациональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость, животворность и универсальность: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо «садов живых смыслов» (О. Николаева).

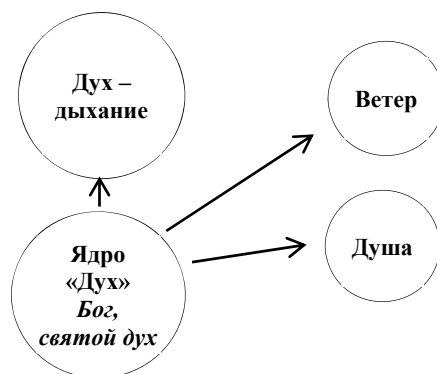
Проблемы аллегоричности притч, притч как жанра, их роли в релаксации исследуются философами, психологами, литературоведами и лингвистами – В.Н. Базылев [5]; Е.Ю. Балашова [6]; Л.Е. Берестовская [7] и др.

«Язык – это лабиринт путей», по Л. Витгенштейну, и важно, чтобы главным оказался духовный путь. Можно констатировать, что в наше время произошла потеря глубокого христианского смысла в лексемах *дух*, *душа*, в них перестали звучать сакральные смыслы – *Бог есть Дух и Отец духов* (Иоан. 4:24); сейчас эти слова понимаются лишь как психический мир, мышление, сознание, что искажает и обедняет восприятие данных сущностей, без которых нельзя понять ни великой духовной силы языка вообще, ни вселенской тайны мира.

Дух – теологическое представление из сферы богословия. Апостол Павел пишет: «Сам же Бог да освятит вас во всей полноте, ваш дух и душа и тело во всей целостности...». С точки зрения богословов, *душа и дух* – два начала человеческой сущности, позволяющие ей стать духовной. Но слова *дух и душа*, различаются: одно из них означает высшую (*дух*) сторону духовного начала, другое – низшую (*душа*); отсюда выражения: *духовный и душевный* человек (1 Кор. 2, 14–15), то есть человек, наделенный богодухновенными качествами, и человек, способный к сочувствию, сопереживанию.

Что по этому поводу говорит наш язык? Обе лексемы в языке многозначны. *Дух* – это: 1. Сознание, мышление, психические способности; начало, определяющее поведение, действия. *Материя и дух. В здоровом теле – здоровый дух*; 2. Внутренняя, моральная сила. *Поднять чей-то дух* (вселить бодрость, уверенность). *Душа* – 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание. *Радостно на душе*. 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая душа* [8. С. 183]. Таким образом, согласно толковому словарю, и *дух и душа* – это составляющие *сознания* человека, то есть его внутренний психический мир. Для лингвистов особенно важен феномен *языковое сознание*, то есть то, как представлены в языке данные сущности, например, в устойчивых выражениях. В русском языке более пятидесяти выражений о *душе* и лишь около 20 с компонентом *дух*: *душа нараспашку* (об открытом и искреннем человеке); *выматывать душу* (досаждать жалобами, просьбами); *отводить душу* (находить утешение, радость); *душа не на месте* (выражает сильное беспокойство, тревогу) и т.д.; *не хватает духу* (мало смелости, решимости); *на дух* (не хотеть, не выносить); *не в духе* (в плохом настроении); *пасть духом* (унывать, отчаиваться); *как на духу* (откровенно, по совести). Как видим, фразеологизмы с компонентом *душа* и *дух* по семантике мало различаются, они выражают в основном чувства и эмоциональные состояния человека, но с компонентом *душа* – кратковременные и чаще позитивные эмоции, а с компонентом *дух* – более устойчивые, долговременные и чаще негативные психические состояния. Названные устойчивые выражения укладываются в схему смыслов, приведенных в словаре. Но на формирование языкового сознания влияет и богословское понимание данных сущностей.

Проведенный нами анализ богословской литературы позволил создать следующую модель ментальной сущности **ДУХ**:

В ядре сущности Дух лежит а) понимание его как Бога: *Бог есть Дух и Отец духов* (Иоан. 4:24; Евр. 12:9; б) Дух как **Святой Дух**: *Ты Свет и Истина, и Живот, и Тебе Славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу*.

В ближней периферии данного явления:

1. **Дух как духовное существо** «дух без костей и плоти» (Лук. 24:39). Здесь подразумевается личность, отделенная от тела (Евр. 12:23); и, наконец, *ангелы и злые духи – духи в темнице* (1 Пет. 3:19) (Евр. 1:14; Деян. 23:8; Лук. 7:21; 8:2).

2. Дух как **душа**: Дух апостола Павла «*возмутился*» *при виде Афин – города, полного идолов* (Деян. 17:16). Нам следует *сохранять свой Дух без порока* (1 Фес. 5:23) и т.д.

3. Дух как **дыхание**: *Дыхание, дух жизни от Бога у людей и животных* (Иов. 12:10; 27:3; Пс. 134:17); *испустить дух* (Мат. 27:50). *Тело без духа – мертво* (Иак. 2: 26).

4. Дух как **Ветер**: Иисус в разговоре с Никодимом говорит: «*Ветер, где хочет веет...*» (Ин. 3:8), он делает *ангелов Своих ветрами*.

В вышеприведенных примерах слово **дух** приближается по значению к слову **душа** только в низшем ее значении как противоположность плоти или телу, например, «*живая душа*». **Дух** как образ животворящего, всепроникающего начала всего сущего (*ветер; дышит, где хочет*); бессмертный дух у человека, живущий в нем (*дух как дыхание*). В этих значениях **дух** – это уже возвышенное, обозначает то же, что и **душа**: «*Душа Моя теперь возмутилась*» (Иоан. 13:21) и «*Иисус возмутился духом*». Но Библия показывает и различие между душой и духом (Евр. 4:12): душа – это сама личность, а дух – это основа для души, та внутренняя глубина человека, в которой живет Бог. Иоанн Крестьянкин писал: «*Действием Святого Духа и горением сердца к Богу земной человек преобразуется в духовного*» («Познати на земли путь Твой»). Дух – это дом, в котором пребывают Бог, Святой Дух и Слово Божие.

Дальняя периферия. Сюда мы относим философское понимание и словарное значение, отмеченное не в словарях атеистического советского времени, а, например, у В. Даля, где **дух** – это бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя это слово к человеку, обычно разумеют душу его; некоторые видят в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному: *Святой Дух, третье Лицо Св. Троицы. Дух Божий, вдохновение* и т.д. Русские философы считают, что **Дух** – это «*воля к совершенству*» (И. Ильин). Русский дух – это духовно-нравственная энергия, Боголюбие, добротолубие, способность жить идеалами, святынями, пребывая в особом блаженном состоянии. Такое понимание духа является традиционным для русской культуры.

Таким образом, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, многое он совершает бескорыстно.

2. В настоящее время ученые различных специальностей стали искать подходы к глубинному знанию и видят его на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов. Их установка при

этом – целостное мировидение. Идет формирование *новой сферы знания*, для которой пока еще нет точного именованя. Ю.С. Степанов предлагал назвать ее «**новой всеобщей антропологией**». Мир – это единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, религиозное и художественное мировосприятие.

Фидеистическая теория языка имеет общегуманитарное значение. Через язык мы получаем большую часть наших знаний, в том числе знаний о вере. Формируются самые различные языки, или *планы*, как пишет архимандрит Софроний (Сахаров) в статье «Литургический язык»: «Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных планов: есть житейский план – естественных потребностей; есть близкий к нему и все же отличный – примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец наивысший из всех – язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми – Литургический» [9. С. 229].

Как считают сторонники фидеизма, наука исследует лишь факты, то есть вторичные проявления, но она не способна раскрыть первопричины, что подвластно лишь вере, но даже с ее помощью многое вообще непознаваемо. Например, непознаваема для человеческого разума тайна Троицы, непорочного зачатия, некоторые из Блаженств (блаженны нищие духом) и т.д. Язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Коммуникативная функция, думается, в языке вторична. Еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Если принять этот постулат, то первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и людьми «работают» разные функции. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык выполняет «функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души» [10. С. 4].

Таким образом, глубинные смыслы наиболее активны в текстах притч, Откровений, литургий и текстах других жанров религиозного дискурса. Религиозные смыслы – это смыслы, хранящие глубинные знания, которые можно назвать также трансцендентными. Но глубинные смыслы есть и в художественных текстах, и даже в обыденном языке.

Впервые о них заговорил В. Гумбольдт, который выдвинул ряд ключевых положений проблемы реконструкции смыслов, лежащих за пределами слова, то есть трансцендентных смыслов. При этом он заметил, что «язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть» [11. С. 378]. Позднее Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» писал: «В самом деле, существует Невысказываемое. ...Это мистическое» [12. С. 72]. О «сфере смутных представлений» писал И. Кант.

В.А. Звезгинцев также считал, что язык «главный свой секрет прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [13. С. 301]. Данный подход имеет научное объяснение. Так, по К.-Г. Юнгу, человек представлен четырьмя ипостасями: мышление, чувство, ощущение и интуиция. К.-Г. Юнг, рассматривая эволюцию человека, считает, что у первобытных людей преобладали чувственные реакции на мир. В наше время на первый план выходит интеллектуальный компонент. Иррациональному не остается места, и оно постепенно вытесняется в религию и поэзию. Верность данного объяснения подтверждается современными философами и лингвистами, которые считают, что познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» [14. С. 38].

Отсюда вывод: религиозные тексты предполагают целый ряд трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова, они скрыты, но в них можно проникнуть через тонкий лингвокультурный анализ языка. Путь к исследованию глубинных знаний – это особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о Боге и мире. В современном языке глубинные знания являют себя в «симфонии голосов прошлого» (В.Г. Костомаров), которые прорываются сквозь мифологизированное слово. Важно в этом смысле и построение предложения: *Он пригласил преподавателя, чтобы учить его*. Здесь не просто многозначность толкований этого предложения, а глубинная диффузность, обусловленная местоимением *он*. Или еще пример: *Все в руки шло, но шло из рук вон плохо*. Три знаменательных слова в первой части сложного предложения повторяются во второй части, здесь представлена игра слов (*шло в руки – шло из рук*), но во втором случае эти слова включаются в состав фразеологизма – *из рук вон плохо*, что вносит заключительный аккорд – «всё плохо».

Помимо значения в слове есть глубинные смыслы и имплицитная культурная информация. Например, вполне обычная с точки зрения синтаксиса фраза *Нечего раньше времени торопиться* не поддается логическому осмыслению из-за глубинных смыслов. Как это *раньше времени*? Какого времени? Алогичных выражений в русском языке много: *Руки не доходят!* (но ведь идут ноги); *Давай бери* (реплика в магазине). Имплицитные смыслы могут быть заложены даже на уровне морфемы – части слова: *чехи* и *вьетнамцы* – люди определенной национальности, а *чешки* и *вьетнамки* – обувь.

В слове может имплицитно содержаться качество называемого объекта, его характеристика, которая не позволяет развиваться широкой сочетаемости, то есть уменьшает валентность семантики слова, делая невозможными выражения типа: *палач угощает ребенка конфетой, великий писатель храпит*. *Палач* содержит в себе негативную коннотацию, а *великий писатель* позитивную, именно в этом ключе должна быть сочетаемость. Часто слова, образованные по одной модели, означают разное: *утренник* – мероприятие, *дневник* – книжка, *вечерник* – студент, *ночник* – лампа.

Часто глубинные смыслы возникают на основе культурной информации, спрятанной в словах и выражениях. Так, фразеологизм *выносить сор из избы*, который был блестяще проанализирован В.Н. Телия, показывает, что именно знание культуры позволяет объяснить, почему позитивное действие – избавление от мусора – имеет негативную коннотацию: *выносить сор из избы* – ‘это плохо’. В древней славянской культуре (сохранившейся в поверьях) считалось, что вынос сора из дома ослабляет проксимальное пространство семьи, делает ее уязвимой для темных сил. До сих пор мы все помним наказания наших бабушек не выносить мусор вечером.

Вывод. Сказанное позволяет нам увидеть новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к **теоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В.И. Постовалова [15]. Побеждает теоантропокосмизм, который зародился в России в конце XIX в. и при котором человек перестает быть центром мироздания. Теперь человек начинает видеть свое место не над природой и миром, а внутри них. Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Следовательно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение «гуманистической лингвистики» (Дж. Лакофф), изучающей «человека говорящего», «языковую личность»), в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность – Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью, как Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории Вселенной.

Теоантропокосмическая парадигма знаний позволяет увидеть человека в новом свете. Так, если при традиционном подходе человек рассматривается только в «горизонтальном» (земном) плане, то в новой парадигме человек предстает стремящимся вверх, к Богу, то есть в вертикальном плане бытия: «...в его принадлежности антропокосмической и, в пределе, – теоантропокосмической («Бого-человеко-космической») реальности» [16. С. 121]. В перспективе фидеистической теории языка – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Представления о Боге, Духе, душе, вере определяют важнейшие способы взаимодействия человека с миром, а познаются и регулируются они с помощью языка, в котором, по словам П.А. Флоренского, «заложено объяснение бытия» [17. С. 143]. Следовательно, постулируется принципиальная глубокая связь языка с религией и метафизикой.

Литература

1. Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново, 1999.

2. *Постовалова В.И.* Язык и миропостижение: философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку: сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. М.-Воронеж, 2002. С. 72–89.
3. *Чарота И.* Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X–XX вв.). Минск: Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. 703 с.
4. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека: [сб.]. М.: АСТ, 2002. 554 с.
5. *Базылев В.Н.* Притча: переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228.
6. *Балашова Е.Ю.* Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59.
7. *Берестовская Л.Е.* Библейские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 2000. № 2. С. 60–63.
8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: ИНФОРТЕХ, 2009. 944 с.
9. *Софроний (Сахаров).* Подвиг богопознания: Письма с Афона (к Д. Бальфуру). М., 2002.
10. *Копейкин К.* На каком языке говорит с нами Бог. СПб., 2005.
11. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
12. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
13. *Звегинцев В.А.* Предложение и его смысл. М.: МГУ, 1976.
14. *Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков. Липецк, 2017. С. 7–25.
15. *Постовалова В.И.* Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю.С. Степанова) // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 48–63.
16. *Постовалова В.И.* Религия, наука и философия в концепции цельного знания А.Ф. Лосева / В.И. Постовалова // Христианство и наука: сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2003. С. 114–166.
17. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) / П.А. Флоренский. Т. 2. М.: Правда, 1990. 446 с.

METAPHYSICS OF LANGUAGE AS A TEACHING ABOUT DEEP KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD AND MAN

V.A. Maslova

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus*

Abstract. In linguistics, there are traditions coming from W. von Humboldt, to consider language not just as a system of signs or an instrument of cognition, but also as a spiritual entity. The article shows the importance of metaphysical teaching about language for revealing in-depth knowledge about the world and man. The purpose of the article is to explore the deep and irrational aspects of the language that are almost inaccessible for rational comprehension, but they play a huge role in the formation of the spirituality of both an individual and the spiritual code of a nation. As a result, we were able to identify the fundamental deep connection of language with religion and metaphysics.

Keywords: metaphysics of language, deep knowledge, spirituality, irrationality, spirit.

ЭТНОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЁВА В СВЕТЕ ХРИСТИАНСТВА

В.Д. Захаров

*Всероссийский институт научной и технической информации
Российская Федерация, 125190, Москва, А-190, ул. Усиевича, 20*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению этнологии в трудах Л.Н. Гумилёва, Л.Н. Толстого, В. Вернадского и других отечественных и зарубежных мыслителей. Особое внимание уделено научной и религиозной (христианской) трактовке этноса, его происхождения и сущности.

Ключевые слова: этнология, метафизика, биосфера, первосущность, физикализм, архетипы.

Можно ли научить истории?

Министерство образования сейчас озабочено написанием единого учебника истории для школьников. Задумка хорошая. Однако осуществима ли она? наших детей хотят научить истории, но научить можно лишь тому, что само носит черты научного знания. Является ли история наукой? Можно ли научить истории?

Каждая наука имеет свой конкретный предмет. Какой он у истории? Приведем ответ, который дала рациональная философия истории в лице Г.Ф. Гегеля: предмет истории есть человечество и движение человечества. (Речь шла о едином пути общечеловеческой эволюции как стадий диалектического саморазвития Мирового Духа).

Ему возразил Фр. Ницше, «переоценщик всех ценностей». Он сказал, что человечество вообще никуда и ни к чему не движется по той простой причине, что его самого, человечества, как такового, нет. Понимать это, видимо, нужно так: нет человечества как единого объекта науки, об эволюции которого можно говорить. Предметом истории, если она есть наука, является не «человечество», а то, из чего оно складывается и что мы обозначаем словом «народы». Попробуем разобраться, что это такое.

Л.Н. Толстой в философском фрагменте к роману «Война и мир» ставит вопрос: «Какая сила движет народами?» (и ни слова ни о каком «человечестве»). Сразу видно, что вопрос поставлен вполне научно: в нём говорится о силе. Если история – наука, то пусть ответит на научно поставленный вопрос, пусть укажет силу и закон её действия. Никто не требует от истории, чтобы она называла природу этой силы. Например, И. Ньютон не задавался вопросом о природе тяготения, но он назвал силу, движущую телами, и указал закон её действия. Тем самым он создал науку о тяготении. Под наукой достаточно

понимать одну только феноменологию, не посягая на права метафизики, которая берётся объяснить субстанции, *сущности* вещей. Достаточно, если эта наука описывает только явления, которые она умеет предсказывать (так, теория Ньютона умела предсказывать любые явления, обусловленные силой тяготения, как на Земле, так и на Небе).

Умела ли что-либо предсказывать история? Попробуйте назвать какие-либо её предсказания.

Этнография и Библия

Остаётся фактом, что европейская социология (вот она-то и занимается историей «народов»), именовавшая себя наукой и открыто выступавшая против метафизики, не смогла предложить никакой последовательной феноменологической теории исторического процесса. До сегодняшнего дня эта «наука» не открыла ни одного универсального закона, управляющего движением народов, и, естественно, никогда не умела предсказать ни одно историческое событие, например войну или революцию. Не смешно ли, что В.И. Ленин, не без основания считавший себя вооружённым передовой европейской мыслью, воспитывавшийся на Гегеле и Марксе, категорически отказался поверить в феврале 1917 г. всяким слухам о том, что в России без его участия осуществилась его мечта – началась революция (поверил лишь, когда до Цюриха дошли российские газеты)? О народах и их судьбах более правдиво говорит Библия, чем научно выверенная этнография, которая вот уже 300 лет демонстрирует свое научное бессилие, не выработав метода изучения народов (мы бы сейчас сказали: научного метода) и классифицируя их по случайным признакам. Разумеется, она не могла выработать никакого определения термина «народ», не говоря уже о движущих силах и причинах его возникновения.

Что же говорит о народах Библия? Она тоже ничего не говорит о «человечестве», а говорит вот что: «Бог живой... в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями» (Деян. св. апостолов 14, 16). Эта фраза взята мною из русского перевода славянского текста Библии, в котором «народ», «род», «земля» обозначаются единым словом «языцы». В свою очередь, это слово есть славянский перевод греческого слова «этнос». Этот изначальный термин и употребляет Л. Гумилёв.

Л. Гумилёв был глубоко верующим человеком твёрдой православной веры, прекрасно знал учение Церкви и в детстве даже хотел стать священником. Для него история – не наука, творимая человеком: история человечества творится Богом, который движет народы по своим, неведомым человеку путям.

Своё учение об этносах Л. Гумилёв создавал, имея, конечно, в виду приведённую нами библейскую фразу о путях, которыми каждый этнос ходит под Богом. Не потому ли эти пути неисповедимы, что это – пути Божии? Не случайно оказалось, что определить этнос на человеческом языке невозможно. Оказалось, что за «этносом» скрывается некая первоначальная, исходящая от

единого Бога, сущность, которая, как и любая сущность, не может быть выведена из таких чисто социальных категорий, как «народ», «племя» или «нация». Эти образования существовали не всегда, или, по крайней мере, формы их заменялись до неузнаваемости и у различных народов эти понятия не означали одного и того же. Между тем этносы как формы существования вида *Homo sapiens* существовали всегда. Всегда человечество, в отличие от животного мира, делилось на таинственные для нас сообщества, противопоставлявшие себя другим, как «мы» – и «не мы». «Всегда» – это значит в течение последних 50 тыс. лет – периода существования открытого в археологических раскопках неантропа, называемого «современным человеком». За этот период человек, в отличие от других млекопитающих, распространился по всей поверхности земной суши, в самых разных ландшафтах и климатических условиях. Как видим, способ существования в подобных сообществах индуцировал исключительную приспособляемость человека к самым различным природным условиям. Это означает, что не какие-то специфические природные условия порождали такую форму существования – напротив, она содержала в себе самой внутренний источник приспособляемости к самым разнообразным внешним условиям. Из этого также видно, насколько мало общего имеет этнос с биологической популяцией, а этнические различия – с различиями расовыми. С другой стороны, есть у этноса и нечто общее с популяцией – это комплементарность (термин Л.Н. Гумилёва), ощущение подсознательной взаимной близости особей друг к другу, объединяющее индивиды в сообщества.

Что же объединяет людей в сообщества? По Л. Гумилёву: «Как известно, человек – животное общественное, никто этого оспаривать не будет. И, следовательно, сказали некоторые “мыслители”, все отношения между людьми – это отношения только общественные, то есть социальные. А раз они делятся на этносы, – это тоже явление социальное» [1]. Л. Гумилёв опровергает измышления этих «мыслителей»: комплементарность – явление не социальное, оно наблюдается у диких животных, а у домашних известно каждому. Однако этнос ни в коем случае не является аналогом муравейника или стада. Этнос, в отличие от любой популяции животных, вообще не есть совокупность сходных особей и не может быть определен никаким признаком сходства.

Что такое этнос?

Таких признаков сходства нам предлагали множество: общность языка, территории, происхождения, исторической судьбы, экономической жизни... Так ведь нас и учили... Самое смешное – это убедиться, как легко разоблачается то, что нами было воспринято некритически, но вбито в голову с детства как непререкаемая истина.

Французы – этнос, хотя на единой территории своего единого этноса говорят на четырех языках (французском, провансальском, бретонском и гасконском). Те же французы, переселившиеся на иную территорию –

в Канаду – в XVIII в., до сих пор этнического лица не потеряли, не превратились в англичан или «канадцев» и не смешались с соседями. Историческая судьба может быть единой у двух-трех народностей и разной – в пределах одной народности. Об общности происхождения говорить вообще нелепо, так как нет ни одного этноса, который не происходил бы от разных предков. Наконец, возникновение экономической формации (например, феодальной) не обнаруживает ни хронологической, ни территориальной корреляции с возникновением этносов (например, англичан, французов). Несколько разных этносов могут быть объединены экономическими связями, но эти связи не совпадают с этническими – не образуют суперэтнос. Этносы объединяются в более широкие системы – суперэтносы – в силу того же принципа комплементарности, на этот раз – межэтнической. В то же время на протяжении жизни одного суперэтноса, например западноевропейского, формы экономических связей и даже сама общественно-экономическая формация менялись радикально.

Как видим, ни один из этих факторов также не определяет этнос, природа которого глубже каждого из них и всех их, вместе взятых. Эти «объективные» факторы – скорее не факторы, а лишь параметры, в той или иной степени характеризующие специфику любого этноса, но не указывающие на его суть, потому что ни один этнос, в отличие от биологических особей, не похож ни на какой другой. Сущность этноса – то общее, что можно вынести за скобки у всех этносов, – не поддается никакой объективной характеристике.

Что движет народами?

Возникновение этносов также зависит от множества феноменологических параметров, доступных научному изучению, – социальных, религиозных, биологических и природно-географических, ни один из которых, однако, не универсален. Каждый из них в той или иной степени описывает лишь условия возникновения этносов, но не его причину. Возьмем, например, фактор религиозный. При возникновении новой секты или учения его адепты могут выделиться в особый этнос, а могут остаться и в старом этносе, сохраняя свою веру и убеждения. С индийскими сикхами случилось первое, и они образовали новый этнос; а с русскими старообрядцами этого не произошло, и их сектантская изоляция не привела к этнической дивергенции – выделению из старого, русского этноса. Другой пример касается роли географического фактора в этногенезе. Большое значение этому фактору придавали русские ученые-евразийцы (Г. Вернадский, Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.). Они даже разработали серьезное геополитическое учение, показывающее, что особенности ландшафта и географическая распространенность народов («месторазвитие») могут не только влиять на жизнь этносов, но и способствовать этнической дивергенции. Однако никакой единой закономерности такого влияния ни им, ни кому бы то ни было после них найти не удалось. Иногда этнические различия можно объяснить разнообразием географических условий, но иногда эти различия существуют и там, где климат и ландшафты

весьма близки между собой. Вместе с тем если бы причина этнической дивергенции лежала в географических условиях, то эти последние, как постоянно действующие факторы, способствовали бы народообразованию, чего в действительности не наблюдается. Напротив, этносы тысячелетиями могут не возникать в очень даже удобных географических условиях. Очевидно, климатические условия и ландшафт могут воздействовать на то, что уже есть – на существующие этносы, но они не могут создать новый этнос.

Наиболее ценная, на мой взгляд, часть капитального труда Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» [2] – критическая. Она посвящена доказательству двух положений: 1) «Нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире нет и не было ни одной человеческой особи, которая была бы внеэтнична»; 2) Нет ни одного фактора в нашем земном опыте, который являлся бы причиной этногенеза всегда и во всех случаях.

Является ли этнос категорией сознания?

Может быть, категория этноса потому столь неуловима, что не содержит в себе ничего реального, проявляя себя лишь в условном самоназвании?

Да, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Однако адекватно ли это самосознание (проявляющееся в самоназвании) отражает этническую принадлежность? Известно, что несколько разных этносов могут принимать одно и то же этническое наименование (этноним), и, наоборот, части одного этноса могут называться по-разному. Этническая принадлежность обнаруживается в сознании, но сама она не есть продукт сознания – нельзя сознательно, по договоренности, объединиться в этнос. Нельзя волевым решением сменить свою этническую принадлежность, как меняют гражданское состояние или подданство. Нельзя записать себя в другой этнос, хотя можно записать себя в другую национальность или другое вероисповедание. «Произведите меня в немцы», – издевательски попросил в 1812 г. казачий атаман Платов у главнокомандующего русской армией Барклая де Толли. Украина сейчас тоже хочет записать себя в другой, нерусский этнос. Не получится. Принадлежность Украины и России к единому суперэтносу, объединявшему в себе множество различных народов (этносов), нельзя изменить по собственному желанию. Украина сколько угодно может изменять свой этноним – этим она не изменит свою подлинную этническую принадлежность. «Этнос – явление природы, а не сознания» (Гумилёв).

Сила, движущая народами

Итак, примем тезис Гумилёва: этнос – это явление природы. Однако мы уже видели, что ни один из всех природных факторов этногенеза, во множестве приводившихся в нашей и зарубежной этнографической литературе, в действительности не является инвариантом – не присутствует в этногенезе с необходимостью. Ни один из них не порождает этнос, хотя каждый в разной

степени может благоприятствовать его возникновению. Это означает, что и вся их совокупность сама по себе не может вызвать появление новых этносов. Но ведь этносы возникали всегда, а их ассимиляция и дивергенция происходят на наших глазах, – тогда, значит, таинственный инвариантный фактор этногенеза существует. Л. Гумилёв до времени назвал его «фактором икс».

На вопрос о силе, движущей народами, Л. Толстой ответил, что сила эта трансцендентна, иначе она давно была бы открыта в сфере явлений опыта. Неужели гумилёвский «фактор икс» тоже трансцендентен и находится в небесах? Точно так: он находится в Космосе.

Гумилёв нашел метод изучения этносферы, применив к ней общую теорию замкнутых систем. Главное в теории систем – связи между элементами, а не сами элементы, которые могут совсем не походить друг на друга. Разрушение связей приводит к исчезновению системы. Так исчезают народы даже при сохранении индивидов – элементов системы. Под действием чего они возникают? Или, точнее, чем проявляет себя этногенный фактор икс? Гумилёв увидел движущую силу этногенеза в открытой В. Вернадским биохимической энергии, приносимой в организмы из Космоса. Он обнаружил способ действия этой силы – пассионарный толчок. Оказалось, что рождение этноса всегда сопровождается вспышкой «энергии» (вот он – инвариантный фактор!), биологически трансформированной (это уже гипотеза Гумилёва) через мутации у отдельных индивидов – пассионариев.

Опровержение глобализма

Основной нерв позитивной части теории Гумилёва – это идея пассионарного толчка как энергетического источника этногенеза. История любого этноса четко характеризуется сменой его энергетических состояний: толчок (вспышка энергии) – подъем – перегрев – упадок – затухание (рассеяние энергии), адекватно отвечающих фазам этногенеза в собственном историческом времени этноса: рождение – взлёт (акматическая фаза) – спад (резкий надлом) – инерционная фаза – обскурация – смерть (смещение с соседями, если не наступает гомеостаз). Подобные фазы жизни народов до Гумилёва называл Тойнби, о смертности этносов писали уже Данилевский и Шпенглер – все, кто и в России, и в Европе отвергли идеологию поступательного эволюционного «прогресса». Однако никто из них не назвал движущую силу этногенеза, а потому и не открыл его естественный закон. Энергетический механизм смены этнических фаз был полной неожиданностью.

Оказалось, что этнос живет запасом полученной извне энергии, подверженной, как в термодинамической системе, необратимому рассеянию. Этим было показано, что сама жизнедеятельность этноса, которая означает непрерывно производимую энтропию, необратимо движет его к рассеянию внутренней энергии. То есть либо к разрушению системы – исчезновению связей, либо к равновесному состоянию – состоянию реликта или персистента, характеризующемуся максимумом энтропии. Отсюда прямо вытекало, что если бы человечество могло интегрироваться в единый суперэтнос,

то оно, как любой этнос, или погибло бы как целостность от энтропийного энергетического истощения, или через весьма небольшой в историческом масштабе промежуток времени – около 1200 лет – прекратило бы этническое развитие, превратившись в реликт. (Этот промежуток времени стал доступен вычислению с тех пор, как В. Вернадским был указан биохимический механизм накопления энергии.)

Это закон природный, а не социокультурный, и его нельзя отменить или заменить никакой международной социальной регуляцией. Общечеловеческий суперэтнос невозможен. Человечество никому никогда не удастся интегрировать – ни единой «общечеловеческой» культурой (космополитизм), ни единой религией (экуменизм). Вот так, математически, на кончике пера был опровергнут мондиализм – идея рациональной интеграции народов в единое человечество, на деле являющаяся программой национального обезличения народов. Этнос, не дошедший до стадии обскурации и не находящийся в состоянии гомеостаза, всегда есть система резистентная, и его невозможно ни ликвидировать, ни слить с другим этносом по благим желаниям людей, какие бы естественные мотивы люди при этом ни использовали, будь то близость культур, религий, географического положения, экономических связей.

Тело, душа и дух этноса

На первый взгляд, естественный закон, открытый Гумилёвым, разрешает загадку этноса и силы, движущей историей. Это было бы так, если бы этногенез был только естественным процессом, а человек – только природным существом.

Взгляд на человека как на природное существо, подчиненное естественным законам, сложился в западной мысли в век Просвещения. На этом основании рациональная философия верила в свою способность объяснить историю средствами только разума и из естественных причин.

Философские фрагменты романа «Война и мир» – великая насмешка над этим «научным пониманием истории», которое бралось объяснить всё, но не объяснило ничего: отвергло божественную силу, но не нашло взамен никаких естественных сил, движущих народами. Причину этого Л. Толстой видел в свободе воли человека – отличительном свойстве *Homo sapiens*.

Свобода воли означает возможность совершить любой из двух разных, противоположных по характеру поступков в одних и тех же условиях; иными словами, совершить действие без причины – то, чего не в состоянии совершить Буриданов осёл в известной логической проблеме. Для разума такая возможность – противоречие, ибо она отрицает принцип естественной причинности и заменяет его иной причинностью – свободной. «Возможна ли свободная причинность – или всё совершается в мире только по законам природы?» – задаёт вопрос И. Кант и доказывает, что любой ответ на этот вопрос будет одинаково правильным и неправильным. Приняв естественную причинность, приходится отвергнуть свободу воли, ибо свобода для разума – противоречие. Теперь понятно, почему все естественные «законы» движения

народов всегда опровергались исторической действительностью. Эти законы относятся к чему угодно, только не к действительной жизни действительного человечества, ибо нет жизни человека без свободной воли, как нет жизни этноса без его ментальности.

Ментальность (лат. *mens* – дух), в соответствии с древнехристианским принципом трихотомического деления человека на тело, душу и дух, можно определить как всю область человеческого бытия, противостоящую его соматической (телесной) основе. Ментальность существует как у отдельных индивидов, так и у этносов, и великим вопросом во все века был вопрос: является ли ментальность субстанцией? (или, выражаясь популярно: что первично – ментальность или сома?). Если ментальность – субстанция, то, как видим, она сверхприродна и не может быть описана естественной причинностью. Тогда становится ясным, почему этнос неопределим никакими естественными параметрами. В самом деле, по Л. Гумилёву, этнос представляет собой единство трех элементов: 1) кормящего ландшафта (он порождает чувство «родины»), 2) традиции (чувство «отечества») и 3) творческих мифов и художественных произведений. Второй и третий из этих элементов невыводимы из «природы», они принадлежат к сфере ментальности и не обнаружимы в природных явлениях. Ментальность – это сверхприродная онтологическая основа этноса. Поэтому нельзя называть этнос «явлением природы», как делает сам Гумилёв («этнос – явление природы, а не сознания»). Только это позволяет нам понять естественную необъяснимость этноса.

Много столетий велась борьба вокруг фундаментального вопроса: можно ли свести ментальность к соматической основе жизни? Знаменитая психофизическая проблема была частью этой грандиозной борьбы и сводилась к вопросу: детерминированы ли психические образы материальными (физическими) воздействиями? Если да (так отвечала рефлексология), то психосфера безостаточно описывается естественной причинностью. Если нет (так отвечал неовитализм со времён Р. Вирхова), то ментальность уже в области психики субстанциальна и не подвержена природной необходимости.

В XX в. идея детерминации потерпела поражение. С одной стороны, нейронные микробиологические исследования показали, что невозможно моделировать функции нервных цепей в жестко детерминированных сетях формальных нейронов. С другой стороны, в психосфере были открыты гештальты – устойчивые состояния, которые не могут быть обусловлены непосредственным действием раздражителя. Так восторжествовала идея Р. Вирхова и Г. Дриша о существовании в психосфере сверхматериальных закономерностей, непространственных и нефизических, названных Г. Дришем «психоидой», или «энтелехией».

Учёное незнание

Если нечто недоступно знанию – означает ли это, что оно никак не может быть познано? В частности, Сократ говорил, что он ничего не знает, но считал своё незнание весьма полезным для себя, потому что оно позволяло ему

разоблачить многие предрассудки «знающих». Спустя почти два тысячелетия Николай Кузанский разъяснил нам, какую пользу может приносить незнание, создав свою философию «учёного незнания» [3]. Само название указывает на то, что незнание может чему-то научить. Примером является так называемая «отрицательная теология». Что мы можем «знать» о Боге? Только то, чем Он не является: Бог *не есть* камень (идол), *не есть* огонь, не есть вообще природа. Разве это не приближает нас к богопознанию, хотя Бог так и остаётся для нас тайной? Познание через незнание стало называться *апофатическим* познанием.

Познание, означающее знание через незнание, означает знание через миф. Такое познание раскрывает нам этнос как смысловую (семантическую) реальность. История может познать этнос не потому, что она есть наука, а потому, что она есть религиозный миф. Философы, начиная с Фр. Шеллинга, рассматривают миф как первоначальную историю человечества.

В мифах первобытных народов Карл Юнг увидел апофатический способ познания невидимой и непространственной реальности, о которой мы имеем представление благодаря присутствию в нашей психике её осознаваемых прообразов. Он назвал такие образы *архетипическими представлениями*, имея в виду их неосознаваемый сверхматериальный прообраз, называемый архетипом. Психосфера – это лишь арена проявления этой невидимой субстанции в форме мифов, снов, религиозной и сказочной символики. Язык символов – единственно возможный язык, на котором великие творческие мифы говорили о вечных сущностях. Тогда в них открывается особая мистическая реальность, названная Леви-Брюлем «сверхприродой».

Архетипическая природа этноса

Теперь можно утверждать, что «природа» этноса – сверхприродная, архетипическая. Рождение этноса есть разрыв в природном бытии, разрыв цепи естественной причинности, свидетельствующий о вторжении в природный мир сверхприродных сил. В глубинной (субстанциальной) основе ментальности лежит констелляция архетипов, внешним феноменалистическим проявлением которой является комплементарность – системные связи этноса. Подобно тому, как в астрологии звезды полагаются неизменными, меняется же их взаимное расположение, – так и различные сочетания неизменных архетипов вызывают рождение различных этносов. Если К. Юнг рассматривает архетипы лишь как описательное обозначение безличных платоновских вечных идей («эйдосов»), то в христианской метафизике сами эйдосы – вечные (несотворенные) идеи Бога, вошедшие в тварный мир в акте миротворения. Архетипические сущности вечны и, конечно, не могут изменяться вместе с изменяющимся миром; но тварный мир подвержен изменениям вследствие изменения констелляций архетипов – предвечных кирпичиков мироздания.

Что же такое этнология Гумилёва?

Возможна ли наука о непознаваемом? Учёное незнание отвечает: да! Наука ведь не претендует на познание субстанций: она ограничивается явлениями. Аристотель сказал, что сущность является, явление же существенно, то есть сущность и явление нераздельны.

Непознаваемое тоже является, и то, что является (называемое *эпифеноменом*), доступно науке. Это и есть настоящее незнание – *не знание* сущности. Оно основано на причинной связи явлений и называется физическим (физикалистским) познанием. Все факторы этногенеза – это эпифеномены скрытых метафизических сущностей.

Эпифеномены сопровождают субстанцию, её надо искать там, где есть эпифеномен. Вследствие этого физикалистское познание соприкасается с метафизикой. Причинный ряд вдруг обрывается и начинается метафизика. Причинный ряд явлений, которым наука объясняет факты, не может уходить в бесконечность.

Причинную цепь всегда приходится обрывать, без этого невозможна и сама феноменология. Это понимал еще Аристотель, который считал, что всякая наука должна начинаться с постулата – факта, не требующего причинного объяснения, иначе невозможно понимание ни одного явления. Всякая феноменология должна осознать свой конвенциональный характер – согласиться, на каких именно фактах (постулатах теории) следует оборвать причинный ряд. Парадоксально звучит, но истинно научной теорией следует назвать ту, которая подошла к границам науки, соприкоснулась с вненаучным, трансцендентным. Именно таковой является этнология Гумилёва.

Гораздо важнее другое – цепь причинно-следственных явлений обрывается Гумилёвым именно в том месте, где она уходит за пределы земного опыта. Пассионарный толчок – это такой разрыв естественной причинности, который закрыт для научного познания. Это такой постулат, который недоступен опытной проверке. Причина возникновения этносов – их этнический источник – вынесена Гумилёвым в Космос. Это в полной мере равнозначно признанию, что теория не претендует на его познание. Так как условия, создающие в Космосе причину пассионарных толчков, невоспроизводимы, то они метафизичны в точном смысле этого слова.

Не случайно ведь «Космос» – не научное понятие. Гумилёв употребляет это понятие именно в том смысле, в котором И. Кант доказывает его противоречивость для разума (Первая антиномия трансцендентальных идей). Фактор *икс* был найден, но за пределами феноменологии, и надо было выйти за эти пределы, чтобы найти его.

Почему теория Л. Гумилёва не даёт возможности предсказывать пассионарные толчки? Не потому, конечно, что она плоха как феноменология, а потому, что причина толчков лежит вне природных явлений. Конstellации архетипов не дают себя познать в природном мире. Случайность (а потому непредсказуемость) пассионарных толчков – лучшее доказательство того, что здесь наука как таковая кончается. Здесь, на пограничной линии

с метафизикой, кончается естественная причинность, а значит, и традиционное «объяснение».

Весь контекст теории Гумилёва наталкивает именно на такую интерпретацию пассионарных толчков, и Гумилёв это чувствует, но тщетно пытается выразить эту мысль на физикалистском языке. Следуя В. Вернадскому, он «объясняет» устойчивость биосферы постоянными подпитками из Космоса в форме энергии пассионарных толчков: Природа-де сама заботится о поддержании жизни. Природа? Утверждать подобную целенаправленную функцию Природы (словно она разумное Существо) – значит приписывать природной материи свойства Духа, а такой примитивный гилозоизм давно уже оставлен философией и был возрожден разве что в «марксистской диалектике». Сводить дух к материи значило бы отвергать субстанциальность ментальности, первоосновы этноса. Но этнология, игнорирующая ментальность, уничтожает себя сама: этнос без ментальности – то же самое, что homo без sapiens. Да и каким образом выразить на физикалистском языке такую целенаправленную функцию Природы, если ни «Природа», ни «Космос», ни даже «энергия» на этот язык непереводимы?

Гумилёв, гениально угадав, что этногенный фактор – энергетический, так и не понял, что означает «энергия» его пассионарных толчков. Он хотел оставаться только учёным и пытался понимать энергию только как учёный, но... Спросите любого физика, что такое вообще есть энергия, и лучшее, что он сможет сделать, – это укажет вам лишь операциональный способ вычисления энергии некоторых (и то не всех) конкретных полей – электромагнитного, слабого, да и то теоретически строго (априори) не обоснованный. Для единственного универсального (нигде не устранимого) поля – гравитационного – он не укажет даже и этого. Удивительно, но факт: самое важное, стержневое понятие физики до сих пор так и не определено на языке самой физики.

В физике понятие «энергия» – лишь по видимости научное. Физика соприкасается в этом пункте с метафизикой, как бы она её ни боялась. Однако бояться, как мы уже видели, здесь нечего: настоящая наука – та, которая умеет осознать свою неизбежную границу – демаркационную линию, отделяющую её от метафизики. Создатель философского физикализма О. Нейрат так это и квалифицировал бы: «энергия», равно как и «Космос», – это понятия, находящиеся по ту сторону демаркационной линии, и на физикалистский язык непереводимы. За много веков до Нейрата это уже понимала христианская метафизика, которая удержала греческое понятие «энергия», имевшее у Аристотеля формообразующий, архетипический смысл. В этом же смысле св. Григорий Палама учит о нетварных божественных энергиях, в форме которых вечные формообразующие сущности входят в мир. Архетипы, как вечные идеи Бога, – это концентрации миротворящей божественной энергии. Миротворение (в том числе образование этносов) происходит и сейчас: новые концентрации божественных энергий в форме новых констелляций архетипов творят этносы.

Гумилёв не решился (или не мог?) говорить о первосущностях: вместо «конstellаций архетипов» он употребляет наукообразный термин «конstellации ритмов этнических полей». Увы, «этнические поля» на физикалистский язык тоже непереводимы. Эмпирически не обнаруженные, они столь же рационально не эксплицируемы и, следовательно, в той же мере метафизичны, как и «архетип».

Почему Гумилёв, осознав, что этнос – не только природное явление, описывает его только в терминах физикализма? Почему он как будто забыл про душу и дух этноса? Куда делся его религиозный взгляд на историю? Я думаю, это потому, что физикалистский язык, на котором говорит наука, совсем не есть язык символов, которым говорят об архетипах. Начав говорить на одном языке, невозможно перейти на другой.

Однако, говоря только на языке науки, Гумилёв не мог не натолкнуться на демаркационную линию, отделяющую её от метафизики, даже если он и не заметил эту границу, на которой обрывается причинный ряд феноменов. Создавая только феноменологию, он не заметил, что под его руками произошло чудо – наука о человечестве впервые натолкнулась на границу чисто феноменологического познания. Это чудо должно было произойти, потому что человек и есть чудо – творение не природное, а Божие. Примечательно, что все ученые авторитеты встретили теорию Гумилёва в штыки: они нутром почувствовали идущую от неё угрозу, готовую подорвать все их представления о науке. Время признания подлинных достижений Гумилёва впереди, когда они будут интерпретированы совсем по-иному, нежели теперь, при нынешней несовершенной и спорной научной методологии. Может быть, тогда они позволят с совсем иной точки зрения выявить подлинные силы, управляющие историей народов. Для этого теория Гумилёва должна быть переведена с языка физикализма на язык символов – стать герменевтикой этносов.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2013.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990.
3. Кузанский Н. Об учёном незнании. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979.

ETHNOLOGY L.N. GUMILEV IN THE LIGHT OF CHRISTIANITY

V.D. Zakharov

*All-Russian Institute of Scientific and Technical Information
20 Usievicha St., A-190, Moscow, 125190, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the discussion of ethnology in the works of L.N. Gumilyov, L.N. Tolstoy, V. Vernadsky and other domestic and foreign thinkers. Special attention is paid to the scientific and religious (Christian) interpretation of the ethnos, its origin and essence.

Keywords: ethnology, metaphysics, biosphere, primordial essence, physicalism, archetypes.

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-100-108

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О НАЦИОНАЛЬНОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Е.М. Амелина¹, О.Ю. Ролдугина²

¹ Государственный университет управления

Российская Федерация, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный переулок, 36

Московский государственный университет геодезии и картографии

Российская Федерация, 105064, Москва, Гороховский переулок, 4

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды классиков отечественной философской мысли (В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и Н.А. Бердяева) на сущность национального менталитета. Раскрывается данная мыслителями трактовка национализма и космополитизма. Подробно рассмотрено их понимание сущности русского национального менталитета, его достоинств и недостатков.

Ключевые слова: менталитет, самосознание, национализм, космополитизм, софийность.

Актуальность изучения национального менталитета связана с противоречивым характером и последствиями глобализации, что проявляется, с одной стороны, в исчезновении этнокультурного многообразия мира, его «европеизации» и «американизации», а с другой стороны, – в усилении стремления народов сохранить свою духовную и культурную идентичность. Особую актуальность данная тема имеет для современной России, в которой ослаблена связь между поколениями, отсутствует культурный иммунитет, постепенно утрачивают свое значение некогда скрепляющие российский народ в единое целое духовные и нравственные ценности и идеалы. Данная ситуация порождает потребность выработать эффективные мировоззренческие стратегии укрепления национальной идентичности, государственной целостности при сохранении межнациональной солидарности. В этой связи обращение к отечественной философии, чьи представители выдвигали систему идей и

ценностей, нацеленных на сохранение культурного своеобразия народов, на идеалы соборного единства, патриотизма и взаимопомощи, является весьма своевременным.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, как понимали сущность национального менталитета такие представители русской социально-философской мысли, как В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин и Н.А. Бердяев. Наше исследование предполагает ответы также на следующие вопросы:

Какую роль в историческом процессе они отводили национальности?

Как трактовал каждый из указанных мыслителей сущность национального менталитета?

Как, по их мнению, следует понимать сущность национализма и космополитизма?

В чем особенности русского национального менталитета?

Каковы его сильные и слабые стороны?

Что способствует формированию его здоровой идентичности?

Какие установки отечественных мыслителей могут быть востребованы в условиях многополярного мира?

Существенную значимость для исследования имеют теоретические положения современной социальной философии, согласно которым общество должно изучаться как целостность, взятая в своей общеисторической эволюции, а духовная сфера является важнейшим и активным фактором его развития. В статье используются также метод рациональной реконструкции, ориентация на многосторонний подход к проблеме и инструментарий диалектической традиции.

Социальные взгляды исследуемых нами мыслителей – В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и Н.А. Бердяева – принадлежат к русской религиозной философии, представители которой рассматривали человечество как конкретное единство различных народов, каждый из которых имеет индивидуальные особенности. Являясь членами единого человеческого организма, принимая участие в единой истории человечества, народы остаются при этом самостоятельными и самоценными историческими и нравственными личностями. Каждая нация, указывал В.С. Соловьев (1853–1900), как существо моральное, «не может жить в себе, через себя и для себя». Она призвана выполнить в мире только ей определенное Богом христианское предназначение, ведь «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [1]. Философ считал, что формирование национального самосознания есть великий успех в истории человечества, означающий появление новой индивидуальности, нового исторического субъекта.

Сходные мысли высказывал и С.Н. Булгаков (1871–1944), для которого, как и для В.С. Соловьева, смысл исторического развития заключался в достижении соборного единства человечества в Боге, а смысл бытия национальности – в ее идеальной христианской миссии. Трактую нацию как личность, как «умную сущность», у которой есть свой ангел в горнем мире, философ

указывал одновременно и на то, что национальный менталитет должен быть понят как неповторимое психологическое и духовное переживание жизни. Различие менталитетов выражается в степени проявления национальностью своей творческой сущности или «софийности».

Большую роль в формировании национального менталитета мыслитель отводил государству, в котором национальность «имеет свой собственный дом». Поскольку история человечества представляет собой борьбу национальностей, постольку, указывал философ, ценна роль здорового национально-государственного организма с развитой экономикой и хозяйством. Он является той силой, которая дает национальности возможность выразить своё самосознание в истории.

И.А. Ильин (1883-1954), видевший смысл истории в раскрытии религиозного содержания жизни общества и культуры, связывал менталитет того или иного народа с его индивидуальным «духовным ядром», с присущим ему духовным началом жизни. С его точки зрения, за непрекращающимся внешним противостоянием народов скрывается различие именно этих неповторимых духовных начал. Поэтому один народ стремится навязать свои начала другому. Менталитет народа питается от его внутреннего духовного ядра, которое является результатом развития национальной культуры и итогом пройденной исторической судьбы. Ради полного развития своих духовных начал, считает философ, «народы живут из века в век, в работах и страданиях, падениях и подъемах, то паря к небу, то влачась долу, – вынашивая своеобразную молитву труда и созерцания на поучение другим народам» [2. С. 186]. Роль культурных ценностей, заключенных в менталитете народа, с точки зрения И.А. Ильина, настолько велика, что способна решающим образом определять внешние формы его жизни. Если европейские народы наиболее полно реализуют себя в католичестве, республике и демократии, то русский народ раскрывает себя в православной вере, самодержавии и общинном укладе жизни.

Для Н.А. Бердяева (1874–1948) бытие национальности в истории представляет собой великую конкретно-историческую ценность, которую, «как и всякую ценность в истории, приходится утверждать жертвенно» [3. С. 73]. Национальность, по его мнению, имеет свое динамическое задание в истории и представляет собой индивидуальное бытие, «заложное в самих глубинах жизни» и вне которого невозможно существование человечества. Размышляя над природой национального сознания и самосознания, философ приходил к выводу о том, что их сущность не может быть полностью и до конца выявлена никакими рационально уловимыми признаками, психологическими или социологическими определениями. С его точки зрения, национальное самосознание, выросшее из сознания единства исторической судьбы народа, должно быть понято как иррациональная тайна: в нём одновременно пребывает дух прошлых и нынешних поколений.

Мыслители выделяли две отрицательные крайности, препятствующие выражению здорового национального менталитета и уродующие его, – национализм и космополитизм. Так, В.С. Соловьев критиковал националистическую

политику современных ему народов-колонизаторов (Англии, Германии), которые, по его мнению, выступали душителями неповторимых национальных индивидуальностей и были не способны к христианскому универсалистскому призванию. «Англичанин, – пишет он, – является перед своими жертвами как пират; немец – как педагог, воспитывающий их для высшего образования... Один грабит и давит народы, другой уничтожает в них саму народность» [4. С. 61]. Немецкий принцип «высшего культурного призвания» в политике В.С. Соловьев считал глубоко порочным, о чём свидетельствуют печальные тени обескровленных народов, подвергнутых рабству и утративших свои жизненные силы.

По мнению С.Н. Булгакова, национализм и космополитизм представляют собой две крайности. В национализме национальному началу придается самодовлеющее и автономное бытие. Именно поэтому он часто вырождается в идолопоклонство. Национализм есть примат плоти над духом, своего рода обожествление кровно-телесной общности. Только господство духа, аскетическое христианское самовоспитание народов, их волевой порыв могут стимулировать становление здорового самосознания и гармонических здоровых межнациональных отношений. Сопутствующая национализму ориентация исключительно на материальное обогащение народа способна привести его к духовному оупению и вырождению, неведомому во времена бедности.

Космополитизм, считал С.Н. Булгаков, представляет собой другую крайность. Он приводит к утрате национального своеобразия, обезличивает и нивелирует человека. Обозначая данное явление как «безнародность», мыслитель определял его как разновидность «онтологического уродства» и извращения национального чувства, так как для человека естественно любить свою родину, свои традиции, своих отцов и матерей.

Рассуждая о космополитизме как процессе денационализации, другой русский философ И.А. Ильин указывал, что, если принадлежность к народу и нации, приобщение к духовному опыту предков дает дополнительные источники творческого развития личности, то человек, отказавшийся от своего народа, есть «духовная сирота». Утрата национальной почвы приводит его к духовной, творческой и социальной несостоятельности. Попытка стереть национальный лик человека трагична, она создает бездуховный тип «международного беспочвенника», который забыл свой язык и культуру. Превратившись в «гражданина мира» или «классового товарища», такой человек лишает свою культурную деятельность исторической конкретности и деградирует к бессодержательной формальности. Философ критиковал «больной национализм» как манию величия и стремление возвыситься над другими народами. Националист, который любит свою нацию настолько, что ненавидит другие, подобен, по его мнению, человеку, который, предпочитая одни цветы, осуждает все остальные, или человеку, который «из любви к своей матери ненавидит и презирает всех других матерей» [5. С. 367].

Сходную интерпретацию национализма давал Н.А. Бердяев. Указывая, что национализм представляет собой ценность в качестве творческого развития национального бытия, он подчеркивал, что, доходя до негативизма по

отношению к другим национальностям и утверждаясь эгоистически, он вырождается. Опускаясь до «элементарно-биологической почвы», национализм лишает национальность творческого духа [3. С. 151]. Н.А. Бердяев критиковал также и космополитизм, как уродливую мечту, «подменяющую конкретное живое человечество отвлеченной утопией» [3. С. 137]. Именно эту подмену он видел в большевистском интернационализме. Этот интернационализм, отрицающий национальное самосознание и национальное бытие, философ трактовал как разновидность убийства живого органического существа. Его идейная направленность предстает, с точки зрения философа, как религия истребления, несущая весть о смерти. Марксистский интернационализм характеризовался философом как «отвлеченная бедность», которая «не является конкретным единством человечества, а заключает абстрактное единство, отрицающее национальные индивидуальности» [6. С. 344]. Поэтому духовную сущность Третьего Интернационала философ объяснял как искажение национального менталитета, как отрицание самостоятельной ценности и достоинства национальной индивидуальности, её духовной свободы. Диалектику национального и универсального философ видел в том, чтобы национальность «творческими усилиями раскрывала в себе вселенское, не обезличивая своего индивидуально-неповторимого образа» [3. С. 151].

Переходя к вопросу об особенностях русского национального менталитета, следует отметить, что мыслители вычленяли в нем разнообразные характеристики. Они выделяли общее, указывали на особенное, а также останавливались на сильных и слабых его сторонах. Большинство из них, пережив революцию, уделяли особое внимание катастрофе денационализации, изменившей национальное лицо России.

Для В.С. Соловьева, как и Ф.М. Достоевского, живших в XIX в., особенности русского национального менталитета, связывались со всемирной отзывчивостью и способностью к христианскому самопожертвованию во имя общечеловеческих целей. Соловьев указывал, что всякая национальность в похвале своему народу выражает свой идеал, и если англичанин восхищается «старой Англией», француз «прекрасной Францией», то русский говорит о «Святой Руси», ибо русское самосознание жаждет христианского объединения всех наций на Земле как восстановления образа божественной Троицы.

С.Н. Булгаков, большую часть живший в XX в., рассматривал русский менталитет как находящийся в изменении, в движении, в духовных взлетах и в падениях. Он расценивал русское самосознание как колеблющееся, не окончательно ставшее и менее устойчивое по отношению к самосознанию более зрелых европейских народов. Философ акцентировал в этой связи то обстоятельство, что русский менталитет требует работы над собой: воспитания и в личностном (развитие индивидуальности), и в социально-хозяйственном плане (противостояние духу «бентамизма»). Философ критиковал мечтательность и созерцательность русского духа, который грезит об идеале, находясь вдали от работы по его осуществлению. Размышляя над особенностями русского менталитета, он отмечал, что «русский гений и русская муза, в отличие от немецкого, относятся не к области характера и воли, но к области

вдохновения и духовного рождения» [7]. Если немец «всечеловек» прежде всего умом, то русский – сердцем. Источник национального самосознания русского человека следует искать, по его мнению, в идеальном облике евангелиста Иоанна.

Период господства большевистских идей в стране С.Н. Булгаков оценивал как утрату национальным самосознанием своего софийного, женственного естества. Большевизм трактовался им как навязанное, антихристианское, волевое, насильственное пленение русского духа. Во время Второй мировой войны философ видел в России ось, или «энтелехию мировой истории», и был убежден, что от её противостояния с Германией зависит решение мистической тайны истории и христианские судьбы мира. Он надеялся на то, что со временем духовное развитие русского народа преодолеет большевизм и явит миру творческий лик русского православия с его идеалом единства всех наций в абсолютном добре.

По мнению И.А. Ильина, русский менталитет обладает яркой и неповторимой самобытностью, связанной с особым складом русско-славянской души, несущей неизгладимую печать православия. Эта православная составляющая и обусловила то обстоятельство, что главные ценности русской души связаны с состраданием, милосердием, жертвенностью. Сердечное начало русского народа проявилось, с точки зрения философа, во всех видах его творчества – в народном искусстве, в великой русской художественной литературе, в русской философии, в религиозных традициях и нравственном укладе жизни. И.А. Ильин был убежден, что особенности политико-правового устройства, хозяйственной жизни и социальных отношений, присущие дореволюционной России, вполне отражали специфику её национальной культуры и национального самосознания.

Указывая, что крайности национализма не свойственны русскому менталитету, философ констатировал, что для него свойствен противоположный грех, выражающийся в добровольном отказе от своих национальных начал и духовных корней. Этот отказ сопровождается уходом от своих форм общественной жизни и принятием чужих в угоду сиюминутным политическим выгодам и интересам. Трагедия национального обезличивания, считал И.А. Ильин, произошла с русским народом в условиях революции, когда он пережил величайшее «государственно-политическое и национально-духовное крушение» [8. С. 24]. Революционеры стремились растоптать в русском народе его «национальный лик». Любовь к православию, Родине и Отечеству они подменили верностью политическому режиму и вождям.

Мыслитель был убежден в необходимости возрождения подлинного русского самосознания. Русский народ, по его мнению, должен «блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не исказить своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру... по-своему: русское по-русски» [8. С. 134]. Попранное национальное самосознание требует защиты и целенаправленного возрождения. Вся система патриотического воспитания в России, указывал мыслитель, должна быть направлена на борьбу с национальным обезличиванием

подрастающего поколения. Она должна приобщать их к очагам и сокровищам национальной культуры, родному языку, православной молитве, русской песне, русской сказке, русской поэзии и т.д.

Н.А. Бердяев констатировал изначальную противоречивость и раздвоенность русского менталитета. Отсутствие целостности проявляется, по мнению мыслителя, через антиномии: с одной стороны, Россия – страна анархической свободы духа, с другой – самая бюрократическая страна в мире. С одной стороны, Россия – страна бесконечной свободы духовных исканий, страна странничества; с другой – страна неслыханного, сервиллизма, страна «стяжателей и купцов, погруженных в тяжелую плоть». Исток целого ряда подобных антиномий философ находил в не-соединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Мужественное, рациональное начало не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри. Оно зиждется извне, поэтому исторически мужественное оформляющее начало зачастую было не русским, а иностранным. Спутниками слабости и разорванности национального самосознания являются и «скрытое начало самоистребления», присущее русскому народу и его интеллигенции, нежелание нести свою историческую ношу и выполнить своё христианское призвание в роковую для родины минуту [3. С. 6–7]. Но с этими недостатками соседствуют достоинства.

Сильные стороны русского самосознания Н.А. Бердяев находил в его сверхнациональной направленности, в освободительном характере народного духа. Россия имеет великую миссию. Она призвана быть освободительницей других народов, защитницей слабых. И если европейское самосознание страдает узостью, мещанством (французский дух), замкнутостью и самовлюбленностью (дух германизма), то русскому духу свойственны бытовая свобода и христианский универсализм. Он любит, ценит и признает в мире творческие таланты всех народов, что позволяет ему соединять Восток и Запад. При этом в нём «есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [3. С. 20].

Советский период русской истории Н.А. Бердяев понимал как один из модусов существования «России вечной». Он чутко относился к осмыслению тех черт менталитета русского народа, которые сохраняли исконные духовные ценности его духа. К ним он относил возрождение гуманистических идеалов в творчестве советских писателей и неискоренимую тягу русского человека к универсальному гению А.С. Пушкина. Эти черты он трактовал как инобытие глубинных русских начал, как возрождение неискоренимых традиций человечности, свойственных русскому национальному самосознанию. Историческую задачу русского народа философ видел в творческом саморазвитии, в просветлении национального сознания, в обретении собственной воли, энергии, «положительной силы и мощи, чтобы осуществить свою миссию в мире» [3. С. 77].

Итак, отечественные мыслители понимали исторический процесс как достижение соборного единства человечества, призванного стать конкретным историческим единством народов, сохраняющих свои индивидуальные

духовные и культурные особенности. Национальность они трактовали как неотъемлемую часть человечества, как активного исторического субъекта, имеющего и феноменальное, и ноуменальное значение (нация как «умная сущность» со своей сакральной тайной исторической судьбы). Глубинное существо национального менталитета связывалось ими с творческой энергией, направленной на полноту творческого самовыражения. Менталитет трактовался как комплекс представлений национальности о самой себе, как форма её духовного самовыражения в культуре, религии, духовных ценностях, государственной жизни, в установках по отношению к другим национальностям.

Особенности русского национального самосознания философы связывали с идеалами универсализма, патриотизма, взаимопомощи и служения. Его сильные стороны они объясняли духовной открытостью, сердечностью, софийностью, бескорыстием, жертвенностью, освободительной направленностью духа, стремлением к солидарному единству всех народов. Его слабые стороны связывались с незрелостью, раздвоенностью, женственностью, склонностью к подражательности, пассивной мечтательности и даже к скрытому «началу самоистребления».

Угрозы русскому национальному самосознанию мыслители видели не в национализме, а в легкости расставания с коренными традициями, приводящими к гибели главных смыслов бытия нации. Причину слабости русской идентификации они находили в незрелости и подражательности определенного слоя русской интеллигенции, навязывающей народу утопические идеи.

Исторические задачи русского самосознания философы видели в преодолении космополитической безнародности, возрождении своих традиционных ценностей через систему патриотического воспитания и приобщения к идеалам национальной культуры. Эту задачу они объясняли как задачу всемирную и софийную. Миссия России трактовалась как объединяющая и духовно просветляющая, требующая воли, силы и энергии. Теоретические установки русских философов могут быть использованы как инструмент критики национализма, безнародности, а также современных процессов глобализации, легитимирующих насильственное вмешательство наиболее сильных членов мирового сообщества в жизнь народов, не подходящих под предлагаемые им стандарты глобальной цивилизации.

Литература

1. Соловьев В.С. Русская идея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 26.06.2020).
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 333 с.
4. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Издательство «Правда», 1989. Т. I. С. 59–167.
5. Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма I // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. II. Кн. I. С. 366–369.
6. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.

7. Булгаков С.Н. Расизм и христианство [Электронный ресурс]. URL: /http://www.vehi.net/bulgakov/rasizm/rasizm.html (дата обращения: 15.05.2020).
8. Ильин И.А. О Русской Идее [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/ilin5.htm (дата обращения: 26.06.2020).

DOMESTIC PHILOSOPHICAL THOUGHT ABOUT NATIONAL MENTALITY

Е.М. Amelina¹, О.Ю. Roldugin²

*¹ State University of Management
99 Ryazanskiy Prospect, Moscow, 109542, Russian Federation*
*² Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
Moscow State University of Geodesy and Cartography
4 Gorokhovskiy Lane, Moscow, 105064, Russian Federation*

Abstract. The article examines the views of the classics of Russian philosophical thought (V.S. Solovyev, S.N. Bulgakov, I.A. Ilyin and N.A. Berdyaev) on the essence of the national mentality. The interpretation of nationalism and cosmopolitanism given by thinkers is revealed. Their understanding of the essence of the Russian national mentality, its advantages and disadvantages is considered in detail.

Keywords: mentality, self-awareness, nationalism, cosmopolitanism, sophicity.

МЕНТАЛЬНОСТЬ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.А. Яковлев¹

*Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, ГСП-1. Москва, Ленинские горы*

Аннотация. Метафизический кризис ментальности эпохи постмодернизма связан, прежде всего, с бурным развитием тесно взаимосвязанных конвертируемых технологий. В своей совокупности они нередко представляются как техно- или дигитальная наука. Эти технологии тают опасности, связанные с полным изменением ментальности человека, вплоть до появления так называемого «постчеловека».

Ключевые слова: ментальность, творчество, информация, наука, конвертируемые технологии, глобальные проблемы, искусственный интеллект.

Концептуальная диспозиция ментальности

Известный французский этнограф и социантрополог Л. Леви-Брюль в 1922 г. выпустил книгу «Первобытный менталитет» (*La mentalité primitive*). Автор исследовал формы и механизмы функционирования культуры первобытных обществ с точки зрения их дологических и эмоциональных диспозиций. В настоящее время понятие *mentalete* (ментальность) вошло в корпус понятий в исследованиях по социофилософской проблематике и нередко используется в качестве эквивалента таких метафизических пропозиций, как «дух (душа) народа», «национальный характер», «стиль (образ, тип) мышления» и т.п. В содержательном плане ментальность, прежде всего, определяется социокультурной средой («Бытие определяет сознание»), где немалую роль играют особенности коммуникативно-языковых конструкций, а также географическими факторами (климат, ландшафт), о влиянии которых на целостный образ жизни писал ещё в XVIII в. французский просветитель Ш. Монтескье. Следует подчеркнуть, что наряду с фундаментальными структурами деятельности сознания в ментальности находят выражение и глубинные характеристики бессознательных процессов («Оно (Id) З. Фрейда, «коллективное бессознательное» К. Юнга). Ментальность является одним из важнейших духовных факторов, обеспечивающих единство и преемственность поколений в историческом развитии фундаментальных структур общества и культуры.

На наш взгляд, можно выделить национально-этнические и общецивилизационные типы ментальности. На уровне национально-этнического типа,

¹ E-mail: goroda460@yandex.ru

в свою очередь, выделяют сложившуюся исторически наиболее важную и укоренившуюся его характеристику. Так, говорят о «широте русской души», «немецкой пунктуальности», «английской чопорности», «американской предприимчивости», «китайской церемониальности» и т.п.

Однако заметим, что по мере бурного развития и глобализации так называемых конвертируемых технологий – био-нано-космо-инфо (BNCI) – эти стереотипы («бытовые ярлыки») постепенно стираются и становятся лишь компонентами общецивилизационного типа ментальности. На первое место выходит человек, рассматриваемый как метафизический субъект познания и деятельности перед лицом глобальных проблем современности. Имеет смысл, на наш взгляд, рассматривать информационные технологии как основу (фундамент) всех остальных современных технологий. Информационные технологии лежат в основе всех остальных традиционно значимых проблем, в том числе и когнитивных (ментальных).

Всесторонний научный и общественный интерес к глобалистике проявился после получивших мировую известность докладов так называемого Римского клуба – «Пределы роста» (1972), «Человечество на перепутье» (1974), «Пересмотр международного порядка» (1974), «За пределами века расточительства» (1976) и др. Данная неправительственная международная организация была создана в 1968 г. Она объединила известных крупных ученых как естественного, так и гуманитарного направлений (А. Печчеи, А. Кинг, Д. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель, Я. Тинберген, Э. Ласло и др.).

Главной целью Римского клуба стали всестороннее исследование глобальных проблем, предупреждение человечества об опасности их кризисного развития и поиски возможных путей их преодоления. Разрабатывались компьютерные модели обозримого будущего, которые свидетельствовали о катастрофических последствиях развития общества массового потребления уже в начале третьего тысячелетия. Загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, рост народонаселения, по оценкам экспертов, могут достигнуть критического предела, после которого неизбежны мировые катастрофы. Один из последних докладов Римского клуба (2016 г.) – «Процветание по-новому: Управление экономическим ростом для сокращения безработицы, неравенства и изменений климата» – также акцентирует внимание на проблемах загрязнения окружающей среды.

Формированию общецивилизационного менталитета способствуют различного рода международные организации и движения, среди которых выделяется Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Этот форум, организованный в 2002 г. по инициативе ряда стран, в том числе и общественных деятелей России, призван сплотить и объединить усилия учёных, философов, деятелей культуры и различных религий в их стремлении не допустить глобальной катастрофы человеческой цивилизации.

Метафизические характеристики ментальности

Несмотря на многообразие национально-этнических типов ментальности, её метафизическим (сущностным) атрибутом является *креативность*.

Креативность *Homo sapiens*, в свою очередь, обусловлена творческим потенциалом всего Мироздания. Креативность в метафизическом плане выступает как спонтанное неограниченное трансцендирование потенций и перманентное расширение поля возможностей универсума. Известный философ науки К. Поппер в своих поздних работах неоднократно говорит о творческом потенциале Вселенной, реализация которого во времени и сделала возможным появление таких очевидных проявлений человеческого творчества, как наука, поэзия, музыка, живопись и др. Однако впервые о неразрывной связи космического и человеческого творчества задумался Платон.

Определения творчества встречаются неоднократно в диалогах Платона. Как правило, он не анализирует понятие творчества специально, а вводит его в связи с изложением своих представлений о творении мироздания и человека, сущности человеческой деятельности, специфики искусства. Важно подчеркнуть, что, по Платону, творчество в принципе носит *универсальный* характер, проявляясь всякий раз, когда любое *нечто* обретает свое *бытие*. Так, Сократ в диалоге «Пир» соглашается с определением творчества как *всякого* перехода из небытия в бытие, подчёркивая, что создание *любых* произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а *всех* создателей – их творцами. В том же диалоге философ пытается разработать концептуальную модель процесса ментальной коммуникативной практики.

Проблемы космогенеза и происхождения человека наиболее полно и систематически рассматриваются Платоном в «Тимее», произведении, известном в Европе с эпохи Средневековья. Трансцендентальные сущности космогенеза – парадигма, демиург, хора – образуют базовую структуру процесса эманации трансцендентного единого, продукт его самотворчества. Каждый из элементов этой структуры играет свою роль в дальнейшем развитии творческого процесса. Так, демиург представляет наиболее активное, деятельностное начало, целью которого является достижение абсолютного блага. Парадигма выступает как образцовая исходная идеальная модель для последующего формирования демиургом мира идей и мира физических вещей. Согласно Платону, «...если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным» [1. С. 432].

Смысл творчества всегда, по Платону, заключается в постоянном *совершенствовании* всего мироздания. Категория «благо» приобретает скорее метафизическую, чем аксиологическую нагруженность, поскольку является исходной причиной и целью творчества. Демиург Бог-ремесленник, творит по плану-парадигме, и свидетельством его благого творчества выступает совершеннейший космос. Человек, с такой точки зрения, тоже может быть реальным творцом, если благи его помыслы (ментальность) и цели, к которым он стремится, благи мотивы и средства достижения целей.

Платон формулирует идею *восхождения человека к своей гуманистичной творческой сущности*. Главным, можно сказать, метафизическим мотивом творческой деятельности является извечное стремление человека к бессмертию и вместе с тем понимание ограниченности своей земной жизни.

На основе этого принципа Платон конструирует первую классификацию видов творчества: физическое, художественное, техническое, научное, общественно-политическое. Плодотворность каждого вида творчества характеризуется рождением «детей» как в обычном смысле этого слова по отношению к физическому творчеству, так и в метафорическом – по отношению к другим видам творчества.

Однако, на наш взгляд, ментальность самого Платона, глубоко верующего гражданина рабовладельческих Афин, определила создание им первой модели тоталитарного государства (так называемая коммунистическая утопия), где для атеистов были предусмотрены концентрационные лагеря и вводилась жёсткая цензура на различные виды искусства.

В эпоху Возрождения понятие творчества, так же как и у Платона, связывали с понятием гуманности. Суть последнего – человечность, человеколюбие – состоит в обращении к человеку как венцу мироздания, уступающему в своём совершенстве (креативности) лишь самому Богу («образ и подобие божие») и бесплотным божественным духам. Добродетели человека – благородство, достоинство, великодушие, доблесть – определяются метафизическими принципами божественного мироздания. Эти ценности гуманистической ментальности утверждаются в таких великих произведениях того времени, как «Речи о достоинстве человека» (Пико дела Мирандола), «О наслаждении» (Лоренцо Вала), «О достоинстве и превосходстве человека» (Джанотто Манетти).

Ментальность постмодернизма

В настоящее время общепризнано, что креативные процессы могут быть как созидательными, так и разрушительными [3]. Более того, нередко само созидание становится возможным только через предварительное разрушение, или, говоря языком И. Пригожина, «порядок возможен через хаос». Современная наука все больше раскрывает определенную направленность всех природных процессов, что может быть понято как изначальность существования творческого потенциала универсума. В науку как бы возвращается на новом уровне телеологическая причина (энтелехия) Аристотеля. Например, говорят о глубокой целесообразности физических законов, антропном принципе Вселенной, телеономии эволюционных процессов, смысле исторического развития и предназначении человека. Современные космологи пришли к выводу о «тонкой настройке», «подогнанности» физических констант, детерминирующих облик нашей Вселенной («антропный принцип») и «удивительной целесообразности, гармонии физических законов» (И.Л. Розенталь, Ю.В. Линник). Однако со времён Г. Спенсера – первого, можно сказать, глобального эволюциониста – никто не отрицает возможность и деструктивных, с точки зрения человека, космических процессов (современные теории коллапса Вселенной). На наш взгляд, общую креативную функцию всех процессов мироздания в целом можно осмыслить как реализацию генетического кода нашей Вселенной, или в качестве информационной матрицы космогенеза.

Такая метафизическая разнонаправленность (дуальность, бинарность) природных процессов в их бесконечном становлении и финитности, казалось бы, должна примирять человека с неизбежным и обращать его ментальность, как Б. Паскаля, к трансцендентному Богу. Но современный массовый человек, о чём свидетельствуют многочисленные социологические исследования, уже прошёл, следуя закону трёх стадий О. Конта, религиозную стадию своего развития и всё чаще обращается к науке, а точнее, к её прикладным технологиям, в надежде продлить срок своего земного существования. Некоторые философы вообще считают, современная наука всё более алгоритмизируется, а творческая ментальность проявляется, и то не всегда, лишь в искусстве. Философ В.А. Кутырев пишет: «...если научное отношение к миру перерастает в техническое и технологическое довольно плавно... то художественное оказывает сопротивление... На протяжении веков творчество отождествлялось с искусством, поэзией, вдохновением... Или вдохновение, творчество, или расчет, алгоритмы...» [4. С. 78]. Стремительное наращивание рационально-материальной составляющей творческих проектов в ущерб вдохновению, интуиции, чувству приводит к тому, что «не искусство, а искусственное – продукт современного творчества» [Там же. С. 80].

Другие философы считают, что классической гуманистической ментальности в настоящее время всё больше противостоит ментальность разрушения и человеконенавистничества. Так, по мнению философа Ф.А. Селиванова, наряду со сферой разумной гуманистической ментальности следует выделить сферу глупости, безумия, зла, которую он предлагает назвать «атасферой» – по имени Аты, дочери Зевса, считавшейся богиней безумия и заблуждения, богиней, приносящей людям многочисленные беды. Философ пишет: «На планете живут не только разум, истина, добро, красота, но их антиподы: глупость, ложь и заблуждения, зло (и его крайняя форма – злодейство, бозобразное, безумное» [5. С. 87].

На наш взгляд, метафизический кризис ментальности эпохи постмодернизма связан, прежде всего, с бурным развитием уже обозначенных выше так называемых тесно взаимосвязанных конвертируемых технологий. Эти технологии в своей совокупности нередко представляются как техно- или дигитальная наука. Прикладные технологии таят опасности, связанные с полным изменением ментальности человека, вплоть до появления так называемого «постчеловека» [6–8]. Наука фундаментальная и наука прикладная (технонаука) могут быть ценностно ориентированы на познание мира с целью приспособления человека к его гармонии (античная наука) или с целью овладения этим миром, контроля над ним (а сейчас и над самим человеком), его преобразования в своих интересах (нововременная наука). Наиболее важные успехи в познании были достигнуты на пути следования лозунгу Ф. Бэкона «Знание – сила». На наш взгляд, вместе с осознанием на уровне научного сообщества принципиальной амбивалентности в использовании любого знания – как во благо, так и во зло – должно прийти и понимание необходимости установления нравственных нормативов научных исследований – новой ментальности учёных.

Новейшие открытия в физике, космологии и особенно в биологии не только существенным образом изменяют мировоззренческие представления, но и затрагивают глубинные, экзистенциальные характеристики самого человека, радикально трансформируют его ментальность. Современные технологии, разработанные на базе фундаментальной науки, фокусируются уже на проблеме элиминации «зародыша смерти», который несет в себе, по словам Г.В.Ф. Гегеля, всякая жизнь.

Анализируя этот процесс, В.В. Миронов и З.А. Сокулер приходят к выводу, что благодаря прогрессу в сфере генных и информационных технологий ментальность этого «постчеловека» будет направлена на освобождение себя от любых ограничений, связанных с телесной природой. Он будет стремиться не только избавиться себя от любых физических страданий, но и сделать себя бессмертным (так называемый креативный «трансгуманизм»). Авторы пишут: «Пещера Платона из образа стала реальностью, причем из виртуального мира вырваться гораздо труднее, чем из описываемой им пещеры» [9. С. 21].

Современная технократически ориентированная культура и технонаука ведут к деградация окружающей среды, и в конечном счёте всё явственнее прослеживается тенденция к деградации самого человека – фрагментации его ментальности («клиповое сознание»).

Можно, конечно, продолжать утверждать, что ответственность за это несет не научное сообщество, а разного рода «нехорошие» политики и государственные деятели. Но как быть тогда с тем фактом, что большинство современных «учёных мужей» работает в прикладной, «ведомственной» науке. В свою очередь, большинство из этого большинства по сей день сознательно и с большим успехом трудится над созданием всё более совершенных (читай: «всё более разрушительных») средств военной техники. Постмодернистская ментальность также тесно связана с глобальными проблемами современной цивилизации. В теории цивилизационной глобалистики выделяются три группы проблем. Это – проблемы войны как способа решения межгосударственных конфликтов; экологические проблемы, связанные с ресурсами и загрязнением среды; демографические проблемы. Наиболее остро, по мнению многих экспертов, выступает экологическая проблема, которая, как и другие глобальные проблемы современности, связана с развитием науки, и прежде всего технонауки.

Гуманистический принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера трансформируется в установку на абсолютную самоценность жизни отдельного субъекта. Для её реализации могут быть использованы самые различные средства. Наука всерьез ставит под вопрос пункт о мимолетности человеческой жизни. В метафизическом плане это означает переход к качественно иному пониманию экзистенциальной свободы – из узких рамок, установленных Богом или Природой, естественного цикла жизни человека, в постоянно расширяющееся поле определяемых и формируемых наукой условий, то есть жизни как артефакта. Технологически это становится все более и более реальным. Однако насколько данный переход может быть оправдан этически, остается под вопросом. Ведь проблема равенства и неравенства людей, еще

не решенная в социокультурном плане, приобретает глобальный характер, а методы ее решения (политические, юридические, военные, когнитивные) становятся ценностно значимыми.

Социальное неравенство людей, их порой принципиально разные ценностные ориентиры исторически как бы уравнивались «справедливостью природы (Бога)», установившей границы «бренного бытия». При современных научных технологиях эта «справедливость» серьёзно испытывается на физическую и моральную прочность. Естественная биологическая жизнь, по сути, превращается в артефакт. Перефразируя в метафизическом аспекте известное «Быть или не быть», можно сказать, что качественно изменяется понимание ценности свободы человека от смерти в зависимости от его информированности и состоятельности. Научно-технические технологии кардинально изменяют цикл естественного существования человека, а следовательно, ценностные экзистенциалы его существования и его ментальности. Существуют ли этические границы для «технологического» преобразования человека (крайний случай – его клонирование)? Эта проблема и многие другие связанные с ней подпроблемы в настоящее время остро обсуждаются на уровне научных дискуссий, социальных сетей, парламентов и правительств. При этом морально-этический, ценностный аспект деятельности учёных в глобальном масштабе играет всё большую роль в решении гуманистически значимых проблем мирового сообщества. Конвергентные технологии, непосредственно выражают современное содержание концепции ноосферы, которую академик В.И. Вернадский разработал в первой половине XX в. Эта концепция существенно повлияла и продолжает влиять на цивилизационный менталитет современного социума. Именно через них может быть в дальнейшем осуществлена гармонизация отношений общества и природы.

Как известно, Вернадский ещё в 1920-е гг. в Париже, где читал лекции, познакомился с Э. Леруа и П.Т. де Шарденом и их идеями о ноосфере. Последующее развитие этих идей было реализовано Вернадским в работе «Научная мысль как планетарное явление». По Вернадскому, ноосфера – это высшая стадия развития биосферы, на которой человечество научно организует свою деятельность с целью гармонизации отношений между обществом и природой. Космизм философии Вернадского проявляется в его взглядах на биосферу как связующее звено между Землёй и Вселенной. Учёный писал: «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу» [12. С. 288].

Посредством биосферы происходит энергетический, вещественный и информационный обмен между Землей и космосом. Следовательно, утверждает Вернадский, «...жизнь не есть простое, исключительно земное явление, но... должна рассматриваться как космическое явление в истории нашей планеты» [Там же. С. 294]. Новая наука – биогеохимия, основателем которой стал Вернадский, должна изучать эти сложные процессы взаимодействия земных и космических явлений.

В.И. Вернадский пришёл к важному мировоззренческому выводу: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера» [Там же. С. 309]. Человечество с помощью науки должно рационально организовать свою деятельность с целью гармонизации отношений между обществом и природой. В конце своей жизни учёный писал, что человечество постепенно входит в ноосферу. Однако те необходимые условия, которые сформулировал В.И. Вернадский, для реализации этого процесса не только не выполнены до сих пор, но и представляются, как это ни печально, всё более утопичными. Напомним основные из этих условий:

1. Охват человечества научной концепцией мира.
2. Равенство всех людей, всех рас и религий.
3. Свобода научных исследований от религиозных и политических факторов (создание в обществе условий для свободной научной мысли).
4. Ликвидация пандемий, бедности и нищеты.
5. Исключение из жизни общества войн.

Если раньше учёные говорили лишь о побочных негативных эффектах на пути прогресса науки и общества, эффектах, которые предполагалось устранить опять-таки с помощью науки, то теперь такого рода аргументация встречает все более серьезные возражения – слишком велики стали эти эффекты. Рациональность внутри науки оборачивается глобальными иррациональными последствиями в других сферах общества, а также в ментальности современного человека [13]. Необходимо подчеркнуть, что концепцию ноосферы В.И. Вернадского развивал и известный академик (математик, синергетик) Н.Н. Моисеев. Учёный ввёл понятие коэволюции, содержание которого выражало необходимость стратегии сбалансированности развития земной цивилизации с фундаментальными законами эволюции биосферы. Н.Н. Моисеев предупреждал, что если сохранится прежняя стратегия неограниченного техногенного развития и ментальность потребительства, то уже в 2000 г. цивилизация достигнет так называемой точки невозврата (бифуркации) и разбалансировка биосферы станет необратимой [14; 15].

Ментальность современного человека определяется структурой технонауки, базирующейся на конвергентных технологиях. На наш взгляд, технонаука, наряду с усовершенствованием человеческой жизни и новыми экологическими перспективами, таит и реальные опасности иррационального экспериментирования над человеком и природой (клонирование, редактирование генов, чтение мозга и др.). Особо следует отметить, что в пуле дисциплин технонауки всё большее влияние на эволюцию ментальности социума оказывают работы по созданию искусственного интеллекта. Известный физик Ст. Хокинг предрекал, что в течение ближайших десятилетий будет создан искусственный разум, превосходящий по всем параметрам человеческий интеллект, а космолог и астрофизик Макс Тегмарк стал одним из основателей лидеров движения «За дружественный AI» (искусственный интеллект). Девиз

движения – «Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта». Основной опасностью от технологий AI принято считать последствия создания так называемого сильного искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, AGI). Теория резкого, лавинообразного ускорения научно-технического прогресса после появления AGI, имеющего лучшие способности к самосовершенствованию, чем возможности дальнейшего усовершенствования AI коллективом инженеров и разработчиков, его создавшим, получило название «технологическая сингулярность» [16].

Тегмарк склоняется к точке зрения, что уже в обозримом будущем разумными могут быть не только люди, но и машины. А если машины по своим когнитивным способностям станут превосходить человека, то что может помешать сверхразумному AI элиминировать своего создателя – сюжет, уже неоднократно обыгранный в литературе и кинофильмах. Можно сказать, что в таком случае «Белокурая бестия» Ф. Ницше обретёт своё реальное существование. Человеческая ментальность попадает в новую стрессовую ситуацию, так как по такой логике развития событий людям придётся довольствоваться, в лучшем случае, вспомогательной ролью в развитии теперь уже машинно-человеческой цивилизации. Если это случится, то действительно произойдёт кардинальная переоценка всех ценностей в формате новой коммуникативно-информационной парадигмы, а также будет кардинально переосмыслено само понятие человеческой ментальности, связанной физиологически прежде всего с деятельностью мозга. Не случайно ещё в 2013 г. Евросоюз выделил 1 млрд евро на программу изучения человеческого мозга “The Human Brain Project”. Проект реализуется в Швейцарии под руководством известного нейробиолога Генри Макрам и объединяет специалистов из 26 стран. Конечной целью этих исследований является «чтение мозга», а в перспективе и «чтение мыслей».

Тегмарк видит выход в строжайшем контроле за работами по созданию самих возможностей самосовершенствования AGI, а также создания тщательно разработанных систем безопасности и управляемости. Но абсолютную гарантию, как представляется, ни одна из этих мер дать не может. Кто и как может контролировать «Сверхразум», остаётся непонятным. В идеале должна сформироваться новая общецивилизационная ментальность (консенсус менталитетов, новый категорический императив). Одно несомненно – «Сверхразум» должен создаваться не в партикулярных интересах одного или группы государств, а только во благо всего человечества.

Литература

1. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
2. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона // Вопросы философии. М., 2003. № 6. С. 142–154.
3. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44–54.
4. Кутырев В.А. Осторожно, творчество! // Вопросы философии. 1994. № 7–8.
5. Селиванов Ф.А. Сфера глупости (атасфера) // Сагатовский В.Н., Селиванов Ф.А. Бытие и мы. Тюмень: Вектор Бук, 2011.

6. *Bostrom N.* Are you living in a computer simulation? // *Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. № 211. P. 243-255.
7. *Chalmers D.J.* The Matrix as metaphysics. 2003 / Philosophy Section of thematrix.com. URL: <http://consc.net/papers/matrix.html> (accessed: 15.01.2021).
8. *Philosophers explore the Matrix* / Ed. by Ch. Grau. Oxford, 2005.
9. *Мионов В.В., Сокулер З. А.* Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 2018. № 1. С. 3–22.
10. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Парадигма сложности и социо-гуманитарные проекции конвергентных технологий // *Вопросы философии*. М., 2016. № 1. С. 59–70.
11. *Самохвалова В.И.* Творчество: божественный дар, космический принцип, родовая идентичность человека. М.: РУДН, 2007. 537 с.
12. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // *Русский космизм: антология философской мысли* / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368с.
13. *Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н.* Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016. 206 с.
14. *Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М.* Человек и биосфера: опыт систем. анализа и эксперименты с моделями / Н.Н. Моисеев, В.В. Александров, А.М. Тарко. М.: Наука, 1985. 271 с.
15. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1990. 232 с.
16. *Тегмарк М.* Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / пер. с англ. Д. Баюка. М.: АСТ, CORPUS, 2019. 560 с.

MENTALITY OF TECHNOCRATIC CULTURE

V.A. Iakovlev

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The metaphysical crisis of postmodern mentality is primarily associated with the rapid development of so-called closely interconnected convertible technologies, which in their totality are often presented as techno-or digital science. These technologies are fraught with dangers associated with a complete change in the human mentality, up to the appearance of the so-called “posthuman”.

Keywords: mentality, creativity, information, science, convertible technologies, global problems, artificial intelligence.

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-119-139

ФИЗИКА И РОССИЯ

А.Ю. Грязнов

*Физический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы*

Аннотация. Дан очерк развития физики в России с акцентом на отечественную специфику. Несколько иначе, по сравнению с имеющейся литературой, представлен конфликт между «академической» и «университетской» физикой в сталинские времена. Введен термин «мистический атеизм» для характеристики философской основы физики XX в. Дана краткая оценка состояния науки и образования в России после 1991 г.

Ключевые слова: история физики, Петровская Академия, классическая физика, теория относительности, квантовая механика, мистический атеизм.

Наипаче счастлив тот, кто почитает физику, которая больше всех наук служит к умножению пользы общества и к утверждению благочестия.

*Тема первого публичного диспута
в Московском университете (1756)*

Наследие Петра Великого

Член Парижской академии наук, лично знавший Фонтенеля, Лейбница, Вольфа, одинаково умело владевший топором и искусством политики, ради осуществления своих идеалов вынужденный пожертвовать родным сыном, гладко выбривший русских и обрядивший их в голландское платье, сделавший пленную прачку российской царицей, – это всё Пётр I (1672–1725). Он всеми силами стремился насадить в России просвещение не только потому, что иначе невозможно было укрепить её военную мощь, ускорить промышленное развитие, разведать природные богатства страны, но и потому, что сам с детства был обуян страстью к естественным наукам. Он

первым из русских царей, взошед на престол, совершил путешествие в Европу, где изучал науки, ремесла и устройство научных обществ, академий, университетов, примеряя иностранные образцы к российской жизни. Петр разделял убежденность Декарта и всей просвещенной Европы в том, что «философия, поскольку она простирается на всё доступное для человеческого познания, одна только отличает нас от дикарей и варваров и что каждый народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют» [1. С. 302].

России, по мысли Петра, нужны были инженеры, образованные чиновники и государственные деятели, учителя математики, физики, химии, минералогии и т. д.; наконец, нужны были ученые, которые могли бы развивать уже имеющиеся знания и преумножить их. Тогда никто не посмеет называть Россию варварской страной, чье предназначение лишь в том, чтобы служить удобением для европейских полей, на которых только и произрастают побеги цивилизации.

Однако не было времени ждать, когда появятся свои инженеры, математики, физики. Выход был один: пригласить на работу крупных иностранных специалистов и одновременно направить в европейские страны способных молодых людей учиться у тамошних инженеров и учёных.

Так в России (уже после кончины Петра) появились такие выдающиеся учёные, как Даниил Бернулли (1700–1782), Леонард Эйлер (1707–1783), затем Георг Рихман (1711–1753), Франц Эпинус (1724–1802) и др. Работая длительное время в Санкт-Петербурге, они обеспечили начальное развитие российской науки. К этому времени прошел обучение в Германии будущий первый русский академик Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765).

Если в Западной Европе университеты и академии наук возникали как неформальные научные сообщества, поначалу лишь время от времени получавшие материальную поддержку от властей, то Академия наук, созданная по указу Петра I в Петербурге, и Московский университет, основанный императрицей Елизаветой Петровной, с самого начала были государственными учреждениями. Императорская власть дала России пищу просвещения прежде, чем она почувствовала голод. И если в других странах образовательные заведения были обязаны своим возникновением частным лицам, то в России учебные учреждения были основаны по воле правительства и содержались на его средства.

Петровская Академия создавалась с размахом. Для нее сразу были предусмотрены обширный штат ученых и подручного персонала с высокими жалованиями, свои мастерские, библиотека, типография и обсерватория. Иоганн Бернулли, отправляя сыновей в Петербург, полагал, что «лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают» [2. С. 46]. Эйлер на вопрос прусского короля Фридриха II, где он достиг столь обширных познаний, ответил: «...Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии» [2. С. 47].

Пётр также возложил на Академию обязанность готовить национальные научные кадры, для этого при ней были учреждены гимназия и университет. Этого в европейских академиях не было. Однако академический университет неоднократно закрывался из-за отсутствия студентов и окончательно заках в 1766 г. Полноценный университет возник в Петербурге по указу Александра I только в 1819 г.

При Академии в 1725 г. (в это время в ней состояло 17 действительных членов) был создан великолепно оснащенный физический кабинет для экспериментальных исследований, что существенно повлияло на развитие физики и способствовало повышению авторитета России на европейском уровне. Среди иностранных ученых возникла конкуренция за доступ к столь благоприятным для них условиям.

Некоторые влиятельные петербургские академики и глава академической канцелярии И.Д. Шумахер (1690–1761) начали создавать трудности для работы и продвижения русских научных и педагогических кадров, не давали нормально работать неугодным им ученым, в том числе Бернулли и Эйлеру, которые в конце концов покинули Россию. К счастью, Эйлер (правда, после 25-летнего отсутствия) в 1766 г. навсегда вернулся в Россию. В Академии бытовало мнение о русском народе как о неспособном к творчеству – мол, «из русских ни учёных, ни художников не может быть», с которым категорически не соглашался Ломоносов. Однако в высших слоях российского общества процветало преклонение перед всем иностранным.

К счастью, среди академиков было немало истинных рыцарей науки, доставивших Петербургской Академии европейскую славу. В области физики наиболее значительных результатов достигли Эйлер, Бернулли, Рихман, Эпинус и особенно Ломоносов.

Михаилу Васильевичу были свойственны восторженно-философский взгляд на природу, единый метод ее изучения, восхищение государственными деятелями, искренне радеющими о развитии наук и образования в России, и, наоборот, ярая ненависть к тем, кто стоял на пути у дела русского просвещения. Этот *ломоносовский* стиль был характерен для многих выдающихся представителей отечественной науки.

С работами первого русского физика были хорошо знакомы Эйлер и французский философ-энциклопедист Дени Дидро (посетивший Россию по приглашению Екатерины II). Благодаря им наследие Ломоносова стало достоянием мировой науки (правда, имя Ломоносова, как правило, не упоминалось).

Эйлер развил оригинальную волновую теорию света, объяснив зависимость показателя преломления от свойств среды и предложил формулу двояковыпуклой линзы; установил закон сохранения момента количества движения; заложил основы (совместно с Бернулли) механики жидкости и газа. Рихману принадлежат важные работы по теплофизике; он дал формулу для определения температуры смеси любого числа жидкостей; экспериментально изучал явления электризации и электропроводности тел; открыл электростатическую индукцию (1748–1751). Рихман погиб от удара молнии при

исследовании с помощью изобретенной им «грозовой машины» атмосферного электричества.

Наиболее важные результаты, во многом опередившие свое время, были получены Ломоносовым. В работе «Размышление о причинах теплоты и холода» (1744), противореча господствовавшей теории теплорода, он утверждал, что теплота обусловлена вращательным («коловратным») движением мельчайших частиц тела (корпускул), что позволило сделать вывод о существовании самой низкой температуры (абсолютного нуля). Он сформулировал всеобщий закон сохранения материи и движения (1748) и экспериментально опроверг учение Р. Бойля о теплороде. Задолго до А. Лавуазье исключил из химии флогистон. Разрабатывал общую теорию электричества на основе движения эфира, обосновал образование атмосферного электричества вертикальными воздушными потоками. Метко критиковал общепринятую в то время корпускулярную теорию света. Установил, что Луна поглощает «теплотворные» лучи, содержащиеся в солнечном излучении. Наблюдая прохождение Венеры по диску Солнца, открыл у этой планеты атмосферу. Описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых. Создал массу научных приборов и инструментов.

Михаил Васильевич, осознавая невозможность преобразования университета при Петербургской академии, с воодушевлением воспринял намерение фаворита императрицы Елизаветы Петровны Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797) содействовать созданию настоящего университета в Москве, написал его проект и стал его идейным основателем. И все-таки даже мощного начального импульса, данного наукам со стороны государства, и титанических усилий «Первого нашего университета» (как назвал Ломоносова А.С. Пушкин) было недостаточно для того, чтобы гарантировать отечественной науке свободное, устойчивое и восходящее движение. Не случайно на смертном одре Ломоносов пессимистически оценивает перспективы дела «приращения наук» в России: «И теперь при конце жизни моей, должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною» [3. С. 29].

За четверть века после смерти Ломоносова не было издано ни одного учебника по физике. Физика в программы народных училищ была введена только в 1782 г., после чего были изданы учебники по некоторым областям естествознания.

Как правило, в российском государстве грядущая военная опасность или военные неудачи (например, усиление наполеоновской Франции или итоги Крымской войны) были поводом для пристального внимания властей к состоянию наук и образования. В периоды же относительного затишья случались гонения на университеты как на «рассадники безбожия и революционности».

Так, после попытки государственного переворота декабристами в Московском университете была закрыта кафедра философии. Но потребность молодежи в размышлении над мировоззренческими проблемами удовлетворял профессор физики и физической географии Михаил Григорьевич Павлов (1793–1840), автор двухтомника «Основания физики», в котором, в частности, впервые на русском языке дается развернутый ответ на вопросы

философии науки. В «Былом и думах» А.И. Герцен вспоминал: «Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: “Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?” Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступая в университет, совершенно лишена философского приготовления...» [4; 5. С. 172].

Царское правительство после Великой французской революции справедливо видело в научно-философском просвещении палку о двух концах: с одной стороны, оно было экономически и политически необходимо, а с другой – таило в себе опасность вольнодумства и политической неблагонадежности. Поэтому распространение наук в российском обществе могло осуществляться только на твердом идеологическом фундаменте. Науки, при надлежащем их понимании, ведут не к атеизму и бунтарству, а к благочестию и политической благонамеренности, а значит, благочестие, воспитанное просвещением, доставляет изучению наук общественную пользу, способствующую укреплению верноподданнических убеждений. «Только наука, ясно показывая нам один верховный закон и в тысячелетней истории огромного царства, и в одночасной жизни неприметного насекомого, и в стройном движении бесчисленных миров, и в тихом развитии человеческой мысли, вразумляет нас благоговеть достойно перед мудрым промыслом и повелевает Ньютону снимать шляпу, произнося имя Божие. Только наука, доказывая удовлетворительно святость престола и необходимость верховной власти, как души в государственном теле, внушает» гражданам «благоговение к ее постановлениям, удерживает от преступных покушений, убеждает пользоваться умеренно и терпеть безропотно. Только наука одушевляет физические узы, связывающие граждан с отечеством, как растение с почвой, и узы нравственные, связывающие их с его историей, как плод с семенем, и доставляет нам возможность служить ему с должной пользой» [5. С. 34]. Это было сказано на торжественном собрании в Московском университете по случаю его 75-летия.

Позже Советское государство на место благочестия и благонадежности поставит верность идеалам марксизма-ленинизма и преданность делу коммунистической партии, а науке предпишет, помимо развития технологий, всемерно подтверждать истинность «единственно верного» учения.

Становление физики в России

С начала XIX в. неуклонно растёт число учёных, профессионально занимающихся исследовательской работой и преподаванием физики, возрастает роль университетов. Повышаются требования к среднему и высшему образованию, в том числе и военному. В 1829 г. Россию посетил знаменитый немецкий естествоиспытатель (с 1818 г. иностранный почетный член Петербургской АН) Александр Гумбольдт. Узнав, как обучают воспитанников кадетских корпусов, он воскликнул: «Как счастлив я был бы, если бы мог знать все то, что знает русский кадет!» [3. С. 58].

В первой половине XIX столетия ученые Петербурга, работая на переднем рубеже науки, совершили ряд блестящих открытий, которые знаменуют замечательную эпоху освоения электричества и магнетизма. В 1802 г. профессор Петербургской медико-хирургической академии Василий Владимирович Петров (1761–1834) создал мощнейшую по тем временам гальваническую батарею, с помощью которой он (за 6 лет до Хэмфри Дэви) открыл электрическую дугу – «весьма яркий белого цвета свет или пламя, от которого... темный покой довольно ясно освещен быть может» [6. С. 273].

В 1828 г. Михаил Васильевич Остроградский (1801–1862) – петербургский академик с 1830 г. – доказал теорему о преобразовании объемного интеграла в поверхностный, которая позволила решить важные задачи электростатики. К такому же результату пришел и Гаусс в 1840 г. Теорема Остроградского–Гаусса вошла во все вузовские учебники.

Российский изобретатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1828 г.) Павел Львович Шиллинг (1786–1837) изобрел электрическую мину (1812) и создал первый пригодный на практике электромагнитный телеграф (1832).

Ещё более совершенный телеграф создал в 1845 г. петербургский академик Борис Семенович (Мориц Герман) Якоби (1801–1874). Эта конструкция широко использовалась в Европе в середине XIX столетия. Им же был построен первый надёжно работающий электродвигатель (1834). Якоби создал гальванопластику, занимался метеорологией и военной электротехникой.

Член Петербургской академии наук Адольф Яковлевич Купфер (1799–1865) впервые обнаружил уменьшение магнитного поля Земли с высотой и в сотрудничестве с Араго установил, что магнитные бури одновременно охватывают значительную поверхность земного шара. Он опытным путем получил формулу, выражающую зависимость коэффициента (модуля) растяжения материала от температуры.

Петербургский академик Эмилий Христианович Ленц (1804–1865) установил, что величина ЭДС, возникающая в катушке при изменении пронизывающего ее магнитного потока, пропорциональна числу витков и не зависит от диаметра витка, а также от поперечного сечения провода и его материала. Он же дал известное правило определения направления индукционного тока. Посредством тщательных измерений Ленц определил количество тепла, выделяемого электрическим током (1842). Он получил эту связь позднее Джоуля, но его результаты точнее (закон Джоуля–Ленца). Совместно с Якоби исследовал электромагниты. Якоби и Ленц работали в физическом кабинете Академии наук – одном из лучших не только в России, но и в Европе.

В области термодинамики выдающийся результат был получен петербургским академиком Германом Ивановичем Гессом (1802–1850). В 1840 г. он установил, что выделяемое (или поглощаемое) при химической реакции количество теплоты в отсутствие работы внешних сил зависит только от природы исходных веществ и продуктов реакции и не зависит от промежуточных химических превращений в системе (закон Гесса). По сути, это было

предвосхищение первого закона термодинамики применительно к химическим реакциям.

А что же Москва? До поры, до времени она была не в состоянии конкурировать с Петербургом на ниве науки, хотя и играла важную роль в культурном отношении. В университете развернулась деятельность Петра Ивановича Страхова (1757–1813), начавшего читать лекции по физике на русском языке и написавшего первый русский учебник физики. Его трудами был создан предмет гордости Московского университета – физический кабинет, значительная часть которого погибла при пожаре Москвы 1812 г.

В 1806 г. Страхов изучал особенности протекания электрического тока по проволоке, проложенной по дну Москвы-реки рядом с Крымским мостом. Он, кроме учебных, начал читать в университете общедоступные лекции по физике, которые воспринимались широкой публикой как занимательные театральные представления и охотно посещались светскими дамами, писателями и поэтами (среди них были Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, А.Е. Измаилов, брат А.С. Пушкина Василий Сергеевич). Страхов был первым русским почетным членом созданного в 1805 г. Московского общества испытателей природы.

Заслуга восстановления физического кабинета в Московском университете принадлежит ученику и преемнику Страхова на кафедре физики Ивану Алексеевичу Двигубскому (1771 или 1772–1839), о котором «Московские ведомости» писали, что «труды его могли бы принести честь иному трудолюбивому научному Обществу» [4. С. 105]. Окончив с золотой медалью медицинский факультет Московского университета (1796), он был оставлен при университете в должности смотрителя кабинета естественной истории. С 1813 по 1826 г. занимал кафедру физики, с 1818 по 1826 г. – декан физико-математического отделения, с 1826 по 1833 г. – ректор Московского университета. В 1830–1831 гг. был председателем комитета по борьбе с эпидемией холеры в Москве.

В 1802 г. Двигубский как наиболее достойный был отправлен за границу для совершенствования познаний в естественной истории, химии и «врачебном вещевословии». Его сочинения по медицине, зоологии и ботанике не остались незамеченными европейскими учеными. Вернувшись в Россию (1806), Двигубский призывает русских ученых писать научные сочинения на русском языке. «До тех пор пока Русский язык не будет в должном уважении у самих Русских, до тех пор трудно произвести что-нибудь хорошее. Когда пишут для Русских, а учат их наукам не на Русском языке, откуда можно почерпнуть знание отечественного языка и привязанность к нему? В целой Европе, может быть, одна Россия не гордится своим языком» (из письма к попечителю университета М.Н. Муравьеву).

Стремясь шире распространять научные знания в России, Иван Алексеевич в 1820 г. добился издания «Нового магазина естественной истории, физики, химии и сведений экономических». В этом журнале, в частности, впервые был напечатан перевод с латинского диссертации М.В. Ломоносова «О причине тепла и холода». Двигубский впервые осуществил попытку

полного описания российской фауны, за что получил от императора бриллиантовый перстень (1831). Опубликовал первый русский учебник по химическому производству.

В 1808 г. вышла в свет «Физика» Двигубского для гимназий, а в 1814 г. – для студентов университетов. В 1824–1825 гг. вышло третье издание «Физики». Двигубский делит физику на опытную и теоретическую. Поскольку «все положения в физике должны основываться на опытности и умозаключениях, то и *физика* разделяется на *опытную*... и *умозрительную*, которая из опытов и наблюдений выводит заключения о свойствах тел и причинах видимых в них явлений». «Физика» Двигубского послужила не одному поколению студентов вплоть до середины XIX в. Не только физику, но и зоологию, ботанику, медицину, сельское хозяйство и технологию российское общество учило по Двигубскому.

До второй половины XIX в. в Московском университете не было совершено открытий мирового значения. Но в нем проводилась большая педагогическая работа и выполнялись вполне добротные научные исследования в различных областях физики и тем самым готовилась почва для будущего взлета русской физической мысли в трудах и лекциях таких выдающихся ученых, как А.Г. Столетов, Н.А. Умов и П.Н. Лебедев.

Расцвет русской классической физики

Отмена крепостного права, процесс демократизации русского общества, принятие нового университетского устава (1863) и последующая реформа университетов создали благоприятные условия для развития физики в России. Резко возросла потребность в квалифицированных чиновниках, военных специалистах и инженерах. Увеличилось число физических кафедр, преподавателей, возросло количество высших учебных заведений, включая и университеты. Стало практиковаться командирование за границу (главным образом в Германию) молодых физиков для подготовки к профессорскому званию.

Если в дореформенной России развитие физики определялось достижениями в основном академических учёных, то начиная с 60-х гг. XIX в. всё возрастающую роль начинают играть университеты: Петербургский и особенно Московский, а позднее Казанский, Харьковский и Киевский.

В 1867 г. в Петербурге прошёл I съезд естествоиспытателей и врачей. Его организатором вместе с Д.И. Менделеевым был профессор физики Петербургского университета Федор Фомич Петрушевский (1828–1904) – ученик Ленца, первый председатель созданного в 1872 г. Русского физического общества. Его «Курс наблюдательной физики» (1867–1868) долго был основным университетским учебником.

В 1878 г. произошло объединение физического и химического обществ – возникло Русское физико-химическое общество (РФХО), прошедшее 11 съездов русских естествоиспытателей и врачей, на которых физическая секция была весьма представительной. Здесь выступали такие выдающиеся учёные, как Д.И. Менделеев, А.Г. Столетов, П.Н. Лебедев, А.С. Попов, Н.А. Умов. Их труды составили «золотой фонд» русской классической физики.

В этот период обострились отношения между университетами и Академией – в частности, Д.И. Менделеев, А.Г. Столетов, Н.А. Умов так и не получили академических титулов, несмотря на вызванный этой несправедливостью общественный резонанс. Ведущие университетские ученые вместе с академическими званиями потеряли те широкие возможности, которые предоставлялись Академией для научной деятельности.

Александр Григорьевич Столетов (1839–1896) происходил из владимирских купцов – потомков вольных новгородцев. По окончании Московского университета он был оставлен при университете по рекомендации профессора физики Николая Алексеевича Любимова – автора первой отечественной «Истории физики», раскритикованной Столетовым, в частности, за то, что она не смогла решить поставленной в предисловии задачи – «воспроизвести те умственные озарения, те великие умозаключения, которые повели к открытиям». Однако Любимов оказал существенное влияние на молодого Столетова.

Как наиболее достойный, Столетов был командирован в Германию, где слушал лекции Кирхгофа и Гельмгольца, а затем работал вместе с Вебером и Магнусом. Кирхгоф отзывался о Столетове как о лучшем своем ученике. С 1866 г. Александр Григорьевич начал преподавать в Московском университете.

В докторской диссертации он изучил намагничение железа (1872), разработал важные методы магнитных измерений. В 1888 г. Столетов установил вошедшие в учебники законы фотоэффекта (само явление открыл Г. Герц) и создал первый фотоэлемент (независимо от В. Гальвакса и А. Риги и одновременно с ними). Он приложил много сил для развития физики в России: создал первую в нашей стране физическую лабораторию, был инициатором создания Физического института при Московском университете, разработал новые учебные курсы, воспитал целую плеяду ученых, в конце XIX в. возглавлявших кафедры физики в пяти из семи университетов Российской империи, а также в Московской сельскохозяйственной академии и Московском техническом училище.

А.Г. Столетову была свойственна исключительная научная добросовестность и высокая требовательность как к себе, так и к другим. Иногда они оказывались даже чрезмерными, что вызывало порой напряжение в отношениях с Н.А. Умовым и привело к открытому конфликту с Б.Б. Голицыным.

Александр Григорьевич был ярким представителем ломоносовской научной традиции: он глубоко интересовался философскими основами науки, искал культурное единство различных ее областей, гармонично сочетал теорию с практикой.

Николай Алексеевич Умов (1846–1915) является первым классиком отечественной теоретической физики и одновременно ярким представителем русской космической философии. После окончания университета в Москве (1867) он преподавал (1871–1893) в Новороссийском университете (г. Одесса). Умов создал фундаментальное учение о движении энергии (любого вида), представив его в качестве докторской диссертации Московскому

университету (1874). Концепция Умова, кажущаяся сейчас очевидной и воплощённая в различных технических устройствах, с трудом воспринималась тогдашней научной общественностью: защита длилась 6 часов (!) и едва не кончилась провалом. Лишь через 10 лет сходные взгляды, но в более узком плане (применительно к электромагнитному полю) высказал англичанин Джон Генри Пойнтинг.

Умов был физиком очень широкого профиля. Он оставил важные работы по теории колебаний, электричеству, оптике, земному магнетизму, молекулярной физике, был автором оригинального учебного физического курса. Николай Алексеевич блестяще популяризировал сложные научные идеи. Он обращал внимание на значение естественных наук для общей культуры, на связь фундаментальных наук с техникой и производством. Умов утверждал, что самое специальное естественнонаучное исследование «помимо воли производящего его лица, неизменно послужит и миропониманию, и материальному успеху».

Петр Николаевич Лебедев (1866–1912), восприняв наследие Столетова и Умова, стал главой знаменитой школы русских физиков в Московском университете начала XX в. Школа укрепила научно-педагогический фундамент классического физического мировоззрения. Многие её питомцы развивали классическую науку в последующие десятилетия, некоторые из них были противниками теории относительности и квантовой механики, разрушавших на их глазах классическую физическую картину мира.

После двухлетнего пребывания в реальном училище Лебедев становится студентом Московского технического училища, а затем поступает в Страсбургский университет и попадает в лабораторию к известному немецкому физика А. Кундту. Из Германии Лебедев пишет: «С каждым днем я влюбляюсь в физику все более и более. Скоро, мне кажется, я утрачу образ человеческий, я уже теперь перестал понимать, как можно существовать без физики... У меня только одно горе – день мал». Кундт очень ценил своего талантливого ученика. Он даже написал о нем стихотворение:

Ideen hat Herr Lebedew
Per Tag wohl zwanzig Stuck
Und fur des Institutes Chef
Ist's wahrlich noch ein Gluck,
Dass er die Halfte schon verliert
Eh'er sie uberhaupt probiert.

Идей у господина Лебедева
Возникает по двадцать каждый день,
И для шефа института
Еще счастье,
Что он половину из них теряет,
Прежде чем вообще попробует осуществить.

Лебедев прославился экспериментальным обнаружением давления света на твердые тела (1899), количественно подтвердив электромагнитную теорию

Максвелла. Вершиной экспериментального искусства Петра Николаевича явилось обнаружение давления света на газы (1909). Нобелевский лауреат Вильгельм Вин выдвинул его на Нобелевскую премию, но Петр Николаевич скончался за полгода до ее присуждения.

В лаборатории Лебедева работало около 30 человек. Изучение широкого класса физических явлений проводилось с общих позиций физики эфира – среды, ответственной, согласно классической физике, за электромагнитные процессы, и в частности за распространение радиоволн и света.

Ярким представителем лебедевской школы был **Владимир Константинович Аркадьев** (1884–1953). Будучи студентом Московского университета, в 1907 г. под руководством Лебедева, он начал изучать электромагнитные явления в металлах. Через год после смерти своего учителя Аркадьев открыл ферромагнитный резонанс и разработал теорию этого явления. Его работы составили раздел учения о магнетизме, в котором рассматриваются процессы намагничивания в изменяющихся во времени полях.

Владимир Константинович навсегда связал свою судьбу с Московским университетом. Здесь в 1919 г. он создал лабораторию электромагнетизма имени Максвелла, которой руководил до своей кончины. Именно здесь были заложены основы знаменитой Аркадьевской школы московских магнитологов, внесших достойный вклад в развитие современных представлений о природе магнитных явлений.

Физик из Московского университета **Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева** (1884–1945) вышла замуж за Аркадьева в 1919 г. Она была ему не только женой, но и коллегой. В 1922 г., по его предложению она сконструировала оригинальный источник электромагнитных волн, так называемый «массовый излучатель», генерирующий электромагнитное излучение с длиной волны от 50 мм до 82 мкм. В результате был полностью перекрыт спектральный интервал между радиоволнами и инфракрасными лучами. Тем самым была подтверждена единая электромагнитная природа света и радиоволн.

Среди учеников Аркадьева выделяется профессор физического факультета МГУ **Н.С. Акулов** (1900–1976), крупный специалист в области ферромагнетизма. В 1928 г. он открыл закон анизотропии, позволяющий рассчитать работу намагничивания по любому направлению в ферромагнитном кристалле. В 1934 г. Н.С. Акулов экспериментально доказал существование областей спонтанного намагничивания ферромагнетиков и выявил многие другие закономерности, вскрывающие природу и особенности ферромагнетизма. Под его руководством была создана целая серия приборов, предназначенных для неразрушающих методов контроля промышленной продукции.

Друг и коллега П.Н. Лебедева **Александр Александрович Эйхенвальд** (1863–1944) получил обнадеживающее решение главной проблемы теории эфира, над которой бились физики всего мира. Увлекается ли эфир движущимися телами или нет? Известные в то время опыты (Майкельсона¹, Физо,

¹ Опыт Майкельсона оставался загадочным, хотя еще в 1903 г. в журнале *Philosophical Magazine* была опубликована обстоятельная статья В.М. Хикса [7], в которой указывалось на

астрономическая абберация) давали как будто бы противоречивые результаты. Эйхенвальд организовал в только что созданном Инженерном училище (будущем институте Путей сообщения) лучший в Москве физический кабинет и научно-исследовательскую лабораторию, где в 1901–1904 гг. провел эксперименты по электродинамике движущихся тел, придя к выводу: «То, что мы называем в настоящее время мировым эфиром и что проникает собой все материальные тела, мы должны считать неподвижным даже внутри самой материи, находящейся в движении» [8. С. 11].

В 1906 г. Эйхенвальд начал работать в Московском университете, а в 1911-м покинул университет вместе с Лебедевым, Умовым и другими профессорами в знак протеста против жестких мер по отношению к Московскому университету, предпринятых министром просвещения Л.А. Кассо. Физики лебедевского окружения составили костяк созданного после «разгрома» (выражение В.И. Вернадского) университета Московского физического общества, первым председателем которого был Лебедев. После его смерти (в 1912 г.) на этот пост избрали Эйхенвальда, а обществу дали имя Лебедева. В 1920 г. Эйхенвальд вынужденно остался за границей, где и умер во время Второй мировой войны в полной безвестности.

Борис Борисович Голицын (1862–1916), принадлежавший к старинному роду князей Голицыных, стал известным физиком, основоположником сейсмографии. Он сконструировал совершенный сейсмограф и создал первую в мире сеть сейсмографических станций (1913). Исследования в области сейсмологии создали Голицыну мировое имя.

После обучения в морской академии (1886) Голицын ощутил неодолимый интерес к физике. Он оставил флот и уехал в Германию, где окончил Страсбургский университет (1890); ему довелось учиться у таких известных физиков того времени, как Кундт и Кольрауш.

В 1892 г. Голицын представил Московскому университету в качестве диссертации «Исследования по математической физике». Опережая европейскую науку на несколько лет, он ввёл понятие «температуры теплового излучения» как меры его энергии. Но тогда такой взгляд был совершенно непривычен. Мнения университетских профессоров разделились, в числе противников Голицына оказались профессора А.Г. Столетов и А.П. Соколов. Работа не была допущена к защите. Это произвело столь тягостное впечатление на Голицына, что он переехал в Петербург на работу в Академию наук и вскоре был избран академиком. К исследованиям по молекулярной физике и теплоте он больше не вернулся.

Конфликт Голицына со Столетовым весьма поучителен. Новые идеи для признания научным сообществом требуют соответствующей соотнесенности с общепринятыми взглядами и нормами научного общения. К сожалению, Б.Б. Голицын не сумел проявить в данном отношении достаточного такта. Также в этом конфликте проявилось противостояние между академической и университетской наукой.

недостаточность общепринятой теории этого опыта. Хикс считал, что правильная интерпретация опыта Майкельсона позволяет сделать вывод об экспериментальном обнаружении эфирного ветра.

Возникновение высших учебных заведений в царской России

Университеты

Москва	1765
Дерпт (Юрьев) (ныне Тарту)	1802
Казань	1804
Харьков	1805
Петербург	1819
Киев	1834
Одесса (Новороссийский университет)	1865
Варшава	1869
Томск	1880

Другие вузы

Военно-медицинская Академия	1798
Институт Корпуса инженеров путей сообщения	1809
Военно-морская Академия	1827
Московское высшее техническое училище	1830
Московская сельскохозяйственная академия	1865

Перелом 1917 г.

В феврале 1917 г. в результате масштабного заговора против Николая II перестала существовать царская Россия. Ленин, писавший из Швейцарии, что Февральскую революцию нам устроили англичане и французы, вернулся в Россию в plombированном вагоне через территорию враждебного государства в апреле и провозгласил курс на свержение марионеточного Временного правительства, все члены которого были масонами и которое сразу же признали ведущие мировые державы. Почему его тут же не арестовали и не предали суду по законам военного времени? Потому что перед людьми, захватившими власть в стране, не стояла задача победить в войне. Наоборот, они развалили армию (Приказ № 1, Декларация прав солдата, июньское наступление Керенского) и экономику, провозгласив курс на созыв Учредительного собрания. Ленин знал, что делал. Знал, что ему последовательно передадут власть как нелегитимному правителю, с которым союзникам по Антанте можно не считаться, после чего Россия будет просто вычеркнута из числа победителей в мировой войне.

Ошибка многих диссидентских и перестроечных писателей состояла в том, что они считали главной трагедией России Октябрь 1917-го. Между тем российский суверенитет рухнул в феврале. Все силы, стремящиеся вернуть России ее независимость либо на пути восстановления монархии, либо на пути построения буржуазно-демократической республики, были обречены, так как обращались за помощью к иностранным державам, которые как раз и не были заинтересованы в этом. И только большевики могли вернуть суверенитет стране на новой идейно-политической основе, но это было невозможно без колоссальных жертв и жесткой диктатуры. Но большевики были разные. Троцкисты не собирались отстраивать страну, считая, что только мировая

революция поможет сбросить узы капитализма. А сталинисты собирались строить социализм в отдельно взятой стране, что радикально противоречило ортодоксальному марксизму.

Глубокая и быстрая ломка всего общественного уклада не могла не породить социальное напряжение, на долгие годы деформировавшее условия нормальной жизни. Велики были перемены и в науке. После революций 17-го г. Россия потеряла за счёт репрессий и эмиграции значительную часть своего «культурного слоя».

Однако большевики были захвачены идеей построения мощного промышленно-развитого государства и относились к развитию науки и техники с большим энтузиазмом. Доступ к образованию и культуре чрезвычайно расширился, инженерами и учеными наряду с интеллигенцией становились выходцы из рабочих и крестьян. Советское государство с самого начала оказывало образованию и науке небывалую поддержку: ни одно правительство мира никогда ранее не делало ничего подобного. Благодаря этому советская наука приобрела колоссальный размах. Многие отечественные ученые (в том числе физики) внесли выдающийся вклад в мировую науку. К 1960-м гг. в ряде научных областей русский язык стал играть более важную роль, чем немецкий или французский, чего ранее никогда не было (хотя Гаусс учил русский, чтобы в подлиннике читать Лобачевского).

Правда, в первые годы Советской власти ведущие ученые относились к ней без особой симпатии, и большевики опасались их отрицательного влияния на советскую молодежь. Но как сразу заменить старую интеллигенцию новой? Невозможно же в одночасье превратить рабочего-коммуниста в физика с мировым именем! Поэтому Советское правительство решило сделать университеты в основном орудием массового образования, а собственно науку сконцентрировать в отдельных институтах. Так возникли знаменитые НИИ – научно-исследовательские институты. В Советском Союзе статус отраслевой, а затем и академической науки по сравнению с университетской заметно возрос.

Однако в жестком государственном контроле были не только плюсы, но и минусы. Так, необычайно большая роль централизации науки, искоренение всякой частной инициативы в организации научных исследований способствовали бюрократизации всех научных учреждений, их оторванности от производства товаров широкого потребления, несмотря на постоянную нацеленность большевистского государства на смычку науки с народным хозяйством. Зато с военной промышленностью советская наука была связана теснейшим образом. «Советская техническая физика, обязанная своим появлением В.И. Ленину, – писал президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, – с честью выдержала суровые испытания войны. Следы этой физики всюду: на самолете, танке, на подводной лодке и линкоре, в артиллерии, в руках нашего радиста, дальномерщика, в ухищрениях маскировки». Без своих собственных физиков Советский Союз никогда бы не создал ядерного оружия, атомных электростанций, комических кораблей.

Самая трагичная страница в истории советской науки связана с политическими репрессиями против ученых. Досталось и физикам. Были

репрессированы с различными последствиями физики, имевшие контакты с представителями капиталистических держав, такие, как В.Р. Бурсиан, В.К. Фредерикс, Ю.А. Крутков, В.А. Фок, П.И. Лукирский, Л.Д. Ландау, М.П. Бронштейн, Б.М. Гессен, Ю.Б. Румер, Д.Д. Иваненко и др. Дмитрий Дмитриевич Иваненко вспоминал: «Это проклятое убийство Кирова в 1934 г. Начались аресты, и огромное количество, более 40 тысяч людей из Ленинграда выслали, в том числе много интеллигенции, ряд сотрудников ЛФТИ, и меня в том числе. Этап был страшным, по ночам на остановках из вагонов выносили трупы. В лагере было много политических, эсеров, меньшевиков, анархистов» [9. С. 81].

В 1938 г. будущий нобелевский лауреат П.Л. Капица вызволял из тюрьмы другого будущего нобелевского лауреата, а в то время «немецкого шпиона» Л.Д. Ландау, которому «повезло» – он просидел всего год. Академик И.Е. Тамм пытался защитить арестованного директора НИИ физики при МГУ Бориса Михайловича Гессена (1893–1936), не вышло – Гессена расстреляли. Академик А.Ф. Иоффе хлопотал об освобождении из тюрьмы талантливого физика-теоретика Матвея Петровича Бронштейна (1906–1938), расстрелянного как «члена фашистско-террористической организации» (в 1957 г. приговор был отменен)².

Фактически был разгромлен один из ведущих физических центров страны – Украинский физико-технический институт (г. Харьков). Трех его сотрудников расстреляли, в их числе был выдающийся физик-экспериментатор Лев Васильевич Шубников (1901–1937); приглашенных иностранных специалистов выслали за границу; несколько человек арестовали, но позже отпустили.

Один из создателей водородной бомбы А.Д. Сахаров благополучию академика предпочел ссылку и поругание на долгие годы. К концу 1970-х гг. советская физика стала отставать от мировой науки. После распада СССР многие специалисты уехали из страны.

Причину репрессий нельзя усматривать только в «тупости и жестокости» власти. Сегодня многим трудно понять, что совсем избежать их было невозможно. Политик, решая судьбоносные для своей страны задачи, часто выбирает не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим. Органы государственной безопасности всегда и везде действуют вопреки презумпции невиновности. Иначе не спастись от заговоров, которые, как правило, поддерживаются иностранными державами. Даже английские монархи действовали по принципу «Сначала в Тауэр, а там разберемся!» В условиях враждебного окружения политическими и гражданскими свободами непременно воспользуются спецслужбы государства-конкурента с целью дестабилизации ситуации в стране. Только в периоды относительного ослабления международной напряженности и в основном в гражданских делах государство может позволить себе суд с соблюдением «прав человека».

² А могли ли органы НКВД не репрессировать Бронштейна, который свое письмо в Англию закончил приветствием «Хайль Гитлер!»?

В СССР строилось совершенно новое общество, ничего подобного мир раньше не знал. Миллионы советских граждан с энтузиазмом включились в социалистическое строительство. За 10 довоенных лет в стране было построено 9 тысяч заводов, обеспечивших военную и экономическую мощь государства, без чего победа в предстоящей неминуемой³ войне вряд ли была бы возможна. Это был, конечно, подвиг народа, вдохновленного идеями построения справедливого общества на принципах марксизма-ленинизма.

Но были и другие миллионы – по ту сторону колючей проволоки. Зажиточные крестьяне («кулаки») активно сопротивлялись коллективизации, значительная часть интеллигенции не могла мириться с идеологическим диктатом. Были и те, кто искренне считал, что власть в стране захватили евреи (так думали, например, представители священнослужителей и творческой интеллигенции – П. Флоренский, С. Есенин), что дело революции предано, марксизм извращен (Л. Ландау, В. Шаламов). Что было делать сталинскому руководству? Не проводить коллективизацию, как предлагал Н. Бухарин, который считал, что нужно взять кредиты на Западе? Удивительно, но программу Бухарина, по сути, реализовал Б. Ельцин, что привело к заметной деиндустриализации страны. Или не пресекать в корне те настроения в обществе, которые лили воду на мельницу Гитлера (ведь солдаты вермахта шли в Россию освобождать ее от власти «жидов-коммунистов»)?

Вряд ли кто-нибудь сейчас всерьез возьмется утверждать, что накануне войны можно было оставить на свободе Ландау, участвовавшего в составлении первомайской листовки следующего содержания: «Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот? Социализм остался только на страницах окончательно изолгавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнился с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради сохранения своей власти страну, Сталин превращает ее в легкую добычу озверелого фашизма» [9. С. 82]. Сталин же поверил письму П.Л. Капицы, в котором он обещал взять Ландау на поруки, и Ландау выпустили из тюрьмы.

Противостояние академической и университетской физики

В декабре 1926 г. ученик Лебедева профессор Московского университета А.К. Тимирязев выступил на V съезде русских физиков с докладом об уникальных опытах американского физика Дэйтона Миллера с усовершенствованным интерферометром Майкельсона, осуществленных в 1921–1925 гг. Миллер, посвятивший обнаружению «эфирного ветра» полжизни, объявил, наконец, о положительном результате своих экспериментов, что противоречило теории Эйнштейна. Но к этому времени теория относительности уже

³ Можно ли было избежать войны? Есть голоса, утверждающие, что именно Сталин является главным виновником Второй мировой. С этим мнением вполне можно было бы согласиться, допустив, что Россия (а тогда Россией был СССР) полностью должна была «лечь» под Запад, который якобы ничего, кроме добра, нашей стране никогда не желал. Я не могу с этим согласиться.

получила признание ведущих физиков мира, а потому они полагали, что Миллер в чем-то ошибся. Однако никаких серьезных работ (статья Эйнштейна, например, содержала 2 страницы), разбирающих существо его ошибок, представлено не было.

Миллер (зная работу Хикса) был уверен, что в свое время Майкельсон учел не все факторы, влияющие на смещение полос в интерферометре. Так, им не учитывалось, что угол падения световых лучей на движущееся в эфире зеркало не равен углу отражения, а между тем это имеет место в опыте Майкельсона, так как угол между зеркалами в интерферометре чуть меньше 90° , иначе не наблюдалась бы интерференционная картина в лабораторном телескопе.

Несмотря на растущее признание теории Эйнштейна, группа физиков Московского университета продолжала активно отстаивать классические взгляды. Некоторые физики из Академии наук публично поддержали А.Ф. Иоффе, который заявил, что в МГУ создан «центр реакционной физики». В ответ университетские физики обвинили «академическую группу» в стремлении к монополизму в советской науке, преклонении перед буржуазными учеными и «физическом идеализме». Противоположная сторона яростно отрицала все эти обвинения, особенно идеологического характера. Так, А.Ф. Иоффе на протяжении 40 лет доказывал, что «объективный анализ современной физики приводит со всей убедительностью к выводу, что она вновь и притом с полной очевидностью подтверждает все основные положения диалектического материализма и те выводы, которые сделал Ленин» [10. С. 350]. Обе противоборствующие стороны (по крайней мере, в печати и публичных выступлениях) считали себя истинными марксистами-ленинцами и ссылались на работы Ленина и Сталина. Только Я.И. Френкель осмеливался не поддерживать государственную философию: «Нахожу, что теория диалектического материализма не является венцом человеческой мысли, которая может удовлетворить мыслящее человечество... Я предан советской власти, но не признаю диамата» [11. С. 37]. Кстати, Френкель не был привлечен к ответственности за такую «крамолу».

К 1949 г. страсти накалились до предела: готовилось Всесоюзное совещание физиков, на котором предполагалось дать отпор «физическому идеализму, космополитизму и низкопоклонству перед Западом». Необходимость его проведения обосновывалась, в частности, тем, что среди книг по физике, имеющих на русском языке, немалое число написано «буржуазными учеными и с идеалистических позиций», ничего общего не имеющих с диалектическим материализмом. Утверждалось, что в учебниках физики «существует большая путаница при изложении основных понятий физики, таких, как пространство и время, масса и энергия», а также «совершенно недостаточно показана роль русских ученых» [11. С. 115].

При подготовке совещания разгорелась острая дискуссия между «академической» и «университетской» группами. В первую входили А.Ф. Иоффе, В.А. Фок, А.А. Андронов, Г.С. Ландсберг, М.А. Леонтович, И.Е. Тамм, Я.И. Френкель, В.Л. Гинзбург и др. Вторую группу составляли А.А. Власов,

Д.Д. Иваненко, Я.П. Телецкий, А.К. Тимирязев, Н.С. Акулов, А.С. Предводителиев, Б.И. Спасский, К.А. Путилов, А.А. Максимов и др. Не все среди них были противниками теории относительности и копенгагенской интерпретации квантовой механики, но все выступали против «монополизма академиков» и за приоритет русской науки.

Насколько острым был «национальный вопрос», можно судить по выступлению на одном из подготовительных заседаний академика Андропова: «Мне кажется, надо рассуждать так. Антон Рубинштейн – это русский музыкант, Левитан – это русский художник и Мандельштам – это русский физик. Если мне еврей скажет, что Мандельштам еврейский физик, я отвечу этому еврею, что он еврейский националист. Если мне русский скажет, что Мандельштам еврейский физик, я скажу этому русскому, что он русский националист и шовинист» [11. С. 150].

Совещание в последний момент было отменено по указанию Сталина. Рассказывают, что Л.П. Берия, курировавший работы по созданию атомной бомбы, спросил у руководителя атомного проекта И.В. Курчатова, правда ли, что теория относительности и квантовая механика – идеалистические теории. На это Курчатов как будто бы ответил: «Мы делаем атомную бомбу, действие которой основано на теории относительности и квантовой механике. Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы». Берия был явно обеспокоен таким ходом мысли: «Главное – бомба, остальное – ерунда». Видимо, он тут же доложил об этом разговоре Сталину.

На самом деле роль квантовой механики в создании ядерного оружия часто сильно преувеличивается. Почти всё сделали экспериментаторы. А теоретические расчеты критической массы, КПД взрыва и ряда других параметров производились без применения уравнения Шредингера или других фундаментальных принципов квантовой физики.

Еще несколько лет «университетские» физики пытались отстоять классическую русскую науку и ее «философскую чистоту», но в конце концов они проиграли. Физический факультет МГУ, уже переехавший в новое здание, был последним бастионом классического миропонимания.

Яркими представителями двух враждующих лагерей были А.К. Тимирязев и Я.И. Френкель.

Аркадий Климентьевич Тимирязев (1880–1955) – создатель кафедры истории физики на физическом факультете МГУ и первый её заведующий – был воспитан выдающимся биологом К.А. Тимирязевым. По окончании гимназии поступил на физико-математическое отделение Московского университета. Ещё студентом начал работать в лаборатории П.Н. Лебедева под его руководством. Окончив с отличием университет (1904), Тимирязев был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, что влекло за собой заграничную командировку. Её он провел в Германии – два года изучал электротехнику в Дрезденском Политехническом институте. Вернувшись в Россию, Тимирязев сдал магистерские экзамены (1909) и был утвержден приват-доцентом и ассистентом при физическом практикуме.

В 1911 г. ему пришлось покинуть университет в знак протеста против нарушения автономии университета министром просвещения Л.А. Кассо.

В этом Тимирязев последовал примеру Н.А. Умова, П.Н. Лебедева, А.А. Эйнвальда, К.А. Тимирязева и других выдающихся профессоров университета. Вместе с Лебедевым он перешел на работу в Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. После Февральской революции его восстановили приват-доцентом в Московском университете, а когда к власти пришли большевики, он стал профессором теоретической физики. Впоследствии Тимирязев написал популярный среди студентов учебник «Кинетическая теория материи», выдержавший три издания. В начале 1930-х гг. вышла его книга «Введение в теоретическую физику», в которой он наряду с новыми представлениями излагает и эфирную точку зрения Фарадея–Томсона. На физическом факультете МГУ Тимирязев проработал до конца своих дней.

Основной своей задачей на научном поприще Тимирязев считал критику философских, методологических и физических оснований теории относительности Эйнштейна, против которой он открыто выступал, начиная с 1916 г. и до конца своей жизни. В этом его поддерживал ученик А.Г. Столетова профессор Н.П. Кастерин. «Все выводы из теории Эйнштейна, согласующиеся с действительностью, – по Тимирязеву, – могут быть получены и часто получаются гораздо более простым способом при помощи теорий, не заключающих в себе решительно ничего непонятного – ничего сколь-нибудь похожего на те требования, которые предъявляются теорией Эйнштейна» [11. С. 19].

В частности, Тимирязев выводил формулу $E = mc^2$ из электродинамики Максвелла (на эту возможность указывал также С.И. Вавилов). Тимирязев считал, что теория относительности и копенгагенская интерпретация квантовой механики несовместимы с диалектическим материализмом и представляют собой проявление идеализма в физике. В методологии физики А.К. Тимирязев принадлежал к так называемым механицистам, которые яростно дискутировали с так называемыми диалектиками во главе с философом А.М. Дебориным. Обе группировки по очереди были «разоблачены» руководством компартии.

Выдающийся физик-теоретик **Яков Ильич Френкель** (1894–1952) 30 лет возглавлял кафедру теоретической физики в Ленинградском политехническом институте. В начале 1920-х гг. он активно пропагандировал теорию относительности. Через несколько лет Френкель совершил поездку по Америке, прочитав наряду с физическими курсами серию патриотических лекций о Советской России, пользовавшихся шумным успехом у американцев. Универсализм Френкеля удивляет. У него были серьезные основания для выбора между карьерой физика и художника. Его пионерские научные работы относятся к физике жидкостей, квантовой теории поля, физике ядра и элементарных частиц, физике твердого тела, магнетизму. Он первым сформулировал основные представления квантовой теории электропроводности, ввел понятие температуры возбужденного ядра и истолковал его распад как «испарение» частиц из «нагретого» ядра. Независимо от Н. Бора разработал капельную модель ядра; независимо от В. Гейзенберга – квантово-механическую теорию ферромагнетизма. Ввел представления о дефектах кристаллической

решётки, о дырочной проводимости, о колебательно-поступательном движении молекул в жидкостях. Предложил идею экситонов (разновидность квази-частиц). Ряд его работ посвящён астрофизической, геофизической и биофизической тематике.

Френкель не любил во время лекций «мучить» своих слушателей громоздкими вычислениями, предпочитая обходиться простейшими формулами и объяснениями «на пальцах». Такую манеру прозвали «френкелизмом». Этим Яков Ильич сильно отличался от Л.Д. Ландау. Но их сближала резкая неприязнь к отжившему, по их мнению, представлению о мировом эфире и связанному с ним механистическому взгляду на природу. В статье «Мистика мирового эфира» (1925) Френкель сравнивал поиски мирового эфира с богоскательством, утверждая, что как в России, так и в Западной Европе «физики еще не вполне освободились от мистического тумана в области своей науки и что неспособность значительной части просвещенного человечества перейти к атеизму, а значительной части современных физиков отказаться от эфироскательства имеют один и тот же корень и кроются в традициях и инертности приемов человеческого мышления» [12. С. 146].

Заключение

В 1991 г. Россия (СССР), как в Феврале 1917-го, снова потеряла свой государственный суверенитет, превратившись если не в колонию, то в полу-колонию коллективного Запада. В результате предательства руководством страны национальных интересов были сданы все позиции в политической, экономической, военной и, главное, в идеологической сферах. Сменились приоритеты и в области науки. Если при Советской власти наука была призвана решать задачи укрепления материально-технической базы построения нового общества (коммунизма) и доказывать истинность диалектического и исторического материализма, то теперь российская наука превратилась в придаток науки «цивилизованных» стран. Это не могло не отразиться негативным образом на общем состоянии отечественной науки в целом и физики в частности.

Огромные кадровые потери стали следствием того, что государство отпустило науку и образование почти в «свободное плавание». Приведем один пример. В советские времена физический факультет МГУ имел всё необходимое для создания практически любого оборудования: механические, стеклодувные, оптические и другие мастерские. Например, в музее физфака хранятся рентгеновские камеры, изготовленные в мастерских физического факультета. Сейчас ничего этого нет. Но самое печальное не это. Сотни выпускников физического факультета в настоящее время живут и работают за границей. Некоторые из них укрепляют научно-техническую мощь американской армии. В советские времена это было практически невозможно. А сейчас кого готовит физфак? К сожалению, нынешняя система образования и организации науки всё еще в значительной степени нацелена на решение проблем, стоящих перед иностранными державами. Отечественных научных

работников у нас оценивают по количеству публикаций, прежде всего, в зарубежных журналах. Российская наука до сих пор несет на себе печать колониальности.

Сильно отстает от требований времени гуманитарная сфера. Историю, например, до сих пор преподают так, что катастрофой считается не Февраль 1917 г., а Октябрь. Возможно, ситуация исправится и достаточно скоро, так как политическое руководство страны в последнее время резко изменило тональность общения с Западом, давая понять, что у России и Запада интересы противоположные, и только решение глобальных проблем заставляет еще искать пути сотрудничества.

Литература

1. *Декарт Рене*. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
2. *Григорьян А.Т., Ковалев Б.Д.* Даниил Бернулли. М.: Наука, 1981.
3. *Очерки истории физики в России*. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1949.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы. Часть четвертая, глава XXV. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dумы/4-glava-xxv.htm> (дата обращения: 20.12.2020).
5. *Кононков А.Ф.* История физики в Московском университете (1755–1859). М.: Изд-во Московского университета, 1955.
6. Слово о Московском университете. М., 1997.
7. *Спасский Б.И.* История физики. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1977.
8. *Хикс В.М.* Эксперимент Майкельсона–Морли и эфирный ветер // КФТП. 2018. № 4.
9. *Эйхенвальд А.А.* Избранные работы. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1956.
10. *Владимиров Ю.С.* Между физикой и метафизикой. Кн. 1: Диамату вопреки. Изд. 2-е. М.: ЛИБРИКОМ, 2012.
11. *Иоффе А.Ф.* О физиках и физике: Статьи, выступления, письма. Л.: Наука, 1985.
12. *Сонин А.С.* «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М.: ФИЗМАТЛИТ, 1994.
13. *Френкель Я.И.* На заре новой физики. Л.: Наука, 1970.

PHYSICS AND RUSSIA

A.Yu. Gryaznov

*Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. An outline of the development of physics in Russia is given, with an emphasis on Russian specifics. The conflict between “academic” and “university” physics in Stalin's times is presented somewhat differently, in comparison with the available literature. The term “mystical atheism” was introduced to characterize the philosophical basis of physics of the twentieth century. A brief assessment of the state of science and education in Russia after 1991 is presented.

Keywords: history of physics, Petrovskaya Academy, classical physics, relativity theory, quantum mechanics, mystical atheism.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИТЕЛИ ОБ ОСНОВАНИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ю.С. Владимиров

*Физический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 2
Институт гравитации и космологии РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению исследований в области фундаментальной теоретической физики в России. Показана роль фундаментальной физики и отношение к ней ряда коллег. Указана тесная связь развития современной фундаментальной физики с принципами метафизики. Приводятся важные соображения об основаниях фундаментальной физики, высказанные известными отечественными учеными в середине XX в. и на рубеже XX и XXI вв.

Ключевые слова: основания физического мироздания, метафизика, философия, теория относительности, идеи перестройки физики.

Введение

В России издавна уделялось большое внимание основам мироздания, что обычно связывалось с религией, с православным христианством. А что для верующего человека может быть более основополагающим, нежели Господь Бог? А верующих в России было подавляющее большинство. Не случайно великие русские философы Серебряного века на рубеже XIX–XX вв. (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.) мыслили в рамках религиозной философии.

Существенные изменения произошли в XX в. после создания общей теории относительности и квантовой теории, изменивших представления об основах физической реальности. Идеи общей теории относительности довольно быстро были восприняты на отечественной почве. Уже в самом начале 1920-х гг. в работах А.А. Фридмана были найдены космологические решения уравнений Эйнштейна. Эти и другие открытия в физике существенно изменили мировоззрение. Если на основе решений уравнений Эйнштейна можно строить представления обо всем мироздании, судить о структуре Вселенной, о начальных и конечных стадиях ее развития, то значит физика не только сравнялась, но и превзошла возможности религии и философии, только в рамках которых ранее можно было судить о глобальных свойствах мироздания. На этой основе крепло убеждение, что физика выше религии и философии!

Как правило, великие открытия в естествознании оказываются сопряженными во времени с существенными изменениями и в социальной сфере. В России начала XX в. это проявилось в создании социалистического государства, основанного на марксистско-ленинском диалектическом материализме – идеологии, фактически заменившей прежние религиозные представления о реальности. Руководством страны эта идеология была перенесена и на науку. В частности, исследования в области теоретической физики должны были соответствовать принципам марксистско-ленинского учения. Это существенно сказалось на развитии физики в нашей стране.

Уже после известных событий 1990-х гг. этот вопрос обсуждался в работах многих авторов. В частности, это сделано в серии из пяти книг автора этой статьи под общим названием «Между физикой и метафизикой» [1–5]. Особенно это касается событий второй половины XX в., свидетелем и участником которых автору посчастливилось оказаться. Следует отметить, что первая из книг этой серии имела подназвание «Диамату вопреки». Как в былые времена было противостояние науки и религии, так и в XX в. фактически имело место аналогичное несоответствие фундаментальной физики и идей марксистско-ленинского учения.

В самом конце XX в. ситуация в нашей стране существенно изменилась. Прежняя государственная идеология в философии была отброшена, а новая до сих пор как следует не сформирована. Преподавание философии в ВУЗах и многие работы философов свелись к изложению мыслей философов прошлого, то есть фактически к истории философии. Причем это делается зачастую без связи с решением актуальных проблем естественных наук. В итоге ныне наблюдается настороженное, часто даже негативное отношение физиков к философии. Да и в рамках самих философских организаций наблюдается пониженный интерес к философии естествознания. Так, в частности, в Институте философии РАН недавно был упразднен отдел философии естествознания.

На взгляд автора, современные исследования в области фундаментальной теоретической физики способствуют возрождению значения философии в отечественной науке. В связи с упоминанием фундаментальной теоретической физики следует напомнить, что в современной теоретической физике следует различать три части:

- 1) прикладную теоретическую физику, нацеленную на вычислительную обработку и теоретическое обоснование конкретных экспериментов,
- 2) стандартную теоретическую физику, нацеленную на развитие ранее установленных принципов и закономерностей, и
- 3) фундаментальную теоретическую физику, в рамках которой ведутся анализ, обобщения и поиск новых принципов, лежащих в основании физической реальности. В данной статье речь пойдет о развитии фундаментальной теоретической физики в России, которая неизбежно смыкается с проблемами, традиционно относимыми к метафизике.

В отечественном, как и в мировом, научном сообществе имеются разные отношения к этим трем составляющим физики. Часть коллег вообще считает физику наукой экспериментальной. Ими ценятся лишь прагматические результаты, а проблемы фундаментальной физики отодвигаются на второй план. К числу приверженцев второй части – стандартной теоретической физики – в XX в. следует отнести группу Л.Д. Ландау. В завоевавшем всеобщее признание 10-томнике теоретической физики Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица практически не обсуждаются проблемы фундаментальной физики. В этом было коренное отличие взглядов Ландау от умонастроений Д.Д. Иваненко, в группе которого во главу угла ставились именно проблемы фундаментальной теоретической физики. На его семинарах наибольшее внимание уделялось вопросам обоснования имеющихся закономерностей и поиску их возможных обобщений.

Не столь велико число физиков, отдающих предпочтение фундаментальной теоретической физике, считающих, что именно от развития фундаментальной теоретической физики зависит будущее всей нашей цивилизации. Если осуществляется прорыв в понимании оснований наших представлений о физической реальности, то за этим неизменно следуют и важные практические следствия. Как уже было упомянуто, в связи с важными открытиями в физике могут происходить и существенные изменения в социальной сфере.

Принципы метафизики и отечественный менталитет

Особо следует отметить, что развитие фундаментальной теоретической физики тесно смыкается с философией, точнее, с тем ее разделом, который традиционно относился к метафизике. В настоящее время уже мало признавать важность метафизики, отвергавшейся сторонниками диалектического материализма. Пришло время четко сформулировать их и использовать в современных исследованиях. О наличии этих принципов свидетельствует не только фундаментальная физика, но и совокупность прежних идей, высказанных в рамках мировых философских и религиозных систем.

Уже можно назвать ряд ключевых метафизических принципов. Первым из них назовем принцип исходных оснований, то есть выбор редукционного или холистического подхода к мирозданию или к рассматриваемому кругу явлений. Так случилось, что в двух цивилизациях – Западной (европейской) и Восточной – оказались доминирующими противоположные подходы. Западная цивилизация со Средних веков опиралась на принцип редукционизма, когда исходными (главными) понимаются части, из которых формируется целое, тогда как на Востоке издавна доминировал холизм, где исходным считается целое, а части играют вспомогательную роль.

Отметим, что в Средние века редукционизм оказался более подходящим для развития науки, что и определило бурный рост европейской науки, обогнавшей науку Китая, имевшую богатые традиции. Однако современная наука, особенно физика, стремясь к построению единой теории мироздания (к «теории всего»), неуклонно сближается с принципами восточного холизма.

Как известно, Россия занимает промежуточное положение между Западом и Востоком. Есть основания полагать, что в российском менталитете холистический подход является доминирующим. Это проявляется, в частности, в понимании демократии, соотношений личного и общественного. Видимо, этот фактор оказался существенным в том, что именно в России в начале XX в. началось строительство социализма, где общественное ставится выше частного, несмотря на то, что идеи диалектического материализма пришли с Запада. Исходя из этого, можно надеяться, что эта доминанта в отечественном менталитете положительно скажется в развитии фундаментальной физики.

В качестве второго принципа следует назвать метафизический принцип тринитарности, который принимает вид троичности при выборе редукционизма или триединства при холизме. Этот принцип фактически был осознан и использован уже в далеком прошлом. Он воплощен в христианском учении в виде догмата Святой Троицы. В древнем китайском философско-религиозном учении – даосизме – он представлен в ряде положений. Во-первых, в виде двух сторон «инь» и «ян», в изображении которых имеются точки, символизирующие третье начало, связь этих двух сторон реальности. Кроме того, принцип тринитарности проявлялся в виде системы из восьмерки китайских триграмм.

Нельзя забывать также, что в учении диалектического материализма говорилось о его трех источниках и трех составляющих. Однако в былые годы XX в. третье начало фактически было исключено, а рассуждения сводились к учету лишь двух начал – материального и идеального, буржуазного и пролетарского, разделенных баррикадой. Это явилось одной из метафизических причин крушения идеологии диалектического материализма. Возрастание роли православного христианства в нашей стране, где догмат Святой Троицы является ключевым, способствует усилению идеи триединства в менталитете отечественного населения, что также может положительно сказаться на развитии фундаментальной физики.

Важное место занимает принцип дополнительности, который позволяет объединять (согласовывать) противоположности, обильно встречающиеся в реальности. В XX в. этот принцип играл важную роль в физике в виде боровского принципа дополнительности волновых и корпускулярных свойств элементарных частиц. Автор этих строк был свидетелем того, как партийное руководство физического факультета МГУ противилось выступлению Нильса Бора в мае 1961 г. на ступеньках физфака во время традиционного праздника «Архимед», а затем и в здании университета. Понадобились содействия Л.Д. Ландау и других лиц, чтобы выступление все-таки состоялось. Во время посещения кафедры теоретической физики Н. Бор написал мелом на стене фразу: «Противоположности не противоречат, а дополняют друг друга».

Очень важную роль играет метафизический принцип процессуальности, провозглашающий динамическую природу мировой реальности. Этот принцип определяет название всего древнего китайского учения – даосизма (путь). Он фактически содержится и в диалектическом материализме.

Можно назвать и ряд других метафизических принципов, которые фактически составляют основы современных научных знаний. Особенно важно их осознание в современной фундаментальной теоретической физике.

Идеи фундаментальной физики в России XX в.

Конечно, перечисленные принципы метафизики были представлены и в Европе. Общение отечественных ученых с мыслителями Запада играло большую роль на протяжении многих веков. Часто получалось так, что высказанные метафизические идеи западных коллег находили благодатную почву в России. Так, академик А.Ф. Иоффе, говоря об успехах отечественной теоретической физики в 1920-е гг., писал: «Всеим этим расцветом теоретической физики, начавшимся еще до первой мировой войны, мы обязаны влиянию П.С. Эренфеста». Эренфест работал в Петербурге с 1907 по 1912 г., где организовал знаменитый семинар по теоретической физике, в работе которого принимали участие А.Ф. Иоффе, Д.Ф. Рождественский, В.Ф. Миткевич, А.А. Фридман и ряд других известных российских физиков и математиков.

Важное значение для развития фундаментальной теоретической физики в нашей стране имели диспуты 1930-го и последующих годов в Ленинградском политехническом институте, проводившихся под руководством Иоффе. На этих диспутах предпринимались попытки решить, какая из двух концепций: дальнего действия или ближнего действия является истинной [6]. На этих диспутах состоялась острая дискуссия между двумя членами-корреспондентами академии наук: В.Ф. Миткевичем, сторонником концепции ближнего действия и Я.И. Френкелем, отстаивавшим концепцию дальнего действия. Френкель тогда заявил: «Я думаю, однако, что мы должны считать фундаментальной реальностью не поле, но материю, то есть движение и взаимодействие материальных частиц, а электромагнитное поле рассматривать как вспомогательную конструкцию, служащую для более удобного описания этого взаимодействия. Наконец, я полагаю, что оно представляет собой дальнее действие, которое мы никоим образом не должны сводить к какому-то действию и ближнему действию, осуществляющемуся через какую-либо промежуточную материальную среду или при помощи материализованных силовых линий» [6. С. 25].

В этих диспутах принял участие и П. Эренфест, заявивший во время диспута: «Никогда в Европе, никогда в Америке не могло бы случиться, чтобы 4 тысячи человеко-часов так усердно потратили бы на такой сложный вопрос, как это случилось здесь, и уже это очень притягивает меня к вам» [6].

Во второй трети XX в. среди отечественных мыслителей, внесших существенный вклад в развитие фундаментальной теоретической физики, следует выделить Д.Д. Иваненко, И.Е. Тамма, М.А. Маркова, П.К. Рашевского и некоторых других

Д.Д. Иваненко в середине XX в. был одним из активнейших сторонников поиска новых оснований физической картины мира. Так, уже в конце 1940-х гг. он обращал внимание на трудности и недостатки исследований в рамках двух общепринятых картин мира – теории поля и геометрического

подхода – и призывал к поискам новых оснований фундаментальной физики. В частности, выступая на знаменитом совещании в январе 1949 г., он говорил: «Возможно, что выход из этих затруднений потребует коренной ломки наших представлений о сущности мира, и возможно, что придется изменить само представление о пространстве-времени, вывести что-то в виде прерывного пространства, квантованного пространства, что у нас обсуждалось, и что в ряде американских работ было исследовано. Это характерно для всех ситуаций, и следует уделять внимание такой попытке, поскольку это представляет выход из общего представления о конечной картине мира и может быть ценно» [7. С. 298–299].

Эту мысль о необходимости построения новой физической картины мира Д.Д. Иваненко отстаивал на протяжении всей своей жизни. Об этом много говорилось на его семинарах, в предисловиях книг и сборников работ выдающихся зарубежных авторов. Так, в своей статье «Возможности единой теории поля» (1965 г.) он писал: «Таким образом, мы стоим нынче перед задачей построения единой теории, учитывающей с самого начала как атомно-квантовые, так и гравитационные и космологические обстоятельства: речь идет о своего рода четвертой программе единой картины мира» [8]. Отметим, что к первой программе Д.Д. Иваненко относил «Классическую механическую картину мира (XVII–XIX вв.)». Ко второй программе он относил «Электромагнитную релятивистскую картину мира» самого начала XX в. Третьей программой Иваненко считал «Геометрическую единую теорию» первой трети XX в.

Лауреат Нобелевской премии академик Игорь Евгеньевич Тамм своим ученикам говорил: «Если Вы хотите стать настоящим ученым, а не высококвалифицированным ремесленником, Вы не должны исключать возможность существования иных форм реальности, отличных от форм существования материальной действительности. Вы должны читать и внимательно изучать авторов, не входящих в список обязательной литературы, предлагаемый официальной философией, и прежде всего, русских философов – Бердяева, Лосского, Владимира Соловьева, Франка. Они о многом догадывались, хотя и не могли сформулировать свою идею всеединства на строгом математическом языке. Попробуйте, может быть, Вам удастся это сделать!» [9. С. 36].

Отечественный математик П.К. Рашевский обращал внимание на ограниченность тех математических средств, которые используются физиками при построении физической картины мира. Так, в своей статье «О догмате натурального ряда» писал: «Натуральный ряд и сейчас является единственной математической идеализацией процессов реального счета. <...> Более того, так как физик использует лишь тот аппарат, который предлагает ему математика, то абсолютная власть натурального ряда распространяется и на физику и – через посредство числовой прямой – предопределяет в значительной степени возможности физических теорий». Эту ситуацию он сравнивал с долгое время считавшимся очевидным евклидовым характером геометрии: «Подобно этому мы считаем сейчас, что пересчет как угодно больших расстояний в физическом пространстве и т.п. должен подчиняться существующим схемам натурального ряда и числовой прямой (а чему же еще?)» [11. С. 244].

В своей обстоятельной книге «Риманова геометрия и тензорный анализ» он предупреждал о временном, преходящем характере наших представлений о геометрии и общей теории относительности. Он подчеркивал, что эти понятия имеют сугубо макроскопический характер и утверждал: «Между тем трудно сомневаться в том, что макроскопические понятия, в том числе и наши пространственно-временные представления, на самом деле уходят своими корнями в микромир. Когда-нибудь они должны быть раскрыты как некоторый статистический итог, вытекающий из закономерностей этого мира – далеко еще не разгаданных – при суммарном наблюдении огромного числа микроявлений» [12. С. 258]. Далее он писал: «В связи с этим будет разумным рассматривать общую теорию относительности в ее современном математическом оформлении скорее как эскиз теории, чем как установленную истину».

Призывы к пересмотру оснований физики на рубеже XX и XXI вв.

Современный анализ состояния фундаментальной теоретической физики показывает, что ныне сложились условия для очередного радикального пересмотра представлений о физической реальности, сравнимого с тем, который произошел в первой трети XX в., когда были созданы квантовая механика и общая теория относительности. За прошедшие с тех пор годы принципы этих теорий в значительной степени выработаны, они привели к многочисленным приложениям, которые составляют основу современной промышленности и всей технической культуры. Однако следует думать о будущем.

Мне посчастливилось сотрудничать с рядом выдающихся отечественных мыслителей конца XX – начала XXI в., посвятивших свою жизнь попыткам пересмотра сложившихся представлений о физической реальности.

Особо хочется отметить мысли Юрия Ивановича Кулакова об основаниях физики и вытекающих из них следствиях для дальнейшего развития науки. Приведу его высказывание из написанной им капитальной книги «Теория физических структур»: «Мне удалось найти Единое Первоначало, определяющее конкретный вид всех первичных законов физики и геометрии. В отличие от туманной «материи» это Первоначало, которое я назвал Физической структурой, допускает строго математическое описание. Но для этого потребовалось создать новую область знания – математизированную физическую герменевтику со своими понятиями, со своими исходными принципами и особыми, неизвестными ранее, сакрально-функциональными уравнениями» [9. С. 826].

В этой же книге он писал: «Программа перестройки и построения всей физики на основе Теории физических структур весьма обширна, значительна и перспективна. Но уже сейчас многие разделы теоретической физики могут быть заново построены на новых основаниях. При этом хорошо известные еще из средней школы физические понятия, величины и законы приобретают новый смысл и занимают свое законное место в Единой физической картине мира. Возникает такое ощущение, будто кто-то провел влажной тряпкой по давно немытому стеклу, и мир заиграл, заискрился всеми цветами радуги»;

«Теория физических структур не имеет аналогов и предшественников ни у нас в России, ни за рубежом. С одной стороны, она достаточно универсальна, чтобы охватить с помощью одного общего принципа самые различные области физики и геометрии, а с другой, достаточно содержательна, чтобы получить конкретные выражения для всех четырех априорно допустимых форм фундаментальных законов физики и геометрии» [9. С. 18-19].

Завершая свой жизненный путь, Кулаков просил записать в своей биографии: «Мысль о том, что после написания и опубликования биографии моего жизненного пути я смогу спокойно сказать себе, что я выполнил в этой жизни главное свое предназначение, приводит мою душу в состояние умиротворения, в котором я уже готов ко встрече с Творцом. Как уже говорил поэт Владимир Высоцкий: “Мне есть что спеть, представ перед Всевышним. Мне есть чем отчитаться перед ним”» [10].

Действительно, сделанные им открытия, далеко еще не оцененные современным научным сообществом, открывают новые необъятные возможности для перестройки физики на принципах реляционной парадигмы, для развития которой многим мыслителям не хватало адекватного для реализации своих идей математического аппарата.

Другим замечательным мыслителем, с которым мне посчастливилось пообщаться и обсудить ряд фундаментальных проблем, был Георгий Васильевич Рязанов, который также мыслил в реляционном духе, однако ему не пришлось воспользоваться открытым Кулаковым математическим аппаратом, о чем приходится сожалеть. Об искомых основаниях физической реальности он писал: «Хорошая теория должна строиться без каких-либо отсылок к опыту, должна автоматически обращаться к своим основаниям, должна порождать сомнения относительно своих оснований. Это значит, в частности, что хорошая физика должна отвечать и на вопрос “зачем физика?” А главное – вблизи границ физики выявится и станет значимой прафизика, которая до сих пор была задавлена реакцией вселенной... На границах же физики характер прафизики важен, и поэтому все дальнейшее изложение я посвящу описанию методик восстановления прафизики» [13. С. 140].

Примечательно, что в своих размышлениях о принципах прафизики Рязанов ее связывал со всеобщим, что он видел в религии. В своей монографии «Путь к новым смыслам» он писал: «Я попытаюсь сформулировать свою позицию: я не считаю нынешнее положение безнадежным, мой оптимизм основан на четырех фактах, замечательных тем, что, взятые вместе, они полностью разрушают нынешнюю систему парадигм, творят новые замечательные миры. Эти факты я здесь лишь перечислю, а по ходу изложения буду обсуждать их более подробно.

а. Существует общий план мира – наша проекция плана Творца. Этот план позволяет выйти за рамки нынешней системы взглядов, включая в эту систему и сам план. То есть речь тут идет не о некоей последней истине, а о карте, указывающей выход из сегодняшней ситуации.

б. Физику можно вывести из некоей простой прафизики и при этом обнаруживается, что мы можем манипулировать самими законами физики, – это в корне меняет практику не только науки, но и искусства, религии, мистики.

в. Существует простой способ описания связей разных сфер жизни – скажем, связи науки и искусства – это важно, ибо нынешний язык как науки, так и искусства для этого не пригоден.

г. Существует простой критерий (или требование), генерирующий связи разных сфер, позволяющий рассчитывать (а точнее, проигрывать) эти связи.

Эти нетривиальные факты требуют пояснений и плохо усваиваются читателями и слушателями – поэтому я их особо выделил. Каждый из этих фактов, как мы увидим, отсылает к трем остальным, а вместе они оказываются мотором, творящим новые миры. По сравнению с этими мирами всё бывшее ранее представляется малоинтересным» [13. С. 355].

Рязанов обращается к традициям иудаизма, но аналогичное можно было бы сказать и о традициях христианства, где также можно увидеть проявления метафизических принципов, ныне широко используемых в физике. К такому следует отнести принцип тринитарности (догмат Святой Троицы), фрактальности, эволюционизма и т.д.

Далее приведем взгляды еще одного замечательного мыслителя Александра Петровича Левича, основавшего семинар по «Феномену времени» при биологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Вот его понимание оснований физической реальности: «Поскольку речь идет о моделировании самых исходных понятий – времени и пространства, мы не вправе изначально использовать привычные физические понятия: энергию, массу, импульс, действие. Следует сконструировать их в процессе развития модели. Невозможно без достаточных оснований вводить аналитический аппарата математики: комплексные или действительные числа, размерности и топологию многообразий и т. п. Аппарат здесь должен быть следствием, а не постулатом модели. Считаю также, что нет ни классической или квантовой механики, ни электродинамики или теории относительности, ни какой-либо иной теории. Амбициозная задача подхода – получить теории из модели времени, пространства и частиц. И одна из целей – научиться выводить (а не постулировать) фундаментальные уравнения и взаимосвязи между ними» [14. С. 5].

А.П. Левич в своих работах обращал внимание на чрезвычайно высокий статус моделирования понятийного базиса наук. Он задавался вопросом: «Каков же статус этой области?» И сам же отвечал на него: «Часто ее называют методологией науки, метафизикой, натурфилософией. Ввиду широкой понятийной нагруженности этих терминов предлагаю (вслед за классиками философии) другой термин – предлагаю называть деятельность по моделированию базовых понятий и фундаментальных уравнений разработкой пролегоменов науки» [14].

Заключение

Следует отметить, что редко кому удается достичь намеченных глобальных целей перестройки фундаментальной физики. Как правило, стремящиеся к этой цели испытывают многочисленные упреки и непонимания со стороны

окружающих коллег. Мне выпало присутствовать при беседе В.Б. Брагинского, видного отечественного физика-экспериментатора, занимавшегося поиском гравитационных волн, с американским теоретиком Кипом Торном. В беседе Брагинский упомянул о негативном отношении ряда отечественных коллег к профессору Д.Д. Иваненко из-за его стремлений подвергнуть критике ряд устоявшихся представлений. В ответ на это Торн заметил, что подобные нарекания были и в США к Дж. Уилеру.

Отметим, что ряд коллег пытался причислить Ю.И. Кулакова к числу лжеученых. Я знаю, сколько трудностей испытал Кулаков в Новосибирском государственном университете при попытках чтения лекций по теоретической механике на основе разработанной в его группе теории физических структур.

На заседании семинара по феномену времени в МГУ, основанного А.П. Левичем и посвященного его памяти (вскоре после его кончины) один из коллег заметил, что только по счастливой случайности Левич избежал причисления к лжеученым за свои взгляды о необходимости перестройки оснований физики.

Можно привести множество других примеров непониманий современниками новых непривычных идей, высказанных выдающимися мыслителями. К таковым примерам можно отнести реакцию современников на открытие Н.И. Лобачевским первой неевклидовой геометрии. Известно также, что Д.И. Менделеев, создатель периодической системы элементов, так и не был удостоен звания академика и т. д.

Прав был Э. Мах, писавший: «История науки показывает, что новое, правильное познание, покоящееся на верных основах, может то больше, то меньше затемняться, может выступать в односторонней, неполной форме, для одной группы исследователей даже совершенно исчезнуть и снова возродиться. Однократного нахождения и провозглашения какого-нибудь познания бывает недостаточно. Часто проходят года и даже столетия, пока общее мышление разовьется настолько, чтобы оно могло стать общим достоянием и укрепиться» [15. С. 370–371].

Литература

1. *Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 1: Диамату вопреки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 (Второе издание, 2012).*
2. *Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 2: По пути Клиффорда–Эйнштейна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.*
3. *Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 3: Геометрическая парадигма: испытание временем. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.*
4. *Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 4: Вслед за Лейбницем и Махом. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 (Второе издание, 2017).*
5. *Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн. 5: Космофизика Чижевского: XX век. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013 (Второе издание, 2019).*
6. *Природа электрического тока. (Беседы-диспуты в Ленинградском политехническом институте). М-Л.: Издательство Всесоюзного электротехнического общества, 1930.*

7. *Сарданашивили Г.А.* «Дмитрий Иваненко – суперзвезда советской теоретической физики». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
8. *Иваненко Д.Д.* Гравитация и возможность единой трактовки материи // *Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии: сб.* Киев: «Наукова Думка», 1964.
9. *Кулаков Ю.И.* Теория физических структур. М.: Доминико, 2004.
10. *Иванов Валентин.* Номо insolitus. Новосибирск: Издательские решения, 2020.
11. *Рашевский П.К.* О догмате натурального ряда // *Успехи математических наук.* 1973. Т. XXVIII. Вып. 4 (172). С. 243–246.
12. *Рашевский П.К.* Риманова геометрия и тензорный анализ. М.: Наука, 1967.
13. *Рязанов Г.В.* Путь к новым смыслам. М.: Гнозис, 1993.
14. *Левич А.П.* Реляционная и субстанциальная концепции в решении проблем изучения времени и пространства // *Метафизика.* 2014. № 2 (12). С. 146–155.
15. *Мах Э.* Познание и заблуждение. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.

RUSSIAN THINKERS ABOUT THE BASES OF PHYSICAL REALITY

Yu.S. Vladimirov

*Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University
1, bld. 2 Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation
Institute of Gravity and Cosmology, RUDN University
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the discussion of research in the field of fundamental theoretical physics in Russia. The role of fundamental physics and the attitude of a number of colleagues to it are shown. A close connection between the development of modern fundamental physics and the principles of metaphysics is indicated. Important considerations about the foundations of fundamental physics, expressed by well-known Russian scientists in the middle of the 20th century and at the turn of the 20th and 21st centuries, are presented.

Keywords: foundations of the physical universe, metaphysics, philosophy, theory of relativity, ideas of restructuring physics.

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-151-160

ПОЧЕМУ МАТЕМАТИКА НЕВЕРОЯТНО ТОЧНА: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ НЕЙРОНАУКИ

Интервью с Анной Геннадиевной Свердлик

Свердлик Анна Геннадиевна, выпускница Московской медицинской академии (ММА) им. И.М. Сеченова (ныне — Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова). Врач-психиатр, работает в крупнейшей израильской больнице «ШИБА» (Тель-ха-Шомер). Специалист в области черепно-мозговой травмы и нейрокогнитивной патологии. Преподаватель клинической психиатрии медицинского факультета Тель-Авивского университета. Являлась главным исследователем в нескольких международных проектах по изучению деменции. Автор ряда печатных работ в области нейропсихиатрии и нейропсихологии, член Международного нейропсихоаналитического общества.

Аннотация. Как эмоции влияют на абстрактное мышление и почему математика невероятно точна, как устроена кора головного мозга, почему ее возможности ограничены и как эмоции: дополняя работу коры, позволяют человеку совершать научные открытия, книга [1] с таким длинным названием стала предметом нашей беседы с ее автором – психиатром Анной Геннадиевной Свердлик. Книга вошла в лонг-лист премии «Просветитель» 2016, а также была опубликована в английском переводе {сноска 1: A. Sverdlik. *How Our Emotions and Bodies are Vital for Abstract Thought: Perfect Mathematics for Imperfect Minds. Taylor&Fransic, Routledge, London, 2018. Translated by Shelley Fairweather-Vega*}. Книга адресована широкому кругу образованных читателей, но в особенности представителям профессий, так или иначе

связанных с математикой. Последовательно изложенная и убедительно аргументированная позиция автора предлагает отличную от общепринятой трактовку механизмов абстрактного мышления.

Ключевые слова: абстрактное мышление, нейрофизиология, нейрокогнитивные науки, точность математики, искусственный интеллект.

С.-Б.: *Анна Геннадиевна, как получилось, что практикующий психиатр так серьезно интересуется абстрактным, и в частности математическим, мышлением? Казалось бы, медицина и математика – довольно далекие друг от друга области.*

А.С.: Я выросла во врачебной семье, но никогда не планировала быть врачом. Я собиралась стать математиком, хотя все окружающие активно меня от этого отговаривали. Математику я страстно полюбила прежде всего за красоту, за то, что она наполняет чувством гармонии с миром и в то же время ни с чем не сравнимым по силе воодушевлением, близким к экстазу. Она сформировала меня не только в интеллектуальном, но и в эмоциональном и эстетическом плане. Каким-то образом было понятно, что разум завязан на эмоциях и на гармонии. Возможно, это и подтолкнуло меня к психиатрии.

С.-Б.: *Вы написали совершенно нестандартную для ученого вашей специальности книгу. Вероятно, удалось найти что-то неожиданное, о чем не могли не рассказать?*

А.С.: Мне всегда хотелось понять, как человек мыслит. Психиатрия сама по себе мало приближает к ответу на этот вопрос, но позволяет лучше разобраться в том, что происходит в смежных областях, прежде всего в нейронаучных дисциплинах. Время от времени я читаю научно-популярную литературу по физике – это интересно, а кроме того, чтобы исследовать мышление, надо иметь хотя бы элементарное представление о современной научной картине мира. Постепенно, анализируя прочитанное, я осознала, что нет мышления без эмоций, эмоций – без целостного организма, и что все эти звенья одной цепи должны органично встраиваться в физическую картину мира.

Огромную роль в этом сыграла и моя любовь к математике, хотелось как-то её реализовать, связав уникальную математическую строгость с единством физического и ментального. Я стала записывать какие-то мысли, не имея при этом никаких конкретных намерений, просто увлеклась процессом. А в результате появилась гипотеза.

С.-Б.: *Значит, отправным пунктом стало желание понять, как нашему мозгу удастся из крайне ограниченной и неточной информации, поставляемой органами чувств, выстраивать в конечном счете сложнейшие теории, которые с потрясающей точностью совпадают с результатами экспериментов?*

А.С.: Да, надо признать, что мы понятия не имеем о том, как наш несовершенный мозг приходит к математическим открытиям, которые столь точно описывают физический мир. Ни нейронаука, ни прочие науки ничего об этом не говорят; более того, нейронаука убедительно, казалось бы,

показывает, что такое в принципе невозможно. Об абстрактном мышлении всё ещё известно очень мало, а о высших математических функциях практически ничего, но всё, казалось бы, свидетельствует о том, что с понятием точности ни наш мозг, ни наше мышление ничего общего не имеют и иметь не могут. Таким образом, первая половина книги объясняет, как устроен и функционирует мозг, убеждая читателя в том, что не существует математических открытий, что математика – это созданная человеком искусственная конструкция, и точной она быть не может. А вторая пытается найти выход из тупика, поскольку математика никуда не исчезла.

С.-Б.: Почему вы утверждаете, что точность нашему мозгу не свойственна? Ведь, казалось бы, нашими способностями к анализу, к безупречной логике – всем тем, что выделяет нас среди представителей животного мира, мы обязаны именно нашему большому мозгу (неокортексу) с сильно развитыми лобными долями.

А.С.: Не совсем так. Посмотрим, что нам известно о работе неокортекса. Помимо многих других несовершенств наш мозг обладает непреодолимым пристрастием к «дележу». Кортекс физиологически устроен так, что воспринимает непрерывный в пространстве и времени мир в виде набора объектов. Так называемые объекты – это то, что остается от картины мира после того, как наша ограниченная физиология передает сигнал к коре; затем кора обрубаёт все, что является для нас лишним в эволюционном плане или просто не может в ней уместиться; и наконец, втискивает то, что осталось, в какую-нибудь рубрику, поскольку устроена в виде каталога. У этого действительно есть глубокий эволюционный смысл, поскольку для размножения и выживания нужно воздействовать на среду как можно более точно – например, не промахнуться мимо ветки на пути к банану. Но, как заметил ещё Эрнст Мах, «природа не начинает с элементов, как мы вынуждены начинать» [2]. И на каком-то этапе такое положение дел **начинает мешать познанию**.

С.-Б.: А как насчет математических объектов? Ведь они-то как раз совершенно четко определены и даже уже разложены по рубрикам...

А.С.: На мой взгляд, это заблуждение. Думаю, все вышесказанное относится и к математическим объектам. В физиологическом плане даже натуральные числа являются результатом усреднения некоей расплывчатости, которую наше восприятие сводит в точку.

В последнее время было экспериментально показано, что в париетальных долях коры расположены так называемые числовые нейроны, кодирующие числа. Они крайне избирательны и особым, теснейшим образом взаимодействуют лишь с другими, также избирательными нейронами, кодирующими пространство и время. На подкорковом уровне наш мозг фиксирует не объекты как таковые, а фрагменты пространства, которые чем-то, так сказать, заполнены, по сути – нерегулярности пространства. Кора вычленяет их из пространства, а числовые нейроны затем суммируют, но не пересчитывая один за другим, а воспринимая одновременно и в совокупности. Это только потом нас учат пересчитывать так называемые объекты последовательно. Но поскольку отдельных объектов в природе, строго говоря, не существует, то и в правомерности арифметики в принципе есть повод усомниться.

Все мы с рождения обладаем так называемой ментальной числовой линией, по которой распределяем числа, начиная с единицы, обычно слева направо. По-видимому, именно дискретные числа накладываются на непрерывную линию, а не линия возникает посредством соединения точек-чисел. Эта линия может принимать различные формы, например, быть прямой или закрученной, двухмерной или трёхмерной. По мере возрастания чисел расстояния между ними сокращаются, и нам становится всё труднее различить их. Этот феномен получил название «SNARC effect». По-видимому, его физиологический коррелят таков. Каждый числовой нейрон лучше всего «настроен» на какое-то одно число, но может, правда менее точно, кодировать и другие числа рядом со своим «собственным».

Совокупная реакция нейронов на определенное число представляет собой кривую распределения, максимум которой приходится на искомое число. Но чем число больше, тем более пологой становится эта кривая, и если для нескольких первых чисел у неё есть пик, который легко проецируется на определенную точку, то по мере их возрастания она становится всё более сглаженной и проекция размывается. Так, мы с первого взгляда, не пересчитывая, определим, что видим 4 точки, но, например, 18, 19, 20, 21 и 22 точки наше сознание округлит и превратит в 20. То есть разница (расстояние на ментальной числовой линии) между большими числами для нас уменьшается, а затем и вообще становится неразличимой. Это повседневный факт нашей жизни. За 100 рублей торгуются на рынке, но когда берут ипотеку на миллионы, никому не приходит в голову воевать за такие суммы. Хотя 100 рублей при этом не становятся ни больше, ни меньше.

С.-Б.: *Но если усомниться в правомерности даже натуральных чисел, то что же тогда останется для опоры математике? И, соответственно, физике?*

А.С.: Есть поразительная статья П. Рашевского «О догмате натурального ряда» [3], опубликованная в 1973 г., когда всех этих исследований еще не было и в помине. В ней он предлагает необычное понятие натурального ряда и утверждает, что именно оно физике и нужно. Этот гипотетический ряд буквально в деталях предвосхищает представление о ментальной числовой линии, которое нейронаука выработает лет через 30–40. Я перечитала его статью, чтобы что-то оттуда процитировать, и даже выбрать не могла, хоть вставь её целиком. Вот, например: «Духу физики более соответствовала бы математическая теория целого числа, в которой числа, когда они становятся очень большими, приобретают в каком-то смысле “размытый” вид, а не являются строго определенными членами натурального ряда». Или: «...почти полное совпадение имело бы место лишь для начальных отрезков существующего и гипотетического натуральных рядов, а по мере удаления по ним различие их структуры должно возрастать; в гипотетическом натуральном ряде началось бы нечто вроде “принципиального сбивания со счёта”, и он (ряд), всё более “размываясь”, приобретал бы в каком-то смысле черты непрерывной структуры числовой прямой».

С.-Б.: *Идеи Рашевского не забыты. В настоящее время они положены в основу и активно развиваются в рамках реляционного подхода в теоретической физике [4]. Замечательная корреляция идей, о которой вы упомянули,*

заслуживает специального исследования. Но вернемся к нашей теме. Допустим, вы нас убедили в том, что наш мозг – верх несовершенства. Кроме того, нейронауке ничего не известно о том, как ему удастся совершить открытия – любые, не только математические. Хорошо, пусть не открытия, но ведь мы постоянно делаем какие-то выводы и принимаем какие-то решения, а что известно об этих механизмах?

А.С.: Оказывается, тоже очень немного. Допустим, мы пришли к определенному решению, на каком основании мы считаем его правильным? Крайне мало ясности и в этом. В конце концов можно свести вопрос к тому, как мы узнаём или распознаём – лицо как знакомое, стакан как собственный, идею как правильную – на чем основано узнавание, идентификация. И вот здесь нейронауке уже есть что сказать. Идентифицировать – значит констатировать совпадение: чего-то с чем-то. Дополнив экспериментальные нейронаучные факты некоторыми знаниями и представлениями о мире, можно предположить, что и с чем в нашем организме должно совпасть и каким образом высшие формы сознания «узнают» о том, что решение верифицировано. Упрощая, можно сказать, что **совпадение должно произойти между тем, что внутри нас, и тем, что снаружи.** И чем более абстрактна проблема, требующая решения, тем более фундаментальным должно быть совпадение. В предельном случае абсолютно абстрактных математических проблем совпадение должно быть максимально полным, с включением всех имеющихся в организме уровней, способных к подобной верификации. А поняв, как это происходит, какие физиологические механизмы задействует, можно гораздо лучше понять, как мы мыслим. А заодно и предположить, почему физика говорит языком математики.

С.-Б.: *Получается, что при обдумывании самых глубоких научных, философских вопросов решающую роль играют не только и не столько верхние отделы (кора) головного мозга, как принято считать, сколько другие, более древние отделы, которые есть и у низших позвоночных? Или даже не только мозг, но и все тело целиком?*

А.С.: То, что в процессе мышления участвует не только мозг, но и весь организм в неразрывном взаимодействии с окружающим миром, – это идея отнюдь не только моя, и она сегодня набирает силу. Я лишь пытаюсь понять, как этот процесс происходит в деталях, и объяснить феномен математической строгости.

Мозг в одиночку вообще ничем заниматься не может, он, собственно, изначально и возник как придаток к организму, чтобы лучше приспособить его к окружающей среде. Но в процессе эволюции объем мозга возрастал, и всё более молодые, всё более «умные» и «сознательные» структуры мозга, которые сегодня занимаются алгоритмическим мышлением (главным образом лобные доли) всё больше расходились с теми, которые занимаются внутренней регуляцией организма. И хотя мозг является неотъемлемой частью организма и взаимодействует с ним на всех уровнях, наши внутренние процессы неокортексу практически недоступны, в отличие от внешних. Если же неокортекс чего-то не замечает, не осознаёт, то для нас этого вроде бы и

не существует. Психологии и психиатрии давно уже известно, что наш ум – тяжелый ограниченный нарцисс с огромным апломбом и даром красноречия, убеждающий нас в том, что он и есть вершина всего.

Но внутри мозга есть более древние структуры, которые являются как бы главным связующим звеном между неокортексом и прочим организмом. Это наш эмоциональный мозг, наши чувства. Вот они способны каким-то образом пробиться в сознание и попытаться сказать неокортексу, прав ли он или нет. Это наша интуиция, то, что мы называем «нутром чувствовать». Эмоции говорят без слов, часто негромко и невнятно, и нужно уметь их услышать. А так как эти отделы курируют состояние всего организма, то действительно можно сказать, что в решении самых сложных задач принимает участие всё тело целиком, в неразрывной связи со своей физической природой, которая является универсальной для нас и мира вокруг нас.

С.-Б.: В книге выстраивается довольно длинная цепь умозаключений, основанных на данных нейронауки, философии науки, философии математики, психиатрии, биологии и физики. Можно ли сказать, что вам удалось по-новому синтезировать известные факты и предложить другую их интерпретацию, которая и привела к неожиданным выводам?

А.С.: Я бы даже не сказала, что это какая-то новая интерпретация. До сих пор вопрос о математической строгости интересовал в основном лишь физиков, математиков и философов науки, да ещё нескольких антропологов. Классической в этом отношении является лекция Юджина Вигнера «Непостижимая точность математики в естественных науках» [5], прочитанная им ещё в 1959 г. Большинство математиков и физиков, насколько я понимаю, находятся на позициях философии Платона, которая утверждает, что математические истины вечны и существуют помимо нас в так называемом мире идей, а люди – не все, конечно, а отдельные избранные – лишь изредка соприкасаются с этим миром и доносят математические истины до всего человечества. Однако до сих пор никто особо не задавался вопросом о том, как примирить поразительную точность математики с фундаментальным и неизбежным несовершенством человеческого мышления, ссылаясь на данные нейронауки. Исключением является книга Джорджа Лакоффа и Рафаэля Нунеза “Where Mathematics Come From” [6], в которой они критикуют «платонический романс», но нейронауки как таковой там очень немного, а больше как раз математики. Книга прекрасная, я беру её в качестве отправной точки и во многом на неё ссылаюсь, но к прихожу к другому выводу. Я не утверждаю, что математика **идеально** точна – она **предельно** точна, и это надо объяснять.

С.-Б.: Обо всем этом можно прочитать в вашей книге, второе дополненное издание которой вышло в начале февраля. Должна признаться, я немного завидую тем, кто с ней познакомится, вспоминая, какое сильное впечатление она произвела на меня при первом чтении. Пользуясь случаем, хотелось бы задать вам несколько вопросов, не имеющих прямого отношения к вашей теории. По роду своей деятельности вам часто приходится общаться с людьми, имеющими психические отклонения. Почему-то принято считать, что физики и математики более других склонны попадать в эту группу, так ли это?

А.С.: Не думаю. В психиатрических отделениях людей науки ничтожно мало; напрягая память, могу вспомнить одного-единственного. На амбулаторном приёме они иногда встречаются, но, на мой взгляд, не чаще, чем представители других профессий. Среди многих сотен моих пациентов было два математика и один физик. Возможно, они избегают общения с психиатрами. Но, думаю, дело не только в этом.

Нет никаких доказательств того, что ученые, математики и физики в частности, более других склонны к психическим расстройствам. Разумеется, известны случаи психических заболеваний и среди них, и многие описаны довольно колоритно – возьмём, к примеру, Ньютона, Больцмана или Кантора, но с точки зрения статистики это ни о чем не говорит. Есть исследования, указывающие на то, что люди творческих профессий (а, на мой взгляд, ученый-теоретик – это явно творческая профессия) чаще других страдают депрессией, биполярным расстройством и шизофренией, но ученые обычно не включаются в выборку исследуемых в качестве отдельной группы.

Продуктивное занятие наукой предполагает высокий интеллект, творческое мышление, воодушевлённость, инициативность и хорошую работоспособность, желательно на протяжении многих лет. Психические болезни обычно эти функции нарушают. Я лично полагаю, что ненормальность учёных – это миф, сложенный из расхожих представлений о рассеянном профессоре со включенной бородой и горящими глазами, который говорит вещи, «нормальному» человеку непонятные. Типаж, так сказать.

Что касается шизофрении – тут я твердо уверена, что это миф, а случай Джона Нэша – исключение, подтверждающее правило. Шизофренический психоз лишает человека способности думать, мысли при нём рассыпаются. В действительности рассеянный профессор рассеян не оттого, что у него концентрация плохая, а потому, что слишком хорошая – он настолько сконцентрирован на какой-то идее, что не замечает, куда кладёт очки. И глаза у него горят не от безумия, а от увлечённости. Но кардинальным диагностическим критерием шизофрении является не столько психоз, сколько постепенное личностное и когнитивное снижение. Человек со временем становится всё менее продуктивным, особенно в интеллектуальном и творческом плане. Какая уж тут теоретическая наука.

Еще один «хит» – аутизм. Считается, что аутисты обладают невероятными математическими способностями. Это правда, что некоторые аутисты являются так называемыми савантами, способными мгновенно перемножать в уме пятизначные числа или воспроизводить сто первых цифр числа π (вспомним «Человека дождя»). Очень часто такие люди страдают как раз умственной отсталостью. Да и не в этом ведь суть математики. Что касается настоящей математики – исследований очень мало, и они показывают, что математические способности аутистов с нормальным или повышенным интеллектом в статистическом плане даже несколько ниже, чем в общей популяции. Так что на сегодняшний день нет оснований утверждать, что гениальность в математике как-то связана с аутизмом.

Есть еще, правда, биполярное расстройство, которое характеризуется приступами мании или депрессии. В мягкой форме периоды подъема со

стороны вообще можно не заметить, а сам человек их ощущает, но считает нормой, поскольку чувствует себя при этом прекрасно. В это время у него действительно возникает много благотворных и конструктивных идей, ощущается прилив сил и энергии, что способствует их реализации. В таком состоянии человек, особенно творческий, с лихвой может возместить то, что недоделал в депрессивном. Поэтому неудивительно, что люди искусства страдают биполярными расстройствами чаще. Я не исключаю, что люди, которые занимаются научным творчеством, – тоже, но объективных исследований на эту тему нет.

С.-Б.: Среди многих компьютерщиков и даже некоторых физиков распространено мнение, что искусственный интеллект (ИИ) со временем сможет заменить человеческий. Вы придерживаетесь противоположной точки зрения, и здесь мы снова возвращаемся к вашей теории, ведь ее главный вывод представляет серьезный аргумент против создания ИИ.

А.С.: Я говорю не об идее ИИ вообще, а о её радикальной версии – машинном мозге, который был бы **равен** человеческому (то есть как минимум проходил бы тест Тьюринга), а во многом и превосходил бы его. Мнения о возможности такого ИИ придерживаются, видимо, многие, но далеко не все. Известный математик Р. Пенроуз [7], опираясь на теорему Геделя и здравый смысл, убедительно доказывает обратное. Аргументов может быть много. Я думаю, что человеческое, да и вообще любое биологическое мышление принципиально отличается от машинного тем, что в нем нет разделения на «хард» и «софт». По большому счёту, мышление, как его определяет современная наука, – это способность живого организма действовать себе во благо, приспособившись к своей ограниченной среде обитания, извлекая из нее максимум пользы с минимальными для себя потерями. Искусство поддерживать свою энтропию на низком уровне. С этой задачей прекрасно справляются и одноклеточные, причем в эволюционном плане они преуспели гораздо больше нас. Залог успеха – именно во взаимодействии всех составляющих организма между собой и со своей средой. В основе своей это не алгоритмический процесс. Мы живём и мыслим во многом благодаря разрушительному и беспорядочному физическому трению о среду, а также внутреннему трению. Живое потому и является живым, потому и способно мыслить и действовать, что балансирует на грани порядка и хаоса. То же происходит и в информационном плане: информационного шума в каждой клетке, в каждом нейроне, в мозгу гораздо больше, чем самой информации, и чтобы ее из этого шума извлечь, необходим весь предшествующий эволюционный и личный опыт вкупе с самой средой, с физическим миром. А гены, то есть «хард», при этом только посредничают.

С машиной всё иначе. «Софт», алгоритм, который человек изначально и пишет (а кто же еще?) можно вставить в один «хард», потом в другой – неважно, главное, чтобы он мог прочесть и выполнить этот алгоритм. Заложённая в нем информация должна быть однозначной, и ее физическая основа в этом смысле не только не принципиальна, но и вредна – как только трение с окружающей средой достигнет определенного уровня, машина сломается,

а алгоритм превратится в шум. Эту мысль замечательно доносит Терренс Дикон в своей книге “Incomplete Nature” [8].

К похожему выводу можно прийти, если посмотреть на особенности человеческого мышления с нейрофизиологической и просто физиологической точки зрения. Тогда получится (по крайней мере, я так считаю), что **мы не только думаем всем телом, но и, более того, именно тело подсказывает неокортексу решение задач, которые требуют не алгоритмического, а эвристического подхода.** При этом сбором и обобщением информации от организма занимается наш эмоциональный мозг, и он же и сигнализирует неокортексу о том, что решение найдено. А неокортекс, который замечает только себя, себе же и приписывает все заслуги.

С.-Б.: *Обычно попытки применения машинного «мозга» встречают больше сопротивления в творческих областях (искусство, литература), чем в области точных наук. Следует ли из вашей теории, что создание роботоматематиков несколько не проще, чем создание роботомкомпозиторов или поэтов?*

А.С.: Если говорить о решении алгоритмических задач, то все мы давно и успешно пользуемся услугами искусственного интеллекта. А что касается эвристики, то специалисты уже поняли, что робот без тела успешным не будет. Насколько я знаю, роботика продвигается именно в этом направлении. Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что уровень мышления зависит от уровня сложности организма во всех отношениях, не только от сложности его строения, но и в плане физической и эмоциональной организации. Поэтому для того, чтобы мышление было человеческим, нужен сопоставимый с человеческим организм. **Чтобы думать по-человечески, надо испытывать человеческие чувства, и в математике это ещё важнее, чем в литературе.** А чтобы испытывать человеческие чувства, нужен человеческий организм или очень похожий. Я не представляю, как это можно сделать в обход эволюции. Хотя, может быть, я ошибаюсь.

Интервью провела Анна Алексеевна Сидорова-Бирюкова

Литература

1. *Свердлик А.Г.* Как эмоции влияют на абстрактное мышление и почему математика невероятно точна. М.: УРСС, изд. 2, дополненное, 2020. (A. Sverdlik. How Our Emotions and Bodies are Vital for Abstract Thought: Perfect Mathematics for Imperfect Minds. Taylor&Francis, Routledge, London, 2018. Translated by Shelley Fairweather-Vega).
2. *Мах Э.* Механика. Историко-критический очерк ее развития. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2000.
3. *Раиеский П.К.* О догмате натурального ряда // Успехи математических наук. 1973. Т. 28. № 4 (172). С. 243–246.
4. *Владимиров Ю.С.* Принцип Маха и метрика пространства-времени // Метафизика. 2020. № 2 (36). С. 8–27.
5. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках. Лекция в честь Рихарда Куранта, прочитанная 11 мая 1959 г. в Нью-Йоркском университете. УФН, март 1968.
6. *Lakoff G., Nunez R.* Where mathematics comes from: How the embodied mind brings mathematics into being. Basic Books, 2000.

7. Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. ЛКИ, 2008.
8. Terrence W. Deacon. Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter. W.W. Norton & Company, 2013.

PERFECT MATHS FOR IMPERFECT MINDS: A NEUROSCIENCE INSIGHT

Interview with Anna Sverdlik

Abstract. How emotions are related to abstract thought and why mathematics is incredibly accurate, how the cerebral cortex is arranged, why its possibilities are limited, and how emotions, complementing the cortex activity, allow human brain to make scientific discoveries – these questions discussed in [1] are the subject of our interview with the author, psychiatrist Anna Sverdlik. This book is Intended for anyone who is interested in the nature of abstract thought, especially mathematicians, physicists, computer scientists, psychologists, and psychiatrists. Written in clear pedagogical style, it gives a deep insight into the physiology of abstract thought and offers some new interpretations of recent neuroscientific data.

Keywords: abstract thought, neuroscience, cognition, perfection of mathematics, artificial intelligence

Interview was conducted by Anna Alekseevna Sidorova-Biryukova

МИР МНОЖЕСТВ КАК ЗЕРКАЛО КЛЮЧЕВЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

С.А. Векшенов

*Российская академия образования
Российская Федерация, 119121, Москва, Погодинская улица, 8*

Аннотация. В статье сделана попытка осмыслить мировоззренческие парадигмы, основанные на диалектике понятий «часть» – «целое», с одной стороны, и «время» – «вечность» – с другой. Эти парадигмы реализуются в богословских концепциях, математических теориях и социальных доктринах. Наибольшую остроту имеет именно социальное воплощение этих парадигм. Анализируя мир множеств и его более широкий контекст неоплатонизма, можно сформулировать гипотезу о глубинных коллизиях ведущей доктрины современного социума и возможных путях разрешения этих коллизий.

Ключевые слова: множества, мировоззренческие парадигмы, диагональный метод, социум.

Введение

Сформулируем парадоксальный вопрос: что общего между командой присваивания в программировании и инфляцией? Казалось бы, содержательный ответ на такой вопрос невозможен. Программирование – это область информатики и отчасти математики, а «инфляция» – социально-экономическое явление. Каждая из этих областей живет своей внутренней логикой, без видимых точек глубинного пересечения.

В действительности, и команда присваивания, и инфляция, если отбросить все сопутствующие элементы, реализует одну и ту же идею: разделение имени объекта и самого объекта, что открывает возможность их совместного, но автономного существования.

Подобный, далеко не единственный, пример подсказывает общую мысль: количество фундаментальных идей, которые бродят в человеческих головах, существенно меньше их реализаций. Это дает возможность сделать следующий шаг: анализируя конкретный феномен, можно выделить некие мировоззренческие парадигмы, для которых данный феномен выступает реализацией, проследить логику их развития и распространить ее на другие реализации. При этом можно придерживаться своеобразного принципа «не локальности» – области реализации могут отстоять друг от друга как угодно далеко в плане логических и причинно-следственных связей. «Дух Божий дышит, где хочет» (Ин. 3, 8).

Опираясь на высказанные соображения, рассмотрим конкретную интеллектуальную конструкцию, занимающую особое место в математическом универсуме, и сделаем ее отправной точкой для выходов в иные, не связанные с математикой области. Речь идет о теоретико-множественной концепции, *Mengenlehre* (учение о множествах), как называл ее создатель Г. Кантор.

Множества являются почти идеальным инструментом обустройства математического мира, который, по выражению великого математика XX в. Д. Гильберта, становится подобен раю. Но не только соображениями удобства объясняется приверженность математиков множествам. Сегодня «теория множеств» – это больше, чем математическая теория, больше, чем основания математики. Она сама математическая цивилизация, «мировой математический порядок», своеобразная доктрина Монро от математики, запрещающая или, во всяком случае, морально ограничивающая всякую внетеоретико-множественную деятельность. «Математика, основанная на канторовской теории множеств, превратилась в математику канторовской теории множеств», – подвел итог этой экспансии выдающийся чешский математик П. Вепенка.

Все эти моменты могли бы остаться предметом дискуссии специалистов в области оснований математики, если бы не одно обстоятельство. Теория множеств оказалась исключительно удачно средой «высевания» и взращивания идей, которые выплеснулись в социум и стремительно преобразуют его к «новому мировому порядку», уже не только математическому. Разумеется, авторство этих идей теряется за горизонтом человеческого понимания. Но можно предположить, что неведомый автор, прежде чем преобразовать мир по одному ему известному замыслу, поставит некий локальный эксперимент и «проиграет» всю будущую «пьесу» в упрощенном, модельном, ключе. Эту модель можно попытаться осмыслить и, возможно, найти ей разумную альтернативу.

Чрезвычайную эффективность *Mengenlehre* как модельной среды можно объяснить предельным заострением одной из самых глубинных проблем европейского менталитета: отношение части к целому, индивидуума к универсальному. Под этим углом зрения мы и попытаемся посмотреть на эту концепцию.

Во-первых, заметим сразу, что здесь есть определённая тонкость. *Mengenlehre* есть, с одной стороны, создание одного человека – Георга Кантора, с другой – собственность математики. Их взгляды на неё хотя и схожи, но далеко не тождественны. Поэтому в анализе концепции множеств мы с надлежащим уважением отнесёмся к обеим сторонам.

С этой поправкой выскажем следующее общее предположение: «*Mengenlehre* есть одна из форм неоплатонизма». Попытаемся в общих чертах конкретизировать этот тезис.

Согласно учению неоплатоников – Плотина, Порфирия, Прокла и др. (III–V в. Р.Х.) – существенны четыре основных уровня бытия:

Единое;
Ум;
Душа;
Космос.

Эти уровни связаны иерархией подчинения. Общая схема этого подчинения выглядит примерно так.

Зададим вопрос, откуда происходит движение в Мире физических тел. Очевидно, от воздействия других тел, а те, в свою очередь, от воздействия третьих и т.д.

Перебрав все тела, можно задать тот же вопрос обо всех телах в целом, то есть о Космосе. Ясно, что причиной движения Космоса является он сам, то есть Космос обладает свойством самодвижения. Это свойство и есть Душа – более высокий уровень, чем Космос.

Далее можно применить тот же ход рассуждения к Душе. Тела движутся Душой, но по каким законам движется Душа? Каков смысл этого движения? Неоплатоники отвечают – Ум. Ум – это принцип универсального осмысления, устройства и закономерностей. Снова можно сформулировать вопрос о происхождении Ума. Поскольку Ум предполагает отдельное мышление, его высшим принципом будет Единое.

В эту в целом общую для неоплатоников конструкцию Прокл (V в. Р.Х.) ввел дополнительную область Чисел. Каждое такое число, с одной стороны, не отражает никакого конкретного качества и, следовательно, подобно Единому. С другой стороны, всякое число есть некоторое различие, то есть нечто аналогичное неоплатоновскому Уму.

При таком подходе одной из центральных проблем философии неоплатоников становится взаимоотношение «единого» и «многого».

Воспроизведём фрагменты разработки этой проблемы из трактата Прокла «Первоосновы теологии» (пер. А.Ф. Лосева):

1. «Всякое множество тем или иным образом причастно Единому.
2. Всё причастное Единому едино и не едино.
3. Всякое становится Единым в силу причастности Единому.
4. Всё объединённое отлично от того, что Едино в себе.
5. Всякое множество вторично по сравнению с Единым.
6. Всякое множество состоит или из объединённостей или из единичностей.
7. Всё потенциально сущее происходит от актуально сущего.
8. Всякое множество беспредельных потенций зависит от одной первичной беспредельности, которые существуют не как потенция, допускающая причастность себе и не обладающая потенцией, а сама по себе, будучи не потенцией чего-то причастного, а причиной всего сущего...» [12].

Даже приведенный беглый абрис основных идей неоплатонизма не оставляет сомнения в исключительной близости к ним исходных идей теории множеств.

Например, построение ординальной шкалы имеет несомненную идейную основу с приведенной выше схемой подъема от Космоса к Единому.

Числа же, промежуточные между Единым и Умом, могут быть интерпретированы как неограниченная шкала мощностей. Приведенный же фрагмент трактата Прокла, вообще, производит впечатление пособия по теории множеств, включая парадокс Рассела (п. 2).

Общий вывод из всего вышесказанного вполне очевиден. *Mengenlehre* – это математическая форма платонизма (более точно – неоплатонизма), самостоятельно и оригинально разработанная Г. Кантором.

Этот факт хорошо известен специалистам, занимающимся наследием Г. Кантора (В.Н. Катасонов и др.), которое приводит и более тонкие параллели этих двух концепций. Заметим только, что столь яркий «теоретико-множественный» трактат Прокла и упоминается в этой связи не так часто.

Во-вторых, кроме собственно математического и философского содержания *Mengenlehre* несет в себе конкретную мировоззренческую парадигму, которую можно усмотреть еще в Книге Премудрости Соломона: «Ты все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11.21), разумея при этом миропорядок, заданный самим Творцом (в работах Кантора есть прямая отсылка к этому тезису). В этом смысле понятие множества (*Menge*) воспринимается как инструмент реализации этого замысла: всякий математический объект можно трансформировать в множество, само же множество соотносится с конкретным количеством – кардинальным числом. При этом происходит тотальное урезание спектра смыслов математического объекта и низведение их до смысла количества. Например, всякое натуральное число изначально мыслилось как единство количества и порядка («семь» и «седьмой»), однако при теоретико-множественном подходе такая двойственность исчезает. Число «семь» представляется множеством, состоящим из семи элементов. Что касается порядковой составляющей, то она тоже видится множеством, но уже упорядоченным.

Самым главным (если не единственным) результатом *Mengenlehre* является выстраивание иерархии количеств:

$$0, 1, 2 \dots n, \dots \aleph_0, \aleph_1, \aleph_2 \dots \aleph_\lambda \dots$$

Конечные количества сравнимы между собой и они образуют самый нижний уровень иерархии. Количество \aleph_0 – это нечто совершенно иное. Оно поглощает в себя всякое конечное количество и «может с ним не считаться». Однако количество \aleph_0 «вынуждено считаться» с количеством \aleph_1 , но не обратно и т.д.

В этой иерархии фактически реализованы две уже названные мировоззренческие парадигмы: идея иерархии, распространяемой на все сущности, и идея количества, которая присуща всем без исключения сущностям. Таким образом, мир математических объектов был подведен под множественное, количественное, основание и упорядочен по количественному принципу.

Весь этот строй мыслей мог бы остаться в рамках математики, но внимательный взгляд позволяет увидеть, что этот строй с удивительной точностью и полнотой реализуется в окружающем мире. Разумеется, здесь нет прямой причинно-следственной связи. Калькулятивность всегда составляла весомую

часть европейского менталитета, но все же не имела статуса единственной универсальной ценности. Математика стала идеальным полем, где эта часть впервые стала целым.

Чтобы распространить идею универсальности количества на всю интеллектуальную, а затем и социальную сферы, нужен некий механизм трансляции. Такой механизм явно оформился в 1921 г. в рамках «Логико-философского трактата» (*Tractatus logico-philosophicus*), хотя его автор, Л. Витгенштейн, преследовал существенно иные цели.

«Трактат» – сложное сочинение, а его автор, безусловно, выдающийся мыслитель. Проследить за всеми поворотами этого судьбоносного сочинения чрезвычайно трудно и в данный момент вряд ли нужно. Нам лишь необходимо понять (хотя бы в начальном приближении) механизм замены реального мира некой системой артефактов, базисом которых является идея множества. Приведенная ниже последовательность тезисов, извлеченная из «Трактата» дает представление о таком механизме.

1. *Die Welt ist die Gesamtheit der Tatsachen, nicht der Dingen* (Мир – совокупность фактов, а не вещей).

2. *Die Welt zerfällt in Tatsachen* (Мир распадается на факты).

3. *Der Sachverhalt ist eine Verbindung von Gegenständen (Sachen, Dingen)* (Атомарный факт есть соединение объектов).

4. *Der Gegenstand ist einfach* (Объект прост).

5. *Wenn ich den Gegenstand kenne, so kenne ich auch sämtliche Möglichkeiten seines Vorkommens in Sachverhalten. (Jede solche Möglichkeit muss in der Natur des Gegenstandes liegen.) Es kann nicht nachträglich eine neue Möglichkeit gefunden werden* (Если я знаю объект, то я также знаю все возможности его вхождения в атомарные факты. (Каждая такая возможность должна заключаться в природе объекта.) Нельзя впоследствии найти новую возможность).

6. *Die Gegenstände bilden die Substanz der Welt. Darum können sie nicht zusammengesetzt sein* (Объекты образуют субстанцию Мира. Поэтому они не могут быть составными).

Суть этих тезисов можно усмотреть в следующем.

Витгенштейн отходит от эмпирически данного мира и уходит в мир логики, которая оперирует с фактами (*Tatsachen*), а не предметами (*Dingen*). В соответствии с общим принципом редукционизма среди фактов можно выделить простейшие, атомарные, факты. Для этого Витгенштейн использует слово *Sachverhalt*, которое буквально означает «положение вещей». Ситуацию проясняет английский перевод 1922 г. (с предисловием Б. Рассела), где термин *Sachverhalt* переводится как *atomic fact*. Далее возникает принципиально важное понятие «объекта» (*Gegenstand*). Вопреки традиционному толкованию *Gegenstand* означает не объект внешнего мира, а указывает на некоторый объект языка, который может входить в атомарный факт (в формальном языке такой объект называют «константой»). Этот объект не имеет составных частей (*Gegenstand ist einfach*). Вместе с тем эти объекты образуют некую субстанцию рукотворного Мира (*Substanz der Welt*). Все это позволяет отождествить *Substanz* с множеством.

Данный вывод практически неизбежен, если принять основную концепцию «Трактата». Сами по себе факты и язык в целом не могут существовать вне интерпретации. Если отказаться от реального мира, то неизбежно возникает некий виртуальный мир, созвучный структуре языка. В этом случае «субстанция» – это то, на что можно «навешивать» предикаты и образовывать «атомарные факты».

Названная созвучность языка и субстанции реализована, в частности, в теореме К. Гёделя о полноте исчисления логики предикатов первого порядка: всякая выводимая в логике первого порядка формула истина. Теорема Гёделя является тривиальным следствием теоремы о существовании моделей (также доказанной К. Гёделем): каждое непротиворечивое множество формул имеет модель. При этом слово «модель» не должно вводить в заблуждение – эта модель не имеет отношение реальному миру в любом его понимании. В доказательстве Гёделя модель строится из констант языка, объединенных в множества. В этом случае слово «модель» становится «обманкой», скрывающей доминирование языковых структур, которые берут на себя функцию реальности.

Идея структурности оказалась притягательной и конструктивной. Структурные концепции и вытекающие из них результаты посыпались как золотые монеты из пиратского сундука: программа Бурбаки в математике, структурализм в литературе (вдохновляющим результатом на этом пути стала работа В. Проппа «Морфология сказки» 1928 г.), теоретико-групповой подход в физике и многое другое. Влияние этого подхода можно проследить вплоть до 60-х гг. XX в.

В этом месте стоит задать метафизический вопрос: каков глубинный смысл структурного подхода? Ведет ли он к пониманию сути вещей? Вопрос корректный, поскольку структурность оформилась в рамках автономности языка от внешнего мира.

Ответ на этот вопрос далеко не однозначный.

Безусловно, с одной стороны, структурный подход очень многое открыл в природе вещей. С другой – довольно быстро стала вырисовываться некая скрытая пружина языковых конструкций, которая постепенно заняла доминирующее положение. Речь идет о понятии алгоритма, которое стало приобретать современное толкование именно в рамках формальных структур. Точнее, интуитивное понятие алгоритма, известное еще Аль-Хорезми, стало приобретать черты формализма: «машины Тьюринга», «частично-рекурсивных функций», «алгорифмов Маркова» и пр. Это открывало следующий, принципиально важный шаг структурной идеологии: многие структуры оказались алгоритмическими. С началом компьютерной реализации алгоритмов открылись почти безграничные возможности не только «машинного» осуществления этих структур (примером может служить язык Prolog – Programming in logic), но и генерации новых структур, что уже ведет к концепции так называемого «искусственного интеллекта».

Отвлекаясь от весьма интересного математического контекста структурализма, можно более определенно сформулировать его предполагаемую

сверхзадачу: создание некой альтернативы реального мира, мира «фактов» и виртуальных вещей. Эту тенденцию можно отчетливо проследить по направлениям развития IT-сферы. Нарастивание оперативной памяти, быстродействия компьютера, совершенствование видеокарт имеет целью добиться максимального сходства между управлением виртуальных и реальных объектов. Никаких принципиальных отличий в поколениях Windows не наблюдается, но разнообразные компьютерные миры становятся более реалистичными.

Зачем человеку «виртуальное» пространство, когда его окружает неисчерпаемость реального мира? Зачем создавать «искусственный интеллект», если возможности человеческого интеллекта, как утверждают психологи, практически не ограничены? Вероятно, существуют некие метафизические основания, почему человек так стремится к искусственному миру, создавая на пути глубокие интеллектуальные построения.

Обратимся к «Фаусту» И.В. Гёте, который вобрал в себя, кажется, весь спектр мыслей, характерных для европейского менталитета:

*Ein großer Vorsatz scheint im Anfang toll;
Doch wollen wir des Zufalls künftig lachen,
Und so ein Hirn, das trefflich denken soll,
Wird künftig auch ein Denker machen.*

*Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный,
Мыслителя искусственно создаст.*

(Перевод Б. Пастернака)

Такие мысли, да еще облеченные в стихотворную форму невозможны, скажем, у А.С. Пушкина, которого волновали совершенно иные проблемы бытия.

Суть вопроса, как представляется, во многом прояснил М. Хайдеггер.

В небольшой работе «Вопрос о технике» (*Die Frage nach der Technik*) Хайдеггер вводит понятие «Постава» (*Gestell*) как способа раскрытия потаенного, суть которого состоит в «поставке» человеку не только отдельных предметов и артефактов, но и всей природы в целом. Можно предположить, что логическим завершением этого желания является «поставка» человеку (или некоторым людям) всего наличного пространства. На момент выступления Хайдеггера 18 ноября 1953 г. в Главной аудитории Мюнхенского высшего технического училища, которое легло в основу названной работы, эта мысль казалась абсурдной. Сегодня цифровые технологии позволили практически полностью все унифицировать, структурировать, упорядочить и «расположить весом, числом и мерою». Следует отметить, что такое переформатирование мира было бы невозможным без участия ментально подготовленных, воспитанных на диалектике людей, своего рода виртуозов виртуальности.

Попробуем теперь увидеть, куда заводит стремление подчинить себе бытие.

Очевидно, что происходящее отделение человека от мира реальности несет в себе глобальные риски, угрожающие существованию самой человеческой цивилизации. Эти эсхатологические мотивы становятся абсолютной доминантой практически всех размышлений, связанных с современным социумом. Эти размышления, в силу разнообразных причин (в том числе и психологического плана), затушевываются и никак не участвуют в принятии жизненно важных решений.

Однако ситуация такова, что эти глобальные риски должны быть сформулированы в явном виде. Попытаемся это сделать.

Наиболее очевидные риски, по нашему мнению, таковы.

1. Утрата творческого начала и замена его технологиями. Это относится и к отдельному человеку, и ко всему обществу.

Как известно, еще И. Кант разделял аналитические и синтетические суждения. Только суждения о реальности, синтетические суждения, несут информацию. Если внешнего мира нет, а есть только «факты», суждения превращаются в тавтологию (это хорошо понимал еще Л. Витгенштейн). Текущую ситуацию спасают масштабы: объем тавтологий и очевидностей столь велик, что поверхностный взгляд видит в нем некое содержательное многообразие, которого в реальности нет.

Современный социум насквозь технологичен, что является абсолютно неизбежным при сокращении контактов с реальным миром: если человек не ориентируется в окружающем мире, он может действовать только по заранее заданной (кем-то) схеме (*How to do X*). Предполагается, что этот «кто-то» знает суть вещей. А если не знает?! Так или иначе, но само понятие «технологии» (и родственное ему понятие «проекта») давно вышло за рамки производственной сферы и стало стереотипом, под который подверстывают все социальные начинания. Появление же технологий искусственного интеллекта, которые составляют идейный стержень четвертой промышленной революции, можно рассматривать как «последние технологии», призванные технологизировать саму творческую природу человека.

Утрата творчества в масштабах цивилизации – угрожающий симптом, о котором не имеет смысла говорить вскользь. Об этой фундаментальной проблеме размышляли многие: философы Н.А. Бердяев, В.Н. Тростников, выдающийся исследователь позднего Рима и Византии Ф.И. Успенский и многие другие.

2. Замена человека его информационным образом («личностью онлайн»), что ведет к его «расчеловечиванию», деформации самой природы человеческой личности.

Общеизвестно, что замена реального объекта его мобильным эквивалентом очень удобна для коммуникации и деловой сферы. Но также известно, что в конечном итоге она приводит к глобальным экономическим и социальным потрясениям, вызванным как раз несоответствием материальных объектов и их мобильных заменителей (денег, акций и пр.). При этом, однако, всегда существовали творческие личности, способные вывести страну и мир из очередного кризиса, порожденного деятельностью глобальных игроков. Если

человек превращается в информационный образ (а дело идет именно к этому), личности, способной трезво оценить ситуацию и принять решение, не будет существовать в принципе.

Названные угрозы были гениально предвидены Хайдеггером еще в самом их зарождении. В уже упомянутой работе *Die Frage nach der Technik* он говорит ровно следующее: «*Die eigentliche Bedrohung hat den Menschen bereits in seinem Wesen angegangen. Die Herrschaft des Ge-stells droht mit der Möglichkeit, daß dem Menschen versagt sein könnte, in ein ursprünglicheres Entbergen einzukehren und so den Zu spruch einer anfänglicheren Wahrheit zu erfahren*» (Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство правила кадра грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины) [14].

3. *Картину исчезающей реальности и выход на авансцену предельно формализованной сущности, призванной заменить эту реальность, можно сравнить с апокалиптическими полотнами У. Тёрнера. Парадоксально, но эта картина проглядывала уже в Mengenlehre. В связи с этим попробуем еще раз вернуться в мир множеств и увидеть в нем иные, более оптимистичные мотивы.*

Мысль ортодоксальных последователей Г. Кантора о сведении математического универсума к миру множеств сродни желанию понизить температуру окружающей среды до абсолютного нуля. Именно в этих условиях прекращается всякое движение и можно корректно говорить о «множествах» и их «элементах».

Во всех иных случаях необходимо иметь дело с более или менее интенсивным движением, а следовательно, с понятием времени, длительности. Теоретико-множественная картина – это лишь желаемое умственное построение, реальное содержание которого весьма проблемно. Концепция Кантора, как тонко заметил П. Вopenка, просто перемещает идею движения, идею потенциальной бесконечности на более высокий уровень неограниченной шкалы мощностей («потенциальная супербесконечность»).

Однако настоящим откровением, строго говоря, фатальным для всей концепции множественного универсализма, стал диагональный метод. В простейшем случае он звучит так: собрав в единое множество все действительные числа, мы можем особым образом указать новое действительное число, которое невозможно обнаружить до того, пока все действительные числа не объединены в множество. В метафизическом плане это означает, что, расположив всё «весом, числом и мерою», адепты всеобщего порядка одновременно запускают механизм, который сводит этот порядок на «нет».

Что касается собственно математической судьбы диагонального метода, то она достаточно интересна и содержательна. Как известно, именно диагональный метод лежал в основе теорем Гёделя о неполноте, которые принципиально ограничивали притязания формализма. Имеются и другие, не менее впечатляющие применения этой конструкции, причем в различных областях математики.

Достаточно долгое время диагональный метод трактовался в духе его первооткрывателя – Георга Кантора – как метод доказательства несчетности множества действительных чисел (и более общих утверждений). Однако в 1959 г. О. Беккер [2] обратил внимание на иную, процессуальную трактовку диагонального метода (позднее схожие аргументы высказал А.А. Зенкин). Стало очевидным, что диагональный метод высвечивает принципиальный дефект теоретико-множественной концепции – невозможность «поймать в свои сети» время. Идея времени и связанная с ней идея порядка деформируют всю теоретико-множественную идеологию. В частности, рассмотренная выше кардинальная шкала приобретает совершенно иной смысл. Действительно, с ортодоксальной множественной точки зрения шкала количеств: $0, 1, 2, \dots, n, \dots, \aleph_0, \aleph_1, \aleph_2, \dots, \aleph_\lambda \dots$ – это настоящая «лестница в небо» в капиталистическом духе: малое накопление переходит в состояние, от миллионов переходят к миллиардам, от миллиардов к триллионам... С точки зрения времени, все иначе: в порядковом смысле $\aleph_\lambda + 1 \neq \aleph_\lambda$, хотя в плане количества кардинал \aleph_λ , естественно, поглощает 1 . Таким образом, в порядковом смысле среди этих чисел нет никакой иерархии, кроме естественного порядка следования, в чем можно увидеть намек на совершенно иное миропонимание, в котором идея количества теряет свое доминирование.

Это, в свою очередь, говорит о том, что идея «мирового порядка», в любом ее проявлении, несет в себе внутренний механизм, разрушающий этот порядок, поскольку именно тотальная каталогизация порождает нечто ей неподвластное.

4. Вернемся к времени расцвета неоплатонизма и попытаемся увидеть там истоки тех тенденций, которые высветил диагональный метод.

Неоплатонизм – не просто влиятельная философская концепция III–V вв. Р.Х. Она создавалась как альтернатива нарождающемуся христианскому мировоззрению.

Вместе с тем категории неоплатоновской философии послужили основой не только для философии Плотина и его последователей, но и сделались общепринятым языком христианского богословия. При таком единстве исходных понятий задача богослова, балансирующего на грани «Афины – Иерусалим», оказалась исключительно сложной.

Идея актуальной бесконечности, вместе с другими категориями платонизма и неоплатонизма, просочилась в богословские трактаты, в частности в сочинения Николая Кузанского, которые сыграли выдающуюся роль в формировании теоретико-множественной концепции. При этом *Mengenlehre*, как и вся концепция неоплатоников, совершенно сознательно уходит от идеи времени.

С точки зрения платоновской философии реально существуют только вечные идеи, и время есть лишь тень вечности. Что касается Мира видимого, то главная его ценность заключается, по мнению платоников, в законообразности и симметрии пространственной структуры. Поэтому их Мир – это «Космос» в его изначальном понимании (*κοσμος* – «украшение», «убранство», «стройность»). Разумеется, это не значит, что античность вовсе не

знала понятия времени. Не случайно греческое слово *Χρονοξ* (время) однозвучно со словом *Κρονοξ* – древнейшим божеством, породившим Мир.

Однако в полном объеме понятие времени было прочувствовано, начиная с библейских текстов. Замечательный филолог и разносторонний мыслитель С.С. Аверинцев говорит об этом следующее: «Древняя история восточного Средиземноморья выявила и другую мыслительную возможность, резко контрастирующую с эллинским умонастроением. Эта возможность воплощена в библейской традиции мистического историзма, мир Библии – это не «космос», а «олам», по-гречески «эон» (αιων), то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи или мир как история» [1].

Сформулированное миропонимание нашло свое логическое продолжение в творениях св. Максима Исповедника (580-668 Р.Х.) – одного из самых выдающихся христианских богословов и отцов Церкви.

Согласно его учению, сотворение Мира есть динамический процесс, происходящий в согласии с Божественной волей. Этот процесс состоит из трёх стадий: во-первых, «пуска в ход», генезиса – начала осуществления видимого Мира; затем развёртывания – свободной реализации всех Божественных идей, кинезиса и, наконец, стабильного состояния, статиса, «успокоения» в Боге.

«Начало всего естественного движения состоит в “пуске в ход” сотворения существ и начало этого “пуска в ход” положено Богом-Творцом (генесиургос). Целью естественного движения сотворённых существ является неподвижное состояние. Это состояние происходит от Бесконечного и достигается путём выхода из всего конечного; вследствие отсутствия пространства в нём по естественным причинам прекращается движение существ... Бог есть начало (архи) и конец (телос) всякого возникновения и движения: они исходят из Него, стремятся к Нему и в Нём обретают свою неподвижность» [10].

В этой концепции уже нет места неоплатонистской идее вечного предсуществования Мира, согласно которой не только идеальные образы Мира, но и сам Мир предвечно существуют в божественном сознании, в Едином. Для св. Максима такое представление об устройстве Мира невозможно: Бог сотворил как видимый, так и невидимый Мир из Ничего. В отличие от неоплатоников у Максима идея Мира от века коренится в бытии Бога, но не является его сущностью.

Возникает вопрос: можно ли поместить эту богословскую схему в формализованные рамки и сделать предметом концепции, которая составляла бы полновесную альтернативу *Mengenlehre*? Оказывается, названной схеме можно придать точный математический смысл и описать в соответствии с этой схемой процесс генерации континуума. Заметим, что именно построение континуума было сверхзадачей *Mengenlehre*.

Несколькими штрихами обрисуем необходимую логику.

В третий раз рассмотрим кардинальную шкалу:

$$0, 1, 2, \dots, n, \dots, \aleph_0, \aleph_1, \aleph_2, \dots, \aleph_2.$$

Мы не можем завершить ее в количественном плане – этому мешает парадокс Бурали Форти (как заметил еще Макс Вебер, всякое накопление

богатства обречено на «дурную бесконечность»). Однако в аспекте времени можно образовать объект Ω , который обладает тем свойством, что результат всякого шага после Ω совпадает с Ω . Именно Ω можно отождествить с «эоном». «Эон, – говорит Максим Исповедник, – это неподвижное время, тогда как время – это эон, измеряемый движением». Примечательным является чисто математический факт: Ω оказывается дальше, чем любое, сколь угодно большое количество: $\Omega > \aleph_\lambda$. Таким образом, Ω можно мыслить как полное завершение времени.

Континуум, пространство, образуется тогда, когда Ω , то есть нечто неопостижимое человеческим разумом и воображением, само для себя ставит ограничение числом \aleph_0 , превращая линейное движение в процесс неограниченных отражений (именно в таком отражении есть суть диагональной процедуры, о которой шла речь выше).

Процесс генерации пространства в этом случае выглядит так.

Вначале время находится в состоянии «неподвижного движения», то есть ситуации, когда результаты движения тождественны между собой, и представляет собой «эон». Далее время приобретает видимое движение и создает видимый Мир. Этот этап начинается с порождения пространства, которое вмещает всё сущее. Это может происходить путём его отражения от границы \aleph_0 . Время сгущается, теряет атрибуты движения и превращается в среду непрерывности, континуум.

Этому процессу образования пространства хорошо соответствует образ перекрытой плотиной реки, когда её текущие воды оборачиваются неподвижным зеркалом. При этом, очевидно, движение никуда не уходит, а только переносится в более глубокие слои. Это значит, что пространство как таковое находится в движении, которое видимым образом проявляется только в его удалённых частях.

В этой модели Время (на сам деле «Вечность») является абсолютным Господином пространства. Несмотря на постоянное расширение пространства, Время, одним инфинитным по отношению к этому расширению шагом, может разрушить пространство, низведя его до начальной «сингулярности» («против плотины»). С точки зрения всего сущего в этом пространстве – это последняя катастрофа, Апокалипсис. Но с точки зрения Времени вся ситуация ординарна. Просто прекратило существование одно из порождённых им пространств – Вселенных. Но Время всегда может породить новое пространство и новую вселенную. Возможно, так было уже не раз, и разбросанные по миру мегалитические сооружения – это лишь прошлые свидетельства человеческих притязаний, тщетно пытавшихся все обустроить «весом, числом и мерою».

Заключение

Предыдущие рассуждения, как нам видится, дают представление о двух существенно различных мировоззренческих парадигмах, основанных на диалектике: «части» и «целого», «времени» и «вечности».

Эти парадигмы реализуются в богословских концепциях, математических теориях и социальных доктринах. Другой, может быть больший, интерес представляет их реализация в образе мыслей, поведении и миропонимании, которые традиционно связывают с менталитетом.

Идея порядка, в той или иной форме, безусловно, присутствует в любом строе мыслей – важно, как она представлена и в какой пропорции. В миропонимании, которое условно можно назвать «западноевропейским менталитетом», идея организации по принципу: «часть – целое» является доминирующей. На сегодняшний день все основные следствия этой идеи, так или иначе, себя проявили, о чем речь шла выше. Сама же идея, по-видимому, уже внутренне «выгорела», но, тем не менее, сила инерции у неё еще очень велика. Именно на излете своего существования она может причинить наибольшие разрушения.

Полноценной альтернативой менталитету, построенному на диалектике «часть – целое», где в конечном итоге целое поглощает все «части», видится миропонимание, основанное на идее «времени и вечности».

Казалось бы, от этих абстрактных понятий до конкретных, значимых для человека формул очень далеко. Оказывается, нет, всего один-два шага. Тонкий анализ этих шагов можно найти в статье В.И. Постоваловой [11].

Более того, как утверждает выдающийся филолог В.Н. Топоров, начиная с 40–х гг. XI в. и до начала XII в., были сформированы три фундаментальные идеи-формулы, которые стали фундаментом русского самосознания:

- святость как высший идеал нравственного поведения, упование на ценности, которые «не от мира сего»;
- единство во времени и в духе, то есть ориентации на некий единый духовный образец;
- единство в пространстве и в сфере власти как наиболее представительного выразителя названного образца [13].

Ключевым сочинением, на которое опираются эти формулы, является «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона (середина XI века). За всеми этими формулами можно увидеть синергию «времени» и «Вечности».

Выход «из мира сего» – это прикосновение к Вечности, к ней же устремляются все конечные движения. Пространство в этой концепции не самодостаточно, а порождается «сгущением» времени. Источник этого сгущения – некий идеальный пространственный объект, к которому тяготеют все конечные объекты пространства.

Общий итог

В окружающем нас мире идейно и фактически реализовалась парадигма, основанная на диалектике «части» и «целого». Логика развития этой идеи ведет, как сейчас уже видно, к полному поглощению любой «части» «целым». Конкретные социальные формы такого поглощения также уже вполне осязаемы.

Вместе с тем реализация идеи тотальной целостности невозможна в принципе. Всякие интегративные процессы одновременно запускают внутренние механизмы, разрушающие эту интеграцию. В этом можно усмотреть действие более мощных сил, которые названная выше парадигма целенаправленно игнорирует. Созданное тем самым противоречие ведет мир к всеобщему коллапсу.

Разрешение коллапса возможно при переходе к парадигме, основанной на диалектике «времени» и «вечности». Механизмы, которые транслируют эту парадигму в социальную сферу, существуют и вполне конструктивны.

Вопрос состоит в том: где, когда и как будет осуществлен поворот и будет ли на то Высшая воля.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
2. *Bekker O.* Grose und Grenze der Mathematic den Queise Freiburg. Munchen, 1959.
3. *Witgenchtein L.* Logisch – philosophische Abhanglung / рус. пер. Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
4. *Ворёнка P.* Mathematics in the alternative set theory. Leipzig, 1979 / рус. пер. П. Вopenка. Математика в альтернативной теории множеств. М.: Мир, 1983.
5. *Gödel Kurt.* Die Vollständigkeit der Axiome des logischen Funktionenkalküls // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1930. 37. P. 349–360.
6. *Goethe J.W.* Faust. Eine Tragödie. URL: <https://www.weblitera.com/title/?id=143&l=ru&lng=3> (accessed: 21.11.2020).
7. *Кантор Г.* Mitteilungen zur Lehre vom Transfinitum / рус. пер. К учению о трансфинитном. Труды по теории множеств. М., 1985.
8. *Катасонов В.Н.* Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М., 1999.
9. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
10. *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. Весть: Вильнюс – Москва, 1992.
11. *Постовалова В.И.* Время и вечность в православном мирозерцании // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2011. С. 94–109.
12. *Прокл.* Первоосновы теологии. М.: Прогресс, 1993.
13. *Топоров В.Н.* Работники одиннадцатого часа «Слово о законе и благодати» и древнекиевские реалии // Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М.: Гнозис, 1995.
14. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

THE WORLD OF MULTIPLIES AS A MIRROR OF THE KEY WORLDVISION PARADIGMS

S.A. Vekshenov

*Russian Academy of Education
8 Pogodinskaya St., 119121, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article makes an attempt to comprehend the worldview paradigms based on the dialectic of the concepts “part” – “whole”, on the one hand, and “time” – “eternity,” on the other. These paradigms are realized in theological concepts, mathematical theories and social doctrines. It is the social embodiment of these paradigms that is most acute. Analyzing the world of sets and its broader context of Neoplatonism, one can formulate a hypothesis about deep collisions of the leading doctrine of modern society and possible ways of resolving these collisions.

Keywords: sets, worldview paradigms, diagonal method, society.

МЕТАЛОГИКА: ПРОБУЖДЕНИЕ ЛОГИКИ**К.И. Бахтияров¹***Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К.А. Тимирязева**Российская Федерация, 127550, Москва, ул. Тимирязевская, 49*

Аннотация. Как показано в статье, одноуровневая матрица двумерной бинарности представляет 4 модуса времени, 4 фазы генезиса, 4 буквы генетического кода. Двухуровневая матрица позволяет представить кодоны, 16 психотипов, 16 Времен английского глагола, супергенезис. Трёхуровневая двумерная бинарность даёт триплеты генетического кода и модель сознательного разума. Для трёх универсальных парадигм бинарности построены логики Буля, Лукасевича и металогики, но последние до сих пор не используются в компьютерах. Необходима программа CrossWord вместо Word.

Ключевые слова: одномерная и двумерная бинарность, многоуровневая двумерная бинарность.

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

Шекспир. Буря

Для решения проблемы необходимо преодолеть трудности перехода от логики статики к логике динамики становления. Для анализа генезиса Аристотель использовал таблицу [1. С. 303]. Имеем две триады, описывающие переходы «туда – обратно» между доминантами:

01	11	00 НЕБЫТИЕ – 01 <i>Возникновение</i> – 11 БЫТИЕ и 11 БЫТИЕ – 10 <i>Исчезновение</i> – 00 НЕБЫТИЕ.
00	10	Преодолеваются трудности понимания аристотелевских таблиц [2].

Фактически дается новая интерпретация 4-значной логики Лукасевича [4. С. 281] как генезиса Аристотеля. На самом деле это означает строгое следование принципу **ДВУМЕРНОЙ БИНАРНОСТИ**, имеющей 4 ортогональные ветви. **Бинарные логические операции выполняются с помощью покомпонентного принципа.** Таблица дизъюнкции:

V	<u>00</u>	<u>01</u>	<u>10</u>	<u>11</u>
<u>00</u>	<u>00</u>	<u>01</u>	<u>10</u>	<u>11</u>
<u>01</u>	<u>01</u>	<u>01</u>	<u>11</u>	<u>11</u>
<u>10</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>10</u>	<u>11</u>
<u>11</u>	<u>11</u>	<u>11</u>	<u>11</u>	<u>11</u>

¹ E-mail: kamil.bakhtiyarov@gmail.com

Предложенные двоичные коды 01 / 10 для промежуточных значений более адекватны, чем недвоичный полукод (*half bad*)^{1/2}, который ранее был предложен в квантовой логике для ситуации неопределенности. На самом деле это означает строгое следование бинарному принципу.

Двухуровневая модель супергенезиса была выдвинута Ибн Араби, позже она была реализована в логической машине в виде кругов Луллия. Производится прививка *x*-ветвей металогии к *X*-стволам логики Лукасевича. Получаем густо ветвящееся иерархическое дерево металогии, с появлением которой стало возможным оценить по достоинству великое значение *X*-логики Лукасевича.

Проще всего это представить на примере модели времени. ОДНОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ имеет доминанты: *00 PAST – *11 FUTURE и переходы: *10 Future in the Past – *01 Present = Past in the Future. ДВУХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ имеет супердоминанты: 01 01 INDEFINITE PRESENT – 10 10 PERFECT CONTINUOUS – FUTURE IN THE PAST, где видовые формы фрактальны модусам времени. Теперь можно построить двухуровневую модель Вре́мён на основе *Луллиева квадрата* 16-значной логики:

01	11
*01	*11
*00	*10
00	10

01. Indefinite	11. Continuous
*01. Present	*11. Future
*00. Past	*10. Future in the Past
00. Perfect	10. Perfect Continuous

Приведем развернутую таблицу времен английского глагола:

01. Indefinite	11. Continuous	Макроуровень	01. Indefinite	11. Continuous
00. Perfect	10. Continuous-Perfect		00. Perfect	10. Continuous-Perfect
			*01. Present	*11. Future
			*00. Past	*10. Future-Past
01. Indefinite	11. Continuous		01. Indefinite	11. Continuous
00. Perfect	10. Continuous-Perfect		00. Perfect	10. Continuous-Perfect

Путеводителем по метафизике (*Companion to Metaphysics*) становится *металогика метафизики*. Имеем доминанты Вре́мён: на макроуровне * 00 PAST – * 11 FUTURE и на микроуровне * 00 PERFECT – *11 CONTINUOUS. Процесс *01 *возникновение* – это самое обычное Present = Past-Future. Антитезисом будет *10 *исчезновение*, которое представляет собой странное Future in the Past = Future-Past.

В результате мы получили оцифровку системы из 16 Вре́мён английского глагола. Теперь вслед за новой интерпретацией 4-значной логики Лукасевича как логики аристотелева Генезиса впервые предложена 16-значная логика неаристотелева Супергенезиса. Используя снова покомпонентный принцип, можно построить таблицу дизъюнкций для 16 парных комбинаций первичных элементов:

V	00 00	01 01	<u>11 01</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 10</u>	00 10	10 00
	01 00	00 01	<u>10 01</u>	<u>00 11</u>	<u>10 11</u>	<u>11 10</u>	01 10	11 00
00 00	00 00	01 01	<u>11 01</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 10</u>	00 10	10 00
01 00	01 00	00 01	<u>11 01</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 10</u>	01 10	11 00
01 01	01 01	01 01	<u>11 01</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 01</u>
00 01	00 01	00 01	<u>10 01</u>	<u>00 11</u>	<u>10 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 01</u>
<u>11 01</u>	<u>11 01</u>	<u>11 01</u>	<u>11 01</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 01</u>
<u>10 01</u>	<u>11 01</u>	<u>10 01</u>	<u>10 01</u>	<u>10 11</u>	<u>10 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 01</u>
<u>01 11</u>	<u>01 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>
<u>00 11</u>	<u>01 11</u>	<u>00 11</u>	<u>10 11</u>	<u>00 11</u>	<u>10 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>
<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>
<u>10 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 11</u>	<u>10 11</u>	<u>10 11</u>	<u>10 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>
<u>10 10</u>	<u>10 10</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 10</u>	<u>10 10</u>	<u>10 10</u>
<u>11 10</u>	<u>11 10</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 10</u>	<u>11 10</u>	<u>11 10</u>
00 10	00 10	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 10</u>	00 10	<u>10 10</u>
01 10	01 10	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>01 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 10</u>	01 10	<u>11 10</u>
10 00	10 00	<u>11 01</u>	<u>11 01</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>10 10</u>	<u>10 10</u>	10 00
11 00	11 00	<u>11 01</u>	<u>11 01</u>	<u>11 11</u>	<u>11 11</u>	<u>11 10</u>	<u>11 10</u>	11 00

Метафизика динамических процессов впервые была представлена в таблице *Генезиса* Аристотеля. Автором предлагается её цифровое представление, которое необходимо для компьютеров:

01	11	, где 01 над 00, а 10 под 11. Это значения логики Я. Лукасевича, который фактически впервые ввёл ДВУМЕРНУЮ БИНАРНОСТЬ ,
00	10	

а вовсе не четырехзначность (как для чисел в двоичной системе счисления, где $11_2 = 3$). Однако его логику до сих пор помещают в монографиях по многозначной логике. *Формальный результат* получен в 1953 г., но до сих пор не используется в компьютерах. Будем надеяться, что её *интерпретация*, предложенная автором, будет этому способствовать. Действительно, нежелательность использования неинтерпретируемых теорий неоднократно отмечалась математиками.

«Особого вида симметрией обладает квадрат – его можно повернуть на 90° , и он снова будет выглядеть так же, как и прежде» [6. С. 22]. Он обладает особым рода биполярной симметрией. Наглядным геометрическим образом могут служить концы диагоналей буквы **X** (воистину *неизвестное Икс* со времён Аристотеля). Они представляют **дискретные** фазы цикла (как 4 фазы Луны или модели рефлексии Инь-Ян), что позволяет избежать *континуальности* мнимой экспоненты, которая является *изменой* дискретной бинарности. Упорядоченные бинарные пары являются Декартовыми координатами единичного квадрата. Например, $(0; 0) = 00$ и $(0; 1) = 01$. Будем пользоваться сжатой записью Лукасевича (с подразумеваемым пробелом), хотя вершины квадрата 2×2 не тождественны 4 точкам отрезка или окружности (в двоичной системе счисления). В этом смысле и *одномерное многозначное*

отображение циферблата в десятичной системе счисления является неадекватным, *кривым*.

Переход к **ДВУХУРОВНЕВОЙ ДВУМЕРНОЙ БИНАРНОСТИ** явится подлинной научной революцией. Получаем два уровня двумерного иерархического дерева: от концов диагоналей **X** ответвляются новые **x-ы**, для вершин которых потребуется позиционная запись. Например, (0; 0) (0; 1) = 00 01. Автор воспользовался мудростью древних шумеров. Ведь, согласно А. Пуанкаре, если *пользоваться высшим умом*, то он *дает нам крылья*.

Представим себе геометрическую модель метафизики в виде эпициклов и тензорного произведения как их алгебраического представления. Блоки матрицы метагенеза представляют собой малые круги (эпициклы), центрированные на большом круге (*дифференте*), который выражает многоуровневую фрактальную систему. Ф. Вильчек заметил: «Многие физики, включая самого Гелл-Манна, думали, что кварки могут оказаться полезным вымыслом вроде эпициклов...» [3. С. 216]. В современной науке полезными оказались эпициклы с их *алгебраическим* представлением как левого тензорного произведения, по Ю.Б. Румеру (если его буквенные матрицы оцифровать):

$$\begin{array}{|c|c|} \hline 01 & 11 \\ \hline 00 & 10 \\ \hline \end{array} \times \begin{array}{|c|c|} \hline 01 & 11 \\ \hline 00 & 10 \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|c|c|c|} \hline 01\ 01 & 11\ 01 & 01\ 11 & 11\ 11 \\ \hline 00\ 01 & 10\ 01 & 00\ 11 & 10\ 11 \\ \hline 01\ 00 & 11\ 00 & 01\ 10 & 11\ 10 \\ \hline 00\ 00 & 10\ 00 & 00\ 10 & 10\ 10 \\ \hline \end{array}$$

Происхождение матрицы Румера от таблицы Луллия можно усмотреть, если заметить, что её *вложенный внутренний квадрат* представляет блочную структуру генетической матрицы:

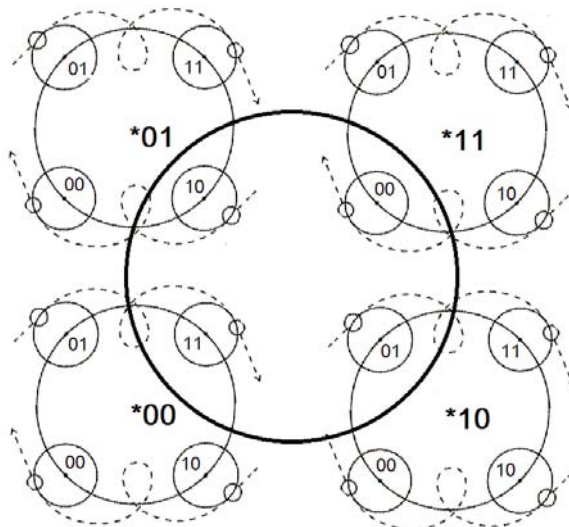
$$\begin{array}{|c|c|c|c|} \hline 01 & & & 11 \\ \hline & *01 & *11 & \\ \hline & *00 & *10 & \\ \hline 00 & & & 10 \\ \hline \end{array} \rightarrow \begin{array}{|c|c|c|c|} \hline 01\ 01 & 11\ 01 & 01\ 11 & 11\ 11 \\ \hline 00\ 01 & 10\ 01 & 00\ 11 & 10\ 11 \\ \hline 01\ 00 & 11\ 00 & 01\ 10 & 11\ 10 \\ \hline 00\ 00 & 10\ 00 & 00\ 10 & 10\ 10 \\ \hline \end{array}$$

Сопоставив оба представления, понимаем, как трудно бывает написать так, чтобы тебя поняли будущие потомки. Этот скачок из 12-го в 21-й век является подлинной научной революцией. Луллий подчеркивает многоуровневость, но в обоих представлениях вершины диагоналей совпадают, а прочие значения у него получаются при вращении внешнего квадрата (на 90 градусов). Например, диагональ супердоминант: 00 00 – 11 11. Недаром Ю.С. Владимиров считает логику предгеометрией [5. С. 207].

Эпициклы также описывают видимое нами движение планет.

Если одноуровневая матрица двумерной бинарности представляет 4 модуса грамматического времени, 4 фазы генезиса, 4 буквы генетического кода, то двухуровневая матрица позволяет представить их пары – кодоны, 16 психотипов К. Юнга, 16 Времен английского глагола, супергенезис. Переход бинарности к двумерности и многоуровневости позволяет найти пути решения проблемы универсального языка, поставленной Лейбницем. Трёхуровневая матрица даёт триплеты генетического кода и модель сознательного разума (включая ментальный уровень) [2].

Геометрическая система эпициклов:

Наглядным примером необходимости многоуровневой модели являются знаки различия воинских званий. Одна звездочка имеет различные уровни (которые могут отличаться числом просветов на погонах). Первый уровень – младший лейтенант (один просвет), второй уровень – майор (два просвета), третий уровень – генерал-майор.

Неаристотелевский Сверхгенезис дает диалектику сознания. Идея диалектической логики равносильна попытке объяснить тайну сознания. Цель образования – это стимулирование мыслительного процесса. Н. Винер считал, что возражения, выдвинутые против теории типов Б. Рассела, создают «реальную основу для отрицания существования какой бы то ни было единой замкнутой в себе логики» [4. С. 281]. Поэтому предлагается **многоуровневая двумерно-бинарная логика** вместо *теории типов*, а в физике – вместо *теории струн* (имеющей лишние измерения). Многоуровневая модель (по образу и подобию генетического кода) позволяет проникнуть в глубины сознания. Впрочем, оригинален был только Создатель, ибо изначально в генетическом коде всего живого используется **ТРЕХУРОВНЕВАЯ ДВУМЕРНО-БИНАРНАЯ ЛОГИКА**. Это – логика полного сознательного разума, имеющего три фрактальные ипостаси, что позволяет описать субъективное мышление. Имеем СверхСуперДоминанты: «11 11 11 – несовершенное будущее ментальное» – «00 00 00 – совершенное прошлое ментальное». Возможно и непредсказуемое прошлое – это несовершенное ментальное прошлое, которое представлено в романе Е.Г. Водолазкина «Совсем другое время». Трёхуровневая матрица даёт модель сознательного разума (включая ментальный уровень). Обретаем логическую модель сознания [2].

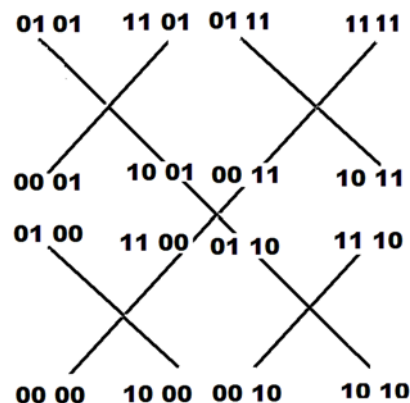
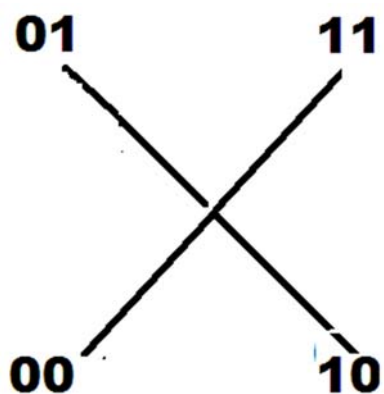
Для пробуждения логики необходима логика пробуждения. Это позволяет оживить логику. Узость современной компьютерной логики наглядно видна на невозможности описания психических явлений одномерной логикой, где два значения: 0 сон и 1 явь. Процесс 01 **пробуждение** (от сна) требует **двумерного кода**, процесс 01 00 **пробуждение в сновидении** –

двухуровневого двумерного кода. Бывает мнимое исполнение желания во сне и потом наяву.

Роман Уэллса «Когда спящий проснется» имеет знаменательное название, а в книге Ван-дер-Вардена «Пробуждающаяся наука» большое внимание недаром уделяется позиционной нумерации шумеров, хотя иногда считают, что такое внимание сродни попыткам возродить клинопись. Позиционная запись числовых значений впервые была применена шумерами. В 60-ричной системе счисления два клина обозначали число 2, а с пробелом – 61. У них цифра высшего разряда первоначально была больше (как заглавная буква в верхнем регистре **Shift**) и использовались пробелы, как у нас при записи времени: 1:01 = 1 час 1 мин. = 61 мин. Таким образом, пробелы и позиционная нумерация происходят от именованных чисел. Стрелки в обычных часах описывают концентрические круги (почти по Луллию), реализуя трехуровневое время (часы, минуты, секунды). Например, 01:01:01 = 3661 с. Почти как у шумеров. Реализуя позиционный принцип, арабская десятичная система использует числовые разряды с подразумеваемыми пробелами.

Остроумный код 01 Лукасевича *со сгущением и замещением* по Фрейдю делает понятным неостроумная запись (0; 1) в виде двумерной точки. Восстановление *пробелов* кода позволяет восстановить *пробел* и в их понимании. Надо отличать остроумное содержание мыслей от остроумной оболочки. Эта цифровая техника универсального кода параллельна словесной технике при работе остроумия, которое использует экономную технику подсознания. Например, переход от «Враг нас не раз бил» к фразе «Враг нас не разбил» – юмор наш. Экономия при сгущении меняет смысл.

Пути вдоль и поперек образуют **перекресток**, где можно оглянуться *окрест* себя. Такова скелетная структура двумерной логики – она проще, чем планиметрия Евклида, но труднее для понимания. Перекресток является фундаментом металогии – производится прививка *x*-ветвей металогии к *X*-стволам логики Лукасевича, на плечах которого построена металогика. Теперь возможно оценить по достоинству ее великое значение. Это не перестройка, а надстройка. Получаем **перекресток** и густо ветвящееся **иерархическое дерево** металогии.

БИНАРНОСТЬ является ключевым универсальным понятием в метафизике согласно Ю.С. Владимирову [5. С. 207]. Подчеркнем фундаментальный характер бинарного кода для создания искусственного интеллекта. Чтобы преодолеть узость своей колеи *спеца* (**Alt**), к её долготе добавляется широта круга *знания профи* – ортогональные диаметры ориентации по 4 странам света (**Ctrl**) и возводятся этажи башни духовного возвышенного *со-знания мудреца* (**Shift**). Одномерная логика Буля, двумерная логика Лукасевича и многоуровневая металогика являются этапами большого пути по построению искусственного интеллекта. **ОДНОМЕРНАЯ** и **ДВУМЕРНАЯ БИНАРНОСТЬ**, **МНОГОУРОВНЕВАЯ ДВУМЕРНАЯ БИНАРНОСТЬ** – это три последовательно *вложенные* (как матрёшки) *универсальные* парадигмы, которые удовлетворяют принципу соответствия.

Этапами большого пути по построению искусственного интеллекта являются логики Буля, Лукасевича и металогики, но последние до сих пор не используются в компьютерах. Необходима программа CrossWord вместо Word. Это послание грядущим поколениям, ибо важнее то, что будет, чем то, что было.

Литература

1. *Аристотель*. О небе // Соч. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
2. *Бахтияров К.И.* Многоуровневая модель сознания // Основания фундаментальной физики и математики: материалы IV Российской конференции М.: РУДН, 2020. С. 172–176.
3. *Вильчек Ф.* Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2019.
4. *Винер Н. Я* – математик. М.-Ижевск: РХД, 2002.
5. *Владимиров Ю.С.* Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002.
6. *Фейнман Р.* Характер физических законов. М.: Мир, 1968.

METALOGIC: THE REVIVAL OF LOGIC

K.I. Bakhtiyarov

*Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow Agricultural Academy
49 Timiryazevskaya St., Moscow, 127550, Russian Federation*

Abstract. As shown in the article, a single-level matrix of two-dimensional binarity represents 4 modes of time, 4 phases of genesis, 4 letters of the genetic code. The two-level matrix allows you to represent codons, 16 psychotypes, 16 tenses of the English verb, supergenesis. The three-level matrix gives triplets of the genetic code and a model of the conscious mind. For three universal paradigms of binarity, the logics of Boole, Lukasiewicz and metalogic were built, but the latter are still not used in computers. You need the CrossWord program instead of Word.

Keywords: one-dimensional and two-dimensional binary, multi-level two-dimensional binary

НАШИ АВТОРЫ

АМЕЛИНА Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета управления.

БАХТИЯРОВ Камиль Ибрагимович – доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева.

ВЕКШЕНОВ Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, профессор Российской академии образования.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

ВЛАДИМИРОВ Юрий Сергеевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической физики физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Института гравитации и космологии РУДН.

ГРЯЗНОВ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ЗАХАРОВ Валерий Дмитриевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

НЕКЛЕССА Александр Иванович – руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ПОСТОВАЛОВА Валентина Ильинична – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН.

РОЛДУГИНА Ольга Юрьевна – доцент кафедры истории отечества, государства и права Московского государственного университета геодезии и картографии, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

СВЕРДЛИК Анна Геннадиевна – специалист в области нейрочувствительной патологии, преподаватель клинической психиатрии медицинского факультета Тель-Авивского университета, член международного нейропсихоаналитического общества.

СИДОРОВА-БИРЮКОВА Анна Алексеевна – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ТАРЛАНОВ Замир Курбанович – доктор филологических наук, профессор Северного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Петрозаводск.

ЯКОВЛЕВ Владимир Анатольевич – доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Общие требования по оформлению статей для журнала «Метафизика»

Автор представляет Ответственному секретарю текст статьи, оформленной в соответствии с правилами Редакции. После согласования с Главным редактором статья направляется на внутреннее рецензирование и затем принимается решение о возможности ее опубликования в журнале «Метафизика». О принятом решении автор информируется.

Формат статьи:

- Текст статьи – до 20–40 тыс. знаков в электронном формате.
- Язык публикации – русский/английский.
- Краткая аннотация статьи (два-три предложения, до 10–15 строк) на русском и английском языках.
- Ключевые слова – не более 12.
- Информация об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень и звание, место работы, должность, почтовый служебный адрес на русском и английском языках, контактные телефоны и адрес электронной почты.

Формат текста:

- шрифт: Times New Roman; кегль: 14; интервал: 1,5; выравнивание: по ширине;
- абзац: отступ (1,25), выбирается в меню – «Главная» – «Абзац – Первая строка – Отступ – ОК» (то есть выставляется автоматически).
- ✓ Шрифтовые выделения в тексте рукописи допускаются только в виде курсива.
- ✓ Заголовки внутри текста (названия частей, подразделов) даются выделением «Ж» (полуужирный).
- ✓ Разрядка текста, абзацы и переносы, расставленные вручную, не допускаются.
- ✓ Рисунки и схемы допускаются в компьютерном формате.
- ✓ Века даются только римскими цифрами: XX век.
- ✓ Ссылки на литературу даются по факту со сквозной нумерацией (не по алфавиту) и оформляются в тексте арабскими цифрами, взятыми в квадратные скобки, после цифры ставится точка и указывается страница/страницы: [1. С. 5–6].
- ✓ Номер сноски в списке литературы дается арабскими цифрами без скобок.
- ✓ Примечания (если они необходимы) оформляются автоматическими подстрочными сносками со сквозной нумерацией.

Например:

- На место классовой организации общества приходят «общности на основе объективно существующей опасности» [2. С. 57].
- О России начала XX века Н.А. Бердяев писал, что «постыдно лишь отрицательно определяться волей врага» [3. С. 142].

Литература

1. Адорно Т.В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Кризис искусства. М.: Канон+, 2004.
4. Савичева Е.М. Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 4. С. 52–62.
5. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

С увеличением проводимости¹ кольца число изображений виртуальных магнитов увеличивается и они становятся «ярче»; если кольцо разрывается и тем самым прерывается ток, идущий по кольцу, то изображения всех виртуальных магнитов исчезают.

¹ Медное кольцо заменялось на серебряное.

Редакция в случае неопубликования статьи авторские материалы не возвращает.

Будем рады сотрудничеству!

Контакты:

Белов (Юртаев) Владимир Иванович, тел.: 8-910-4334697; e-mail: vyou@yandex.ru

Для заметок
